

ESTICA A 10247

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Хрестоматия для X класса

Составила
А. РАУМАН

РК
„Pedagoogiline Kirjandus“

ARH

ESTICA

A-10247

A

XV A-9889

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

ХРЕСТОМАТИЯ ДЛЯ X КЛАССА

ЭСТОНСКИХ СРЕДНИХ ШКОЛ

II ТЕТРАДЬ

Составила А. Рауман

А. М. Сед

Kõnustuslik kontrolleksemplar

РК

„PEDAGOOGILINE KIRJANDUS“

TALLINN 1949

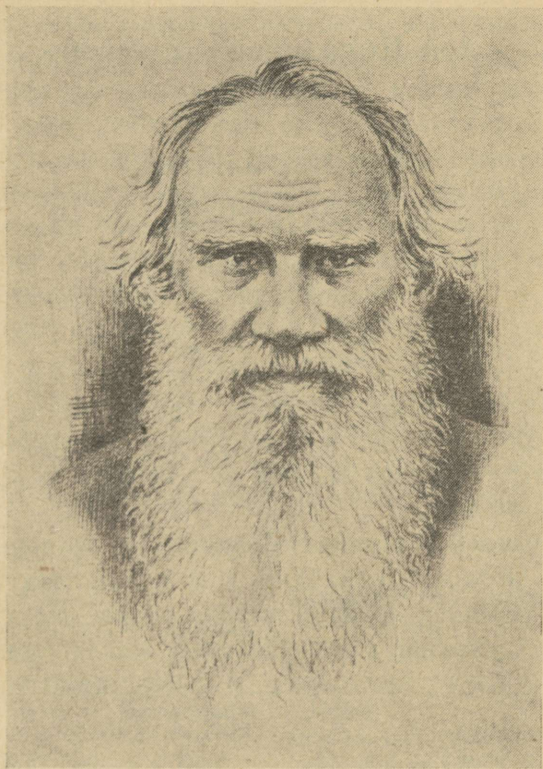

ESTICA

A-10247
ARHIIVKOGU

ARTU ÜLIKOOLI
RAAMATUKOGU

Лев Николаевич Толстой
(1828—1910)

Лев Николаевич Толстой

(1828—1910).

ВОЙНА И МИР.

ТОМ ПЕРВЫЙ.

Часть вторая.

XX.

Пехотные полки, застигнутые враспloh в лесу, выбежали из леса, и роты, смeшиваясь с другими ротами, уходили беспорядочными толпами. Один солдат в испуге проговорил страшное на войне бессмысленное слово: „отрeзали!“, и слово, вместе с чувством страха, сообщилось всей массе.

— Обошли! Отрeзали! Пропали! — кричали голоса бегущих. Полковой командир, в ту самую минуту как он услышал стрельбу и крик сзади, понял, что случилось что-нибудь ужасное с его полком, и мысль, что он, при-

---

пехотный — jalaväe-
застигнутый (прим.) — tabatud
враспloh — ootamatult
смeшиваясь (дееприм.) — segunedes
беспорядочный — korratu
в испуге — hirmuga v. hirmunult
бессмысленный — mõttetu
отрeзать* (буд. -рeжу, -рeжешь) — ära lõikama

чувство — tunne
сообщиться* (буд. сообщьсь, сообщьшьясь) — teatavaks saama
сообщилось (безлич.) — levis, sai teatavaks
обойти* (буд. обойдъ, -дешь) — ümber haarama
пропасть* (буд. -падъ, -падешь) — kaduma
примeрный — eeskujulik

мёрный, много лет служивший, ни в чём не виноватый офицер, мог быть виновен перед начальством в оплошности или нераспорядительности, так поразила его, что в ту же минуту, забыв и непокорного кавалериста-полковника и свою генеральскую важность, а главное — совершенно забыв про опасность и чувство самосохранения, он, ухватившись за лук седла и шпоря лошадь, поскакал к полку под градом обсыпавших, но счастливо миновавших его пуль. Он желал одного: узнать, в чём дело, и помочь и исправить во что бы то ни стало ошибку, ежели она была с его стороны, и не быть виновным ему, двадцать два года служившему, ни в чём не замеченному примерному офицеру.

Счастливо проскакав между французами, он подскакал к полю за лесом, через который бежали наши и, не слушаясь команды, спускались под гору. Наступила та минута нравственного колебания, которая решает участь сражений: послушают эти расстроенные толпы солдат голоса своего командира, или, оглянувшись на него, по-

виноватый — süüdi
 оплошность (ж. р.) — juhmus,
 eksing, viga
 нераспорядительность (ж. р.) —
 organiseerimis- e. korraldamis-
 jöuetus
 непокорный — sõnakuulmatu,
 kangekaelne, isemeelne
 важность (ж. р.) — tähtsus
 опасность (ж. р.) — hädahoht
 самосохранение — enesealalhoid
 лук — sadulahari
 седло — sadul
 шпорить (-рю, -ришь) — kannus-
 tama
 шпоря (дееприч.) — kannustades

поскакать* (буд. -скачѹ, -скачешь)
 — kihutama
 град — rahe
 обсыпавший (прич.) — üle puis-
 tanud
 миновавший (прич.) — möödunud
 пуля — kuul
 замеченный (прич.) — märkust
 saanud
 нравственный — kõlblas, moraalne
 колебание — kõikumine
 участь — saatus
 сражение — lahing
 расстроенный — segipaisatud
 оглянувшись (дееприч.) — tagasi
 vaadanud

бегут дальше. Несмотря на отчаянный крик прежде столь грозного для солдата голоса полкового командира, несмотря на разъярённое, багровое, на себя не похожее лицо полкового командира и маханье шпáгой, солдаты всё бежали, разговáривали, стреляли в воздух и не слушали команды. Нравственное колебание, решающее участь сражений, очевидно разрешáлось в пользу страха.

Генерал закашлялся от крика и порохового дыма и остановился в отчаянии. Всё казалось потеряно. Но в эту минуту французы, наступавшие на наших, вдруг, без видимой причíны, побежали назад, скрýлись из опушки леса, и в лесу показались русские стрелки. Это была рота Тимохина, которая одна в лесу удержáлась в порядке и, засев в канáву у леса, неожиданно атаковáла французов. Тимохин с таким отчаянным криком бросился на французов и с такою безумною и пьяною решительностью, с одною шпáжкой, набежал на неприятеля, что французы, не успев опомниться, побросали оружие и по-

отчаянный — meeleheitlik
 столь — niivõrd
 грозный — ähvardav
 разъярённый — gaevunud
 багровый — purpurpunane
 маханье — vehkimine
 шпáга — mõõk (aumõõk)
 разрешáться (-шáеться, -шáется) lahenuma
 закашляться* (буд. -ляюсь, -ляешься) — kõhima hakkama
 пороховой — püssirohudydym — suits
 отчаяние — meeleheide
 в отчаянии — meeleheitel
 наступавший (прив.) — rünnanud; rünnates, peale tungides
 причíна — põhjus

скрýться* (буд. скрóюсь, -ешься) — end varjama, kaduma
 опушка — metsaserv
 стрелок (р. п. стрелкá) — kütt
 удержáться* (буд. -жýсь, -жишься) — püsima
 засесть* (буд. -сяду, -сядешь) — istuma, asuma
 канáва — kraav
 атаковáть (-кýю, -кýешь) — ründama
 броситься* (-шусь, -сишься) — sõõstma
 безумный — meeletu
 пьяный — joobnud
 решительность (ж. р.) otsustavus
 шпáжка — mõõgake
 не успев (дееприв.) — jõudmata

бежали. Долохов, бежавший рядом с Тимохиным, убил одного француза и первый взял за воротник сдавшегося офицера. Бегущие возвратились, батальоны собрались, и французы, разделившие было на две части войска левого фланга, на мгновение были оттеснены. Резервные части успели соединиться, и беглецы остановились. Полковой командир стоял с майором Экономовым у моста, пропуская мимо себя отступающие роты, когда к нему подошел солдат, взял его за стремя и почти прислонился к нему. На солдате была синеватая, фабричного сукна шинель, ранца и кивера не было, голова была повязана и через плечо была надета французская зарядная сумка. Он в руках держал офицерскую шпагу. Солдат был бледен, голубые глаза его нагло смотрели в лицо полковому командиру, а рот улыбался. Несмотря на то, что полковой командир был занят отдаванием приказа майору Экономову, он не мог не обратить внимания на этого солдата.

— Ваше превосходительство, вот два трофея, — сказал Долохов, указывая на французскую шпагу и сумку. — Мною взят в плен офицер. Я остановил роту. — Долохов тяжело дышал от усталости; он говорил с останками.

воротник — krae
сдавшийся — alistunud
возвратиться* (буд. -рацусь, -ратишься) — tagasi pöörduma
разделивший — jagunenud
разделившие было — peaaegu jaganud
фланг — tiib
оттесненный (прич.) — tagasi surutud
резервный — reserv-
соединиться* (буд. -ниось, -нишься) — ühlnema
беглец — põgenik
отступающий (прич.) — taganev

стремья — jalus
фабричный — vabriku-
сукно — kalev
повязанный (прич.) — seotud, sidemes
надетый (надеть) — asetatud
зарядная сумка — laengukott
блédный — kahvatu
нагло — jultunult
занят (прич.) — tegevuses
отдавание — andmine
приказ — käsk
указывать = показывать
останок — peatus

— Вся рота может свидѣтельствовать. Прошу запѳмнить, ваше превосходительство!

— Хорошо, хорошо, — сказал полковой командир и обратился к майору Экономову. Но Долохов не отошел; он развязал платок, дернул его и показал запѳкшуюся в волосах кровь.

— Рана штыком, я остался во фронте. Попѳмните, ваше превосходительство.

Про батарею Тѳшина было забыто, и только в самом конце дѣла, продолжая слышать канонаду в центре, князь Багратиѳн послал туда дежурного штаб-офицера и потом князя Андрея, чтобы велеть батарее отступать как можно скорее. Прикрытiе, стоявшее подле пушек Тѳшина, ушло, по чьему-то приказанию, в середине дела; но батарея продолжала стрѣлять и не была взята французами только потому, что неприятель не мог предполагать дерзости стрѣльбы четырех, никем не защищенных, пушек. Напротив, по энергичному дѣйствию этой батареи, он предполагал, что здесь, в центре, сосредоточены главные силы русских, и два раза пытался атаковать этот пункт и оба

запѳмнить* (*буд.* -мню, -нишь) —

meeles pida

развязать* (*буд.* -вяжѳ, -вяжешь)

— lahti harutama

запѳкшийся (*прим.*) — tardunud

штык — taa

попѳмнить = запѳмнить

продолжая (*деприм.*) — jatkates

канонада — suurtukimur

велеть (-лю, -лишь) — kaskima

прикрытiе — kaitse

дѣло — *sin*: lahing

предполагать (-гаю, -гаешь) — oletama

дерзость — jultumus, habematus

дѣйствие — tegevus

сосредоточенный (*прим.*) — koondatud

пытаться (-таюсь, -таешься) — puidma, katsuma

раза был прогоняем картёчными выстрелами одиноко стоявших на этом возвышении четырёх пушек.

Скоро после отъезда князя Багратиона Тушину удалось зажечь Шенграбен.

— Вишь, засумятились! Горит! Вишь дым-то! Лёвко! Важно! Дым-то, дым-то! — заговорила прислуга, оживляясь.

Все орудия без приказа били в направлении пожара. Как будто подгоняя, подкрикивали солдаты к каждому выстрелу: „Ловко! Вот так-так! Ишь, ты... Важно!“ Пожар, разносимый ветром, быстро распространялся. Французские колонны, выступившие за деревню, ушли назад, но как бы в наказание за эту неудачу, неприятель выставил правее деревни десять орудий и стал бить из них по Тушину.

Из-за детской радости, возбуждённой пожаром, и

прогоняем (*прим.*) — äraaetav, minema kihutatav

одиноко — üksikult

возвышение — kõrgendik

удаться* (*буд.* удаться, удётся)

— õnnestuma

ему удалось (*безлич.*) — tal õnnestus

зажечь* (*буд.* зажжёшь, зажжёт)

— süütama

вишь = видишь *siin*: kas näed, kas

засумятишься* (*народное*), (*буд.* -мячусь, -мятишься) — segadusse sattuma

лёвко — osavasti

важно — tubli

прислуга — *siin*: patarei meeskond

оживляясь (*дееприм.*) — erksamaks muutudes

бить — *siin*: tulistama

направление — suund

пожар — tulekahj

подгоняя — (*дееприм.*) — taga ajades

подкрикивать (-ваю, -ваешь) — karjuma

разносимый (*прим.*) — edasikantav

распространяться (-няюсь, -няешься) — levima

выступивший (*прим.*) — väljunud, esinenud

наказание — karistus

неудача — ebaõnnestumine

выставить* (*буд.* -влю, -вишь) — välja panema

возбуждённый — *siin*: tekitatud

азарта уда́чной стрельбы по французам, наши артиллеристы заметили эту батарею только тогда, когда два ядра и вслед за ними ещё четыре ударили между орудиями и одно повалило двух лошадей, а другое оторвало ногу ящичному вожатому. Оживлѣние, раз установившееся, однако, не ослабѣло, а только переменяло настроѣние. Лошади были заменены другими из запаснаго лафѣта, раненые убраны, и четыре орудия повернуты против десятипушечной батареи. Офицер, товарищ Тушина, был убит в начале дела, и в продолжение часа из сорока человек прислуги вы́были семнадцать, но артиллеристы всё так же были веселы и оживлены. Два раза они замечали, что внизу, близко от них, показывались французы; и тогда они били по ним картечью.

Маленький человек, с слабыми, неловкими движениями, требовал себе беспрестанно у денщика *ещё трубочку за это*, как он говорил, и, рассыпая из неё огонь, выбегал вперёд, и из-под маленькой ручки смотрел на французов.

— Круши́, ребята! — приговаривал он, и сам подхва́-

удачный — õnnestunud

ядро — suurtükikuul

ударить* (буд. -рю, -ришь) — lööma

повалить* (буд. -лю, -лишь) — ümber e. maha tõukama (lööma)

ящичный вожатый — kastimees

оживлѣние — elavus

установившийся — püsima jäänud,

v. maad võtnud, tekkinud

однако — siiski

ослабѣть* (буд. -бѣю, -бѣешь) — nõrgenema

переменить* (буд. -меню, -менишь)

— muutma

настроѣние — meeleolu

заменены (прим.) — asendatud

запасной — tagavara-

повёрнутый (прим.) — pööratud

вы́быть* (буд. вы́буду, вы́будешь)

— välja langema

неловкий — kohmakas

беспрестанно — vahetpidamata

трубочка — piibuke

рассыпая (деприм.) — puistades

крушить (-шу, -шишь) — lõh-

kuma

приговаривать (-ваю, -ваешь) —

(juurde) rääkima, lisama

подхватывать (-ваю, -ваешь) —

kinni haarama

тывал орудия за колёса и вывѣнчивал винты. В дыму, оглушаемый беспрерывными выстрелами, заставлявшими его каждый раз вздрагивать, Тушин, не выпуская своей носогрѣлки, бегал от одного орудия к другому, то прицѣливаясь, то считая заряды, то распоряжаясь переменою и перепрѣжкой убитых и раненых лошадей, и покрикивал своим слабым, тоненьким, нерешительным голоском. Лицо его всё более и более оживлялось. Только когда убивали или ранили людей, он морщился, и, отворачиваясь от убитого, сердито кричал на людей, как всегда, мешкавших поднять раненого или тело. Солдаты, большею частью красивые молодцы (как и всегда в батарейной роте, на две головы выше своего офицера и вдвое шире его), все, как дети в затруднительном положении, смотрели на своего командира, и то выражение, которое было на его лице, неизменно отражалось на их лицах.

Вслѣдствие этого страшного гула, шума, потребности

вывѣнчивать (-ваю, -ваешь) — kru- visid välja keerama	kulmu kortsutama v. nägu krimp- su tõmbama
оглушаемый — kõrvad lukku põ- rutatud	отворачиваться (-ваюсь, -ваешься) — kõrvale pöörduma
заставлявший (<i>прим.</i>) — mis sundis носогрѣйка — ninasoojendaaja, piibu- nosu	убитый — tapetu
прицѣливаясь (<i>дееприм.</i>) — sihtides заряд — laeng	мешкать (-каю, -каешь) — viivitama мешкавший (<i>прим.</i>) kes viivitas
распоряжаясь (<i>дееприм.</i>) — korral- dusi tehes	молодѣц (<i>р. п.</i> молодца) — tubli poormees; молодец — rahvaluules: vägilane
перемена — ümber vahetamine	затруднительный — raske
перепрѣжка — ümber rakendamine	выражение — ilme
тоненький — peenike	неизменно — muutumatult
нерешительный — ebakindel	отражаться (-жаюсь, -жаешься) — peegelduma
голосок — hääleke	вслѣдствие — tagajärjel
морщиться (-щусь, -щишься) —	гул — kõmin
	потребность — vajadus

внимания и дѣятельности, Тушин не испытывал ни малѣйшаго неприятнаго чувства страха; и мысль, что его могут убить или больно рѣзать, не приходила ему в голову. Напротив, ему становилось всё веселѣе и веселее. Ему казалось, что уже очень давно, едва ли не вчера, была та минута, когда он увидел неприятеля и сделал первый выстрел, и что клочок поля, на котором он стоял, был ему давно знакомым, родственным местом. Несмотря на то, что он всё помнил, всё соображал, всё делал, что мог делать самый лучший офицер в его положении, он находился в состояннн, похожем на лихорадочный бред или на состояние пьянаго человека.

Из-за оглушающих со всех сторон звуков своих орудий, из-за свиста и ударов снарядов неприятеля, из-за вида вспотѣвшей, покраснѣвшей, торопящейся около орудия прислуги, из-за вида крови людей и лошадей, из-за вида дымокъ неприятеля на той стороне (после которых всякий раз прилетало ядро и било в землю, в человека, в орудие или в лошадь), — из-за вида этих предметов, у него в голове установился свой фантастический мир, который составлял его наслаждение в эту минуту. Неприятельские пушки в его воображеннн были не

испытывать (-ваю, -ваешь) — tund-
ma

малѣйшн — väikseim

страх — hirm

едва ли — peaaegu

родственный — kodune

соображать (-жаю, -жаешь) — tai-
rama

состояннн — seisukord

лихорадочный — palaviku-

бред — sonimine

свист — vilistamine, vihin

удар — löök, prahvatus

вспотѣвшн (прнч.) — higistav

покраснѣвшн (прнч.) — pune-
tav, lõkendav

торопящн (прнч.) — rattav

дымок (р. п. дымка) — suitsuke

установнться* (буд. -влюсь,
-вишься) — kujunema

составлять (-ляю, -ляешь) — moodustama, tekitama

наслаждение — nauding

воображеннн — kujutlus

пушки, а трубки, из которых редкими клубами выпускал дым невидимый курильщик.

— Вишь пыхнул опять, — проговорил Тушин шопотом про себя, в то время как с горы выскакивал клуб дыма и влево полосой относился ветром, — теперь мячик жди — отсылать назад.

— Что прикажете, ваше благородие? — спросил фейерверкер, близко стоявший около него и слышавший, что он бормотал что-то.

— Ничего, гранату... — отвечал он.

„Ну-ка, — наша Матвевна“, говорил он про себя. Матвевой представлялась в его воображении большая крайняя, старинного литья пушка. Муравьями представлялись ему французы около своих орудий. Красавец и пьяница, первый номер второго орудия, в его мире был дядя; Тушин чаще других смотрел на него и радовался на каждое его движение. Звук то замиравшей, то опять усиливавшейся ружейной перестрелки под горою представлялся ему чьим-то дыханием. Он прислушивался к затиханию и разгоранию этих звуков.

клуб — suitsupilveke
пыхнуть* (буд. -ну́, -нёшь) — puh-
kima, puhvatama
полоса — riba
относиться (-сишься, -сится) —
eemale kanduma
мячик — pall
отсылать (-ляю, -лаешь) — tagasi
saatma
приказать* (буд. -кажý, -кажешь)
— käsima
благородие — ausus
фейерверкер — allohvitser
бормотать (-мочý, -мочешь) — ро-
misema

представляться (-ляюсь, -ляешься)
— end esitlema, tutvustama;
silmade ette ilmuma, vaimus nä-
gema
крайний — äärmine
литьё — valamine
старинного литья — vanasti vala-
tud, vananenud relv
муравей — sipelgas
замиравший — vaibuv
усиливавшийся — tugevnev
ружейный — püssi-
дыхание — hingamine
затихание — vaikimine
разгорание — uuestipuhkemine

— Ишь, задышала опять, задышала, — говорил он про себя. Сам он представлялся себе огромного роста, мощным мужчиной, который обеими руками швыряет французам ядра.

— Ну, Матвевна, матушка, не выдавай! — говорил он, отходя от орудия, как над его головой раздался чуждый, незнакомый голос:

— Капитан Тушин! Капитан!

Тушин испуганно оглянулся. Это был тот штаб-офицер, который выгнал его из Грунта. Он запыхавшимся голосом кричал ему.

— Что вы, с ума сошли? Вам два раза приказано отступить, а вы...

„Ну за что они меня?“ ... думал про себя Тушин, со страхом глядя на начальника. — Я... ничего... — говорил он, приставляя два пальца к козырьку. — Я...

Но полковник не договорил всего, что хотел. Близко пролетевшее ядро заставило его, нырнув, согнуться на лошади. Он замолк и только что хотел сказать ещё что-то, как ещё ядро остановило его. Он поворотил лошадь и поскакал прочь.

задышать* (буд. -шү, -шишь) —	что вы с ума сошли —
hingama hakkama	te olete hulluks läinud või...
рост — kasv	приставлять (-ляю, -ляешь) —
мощный — vägev, võimas	juurde v. külge panema
швырять (-ряю, -ряешь) — loopima	козырёк (р. козырька) — mütsinokk
выдавать (-даю, -даёшь) — ära andma, välja andma	заставить* (буд. -влю, -вишь) — sundima
чуждый — võõras	нырнув (деприч.) — sukeldudes
испуганно — hirmunult	согнуться* (буд. -нүсь, -нёшься) — kõverasse tõmbuma
оглянуться* (буд. -нүсь, -нёшься) — ringi vaatama	замолкнуть* (буд. -ну, -нешь) — vaikima
запыхавшийся — lõõtsutav	поворотить* (буд. -рочү, -рöтишь) — ümber pöörama
с ума сойти — hulluks minema	

— Отступать! Все отступать! — прокричал он изда-
лекá.

Солдаты засмеялись. Через минуту приехал адъютант
с тем же приказанием.

Это был князь Андрéй. Первое, что он увидел, выез-
жая на то прострáнство, которое занимáли пушки Тушина,
была отпряжённая лошадь с перебитою ногой, которая
ржала около запряжённых лошадей. Из ноги её, как из
ключá, лилáсь кровь. Между передкáми лежало несколько
убитых. Одно ядро за другим пролетало над ним в то
время, как он подъезжáл, и он почувствовал, как нервй-
ческая дрожь пробежáла по его спине. Но одна мысль
о том, что он боится, снова подняла его. „Я не могу
бояться“, подумал он и медленно слез с лошади между
орудиями. Он передал приказание и не уехал с бата-
реи. Он решил, что при себе снймет орудия с позиции
и отведёт их. Вместе с Тушиным, шагая через тела, и
под страшным огнём французов, он занялся убóркóй
орудий.

— А то приезжáло сейчас начальство, так скорее дра-
ло, — сказал фейерверкер князю Андрею, — не так, как ваше
благородие.

выезжáть (-жáю, -жáешь) — välja
sõitma

прострáнство — pindala

занимáть (-мáю, -мáешь) — võtma
hõivama, enda alla võtma

отпряжённый (*прич.*) — lahtiraken-
datud

перебитый (*прич.*) — purustatud

ржать (ржу, ржéшь) — hirnuma

запряжённый — rakmeis

ключ — allikas

передок — eelik

подъезжáть (-жáю, -жáешь) — juur-
de sõitma

нервйческий — närviline

дрожь (*ж. р.*) — väärin

слезáть (-áю, -áешь) — maha go-
nima

отвести* (*буд.* -ведú, -ведёшь) —
ära viima

приезжáть (-жáю, -жáешь) — saabu-
ma, kohale sõitma

драть (*народное*) (дерú, дерéшь) —
plehku pistma

Князь Андрей ничего не говорил с Тушиным. Они оба были так заняты, что, казалось, и не видали друг друга. Когда, надев уцелёвшие из четырёх два орудия на передки, они двинулись под гору (одна разбитая пушка и единоробг были оставлены), князь Андрей подъехал к Тушину.

— Ну, до свидания, — сказал князь Андрей, протягивая руку Тушину.

— До свидания, голубчик, — сказал Тушин, — милая душа! Прощайте, голубчик, — сказал Тушин со слезами, которые неизвестно почему вдруг выступили ему на глаза.

XXI.

Ветер стих, чёрные тучи низко нависали над местом сражения, сливаясь на горизонте с пороховым дымом. Становилось темнó. И тем яснее обозначалось в двух местах зарево пожаров. Канонада стала слабее, но трескотня ружей сзади и справа слышалась ещё чаще и ближе. Как только Тушин с своими орудиями, объезжая и наезжая на раненых, вышел из-под огня и спустился в овраг, его встретило начальство и адъютанты, в числе которых были и штаб-офицеры, и Жерков, два раза посланный и ни разу не доехавший до батареи Тушина. Все они, перебивая один другого, отдавали и передавали приказания,

надёв (*дееприч.*) — pannud
 уцелёвшие (*прич.*) — terveks jäänud
 единоробг — „ükssarv“
 стыхнуть* (*буд.* -ну, -нешь) — vaikima
 нависать (-саю, -саешь) — ripsuma
 (millegi kohal)
 сливаясь (*дееприч.*) — ühte sulades
 обозначаться (-чаешься, -чается)
 — nähtavale e. ilmsiks tulema

зарёво — kuma
 трескотня — ragin
 объезжая (*дееприч.*) — ringi sõites
 наезжая (*дееприч.*) — peale sõites
 овраг — org
 посланный (*прич.*) — saadetud
 доехавший (*прич.*) — pärale jõudnud
 перебивая (*дееприч.*) — katkestades,
 vaele segades

как и куда идти, и делали ему упрёки и замечания. Тушин ничем не распорядился, и молча, боясь говорить, потому что при каждом слове он готов был, сам не зная отчего, заплакать, ехал сзади на своей артиллерийской кляче. Хотя раненых велено было бросать, много из них тащилось за войсками и просилось на орудия. Тот самый молодцеватый пехотный офицер, который перед сражением выскочил из шалаша Тушина, был, с пулей в животё, положен на лафёт Матвевны. Под горой бледный гусарский юнкер, одной рукой поддёрживая другую, подошёл к Тушину и попросился сесть.

— Капитан, ради бога, я контужен в руку, — сказал он робко. — Ради бога, я не могу идти. Ради бога! — Видно было, что юнкер этот уже не раз просился где-нибудь сесть и везде получал отказы. Он просил нерешительным и жалким голосом. — Прикажите посадить, ради бога.

— Посадите, посадите, — сказал Тушин. — Подложь шинель, ты, дядя, обратился он к своему любимому солдату. — А где офицер раненый?

— Сложьли, кончился, — ответил кто-то.

— Посадите. Садитесь, милый, садитесь. Подстель шинель, Антонов.

упрёк — etteheide
 замечание — märkus
 кляча — setukas
 бросать (-саю, -саешь) — maha jät-
 ma
 тащиться (-щётся, -щишься) — kom-
 berdama
 молодцеватый — uljavõitu
 шалаш — telk
 попроситься* (буд. -шусь, -сишься)
 — paluma

контужен (прич.) — põrutatud
 робко — aralt
 отказ — eitav vastus, keeldumine
 жалкий — hale
 подложить* (буд. -ложу, -ложишь)
 — alla panema
 сложить* (буд. -жy, -жишь) — maha
 panema
 подстелить* (буд. -лю, -лишь) —
 alla laotama

Юнкер был Ростов. Он держал одной рукой другую, был блёден, и нижняя челюсть тряслась от лихорадочной дрожи. Его посадили на Матвевну, на то самое орудие, с которого сложили мёртвого офицера. На подложённой шинели была кровь, в которой запачкались реи́тузы и руки Ростова.

— Что, вы ранены, голубчик? — сказал Тушин, подходя к оудию, на котором сидел Ростов.

— Нет, контужен.

— Отчего же кровь-то на стани́не? — спросил Тушин.

— Это офицер, ваше благородие, окровави́л, — отвечал солдат-артиллерист, обтирая кровь рукаво́м шинели и как будто извиняясь за нечистоту́, в которой находилось орудие.

Наси́лу с помощью пехоты вывезли орудия в гору, и, достигши деревни Гунтерсдорф, остановились. Стало уже так темно, что в десяти шагах нельзя было различить мундиров солдат, и перестрелка стала стихать. Вдруг, близко с правой стороны, слышались опять крики и пальба́. От вы́стрелов уже блестяло в темноте́. Это была последняя атака французов, на которую отвечали солдаты, засе́вшие в дома́ деревни. Опять всё бросилось из деревни, но орудия Тушина не могли двинуться, и артиллеристы,

челюсть (*ж. р.*) — lõualuu
 трястись (-сусь, -сёшься) — võbi-
 sema
 подложённый (*прич.*) — allapandud
 v. laotatud
 запачкаться* (*буд.* -аюсь, -ешься)
 — määrduma
 реи́тузы (*мн. ч.*) — ratsapüksid
 стани́на (*народное*) = штани́на —
 püksisääg
 окровави́ть* (*буд.* -ню, -нешь) —
 veriseks tegema

обтирая (*дееприч.*) — pühkides
 рука́в — käis
 извиняясь (*дееприч.*) — vabandades
 наси́лу — vaevu
 достигши (*прич.*) — jõudnud
 различить* (*буд.* -чу, -чишь) —
 eraldama
 пальба́ — laskmine, paugutamine
 засе́вшие (*прич.*) — raigale jäänud
 двинуться* (*буд.* -нусь, -нешься)
 — liikuma

Тушин и юнкёр, молча переглядывались, ожидая своей участи. Перестрелка стала стихать, и из боковой улицы высыпали оживлённые разговором солдаты.

— Цел, Петров? — спрашивал один.

— Задали, брат, жару. Теперь не сунутся, — говорил другой.

— Ничего не видать. Как они в своих-то зажарили! Не видать; темь, братцы. Нет ли напиться?

Французы последний раз были отбиты. И опять, в совершенном мраке, орудия Тушина, как рамой окружённые гудевшею пехотой, двинулись куда-то вперёд.

В темноте как будто текла невидимая, мрачная река, всё в одном направлении, гудя шопотом, разговором и звуками копыт и колёс. В общем гуле из-за всех других звуков яснее всех были стоны и голоса раненых во мраке ночи. Их стоны, казалось, наполняли собой весь этот мрак, окружавший войска. Их стоны и мрак этой ночи — это было одно и то же. Через несколько времени в движущейся толпе произошло волнение. Кто-то проехал со свитой на белой лошади и что-то сказал, проезжая: „Что сказал? Куда теперь? Стоять, что ль? Благодарил, что

переглядываться (-ваюсь, -ваешь-ся) — üksteisele otsa vaatama, pilke vahetama

высыпать (-паю, -паешь) — välja puistama v. ilmuma

задали, брат, жару — andsime vennas, leili

не сунется — nina ei pista

зажарить* (буд. -рю, -ришь) — graadima, kõrvetama

темь (ж. р.) — pimedus

нет ли напиться — kas ei ole ehk juua

отбить* (буд. отобью, отобьёшь)

— tagasi lööma

совершенный — täielik

мрак — pimedus

окружённый (прич.) — ümbritsetud

гудевший (прич.) — sumisev

течь (течешь, течёт) — voolama

копыто — kabi

движущийся (прич.) — liikuv

произойти* (-дешь, -дёт) — tekkima

волнение — rahutus

свита — saatkond

проезжая (дееприч.) — mööda sõites

ли? — слышались жадные распробы со всех сторон, и вся движущаяся масса стала напирать сама на себя (видно передние остановились), и пронёсся слух, что велено остановиться. Все остановились, как шли, на середине грязной дороги.

Засветились огни, и слышнее стал говор. Капитан Тушин, распорядившись по роте, послал одного из солдат отыскивать перевязочный пункт или лѣкаря для юнкера, и сел у огня, разлѣженного на дороге солдатами. Ростов перетаскился тоже к огню. Лихорадочная дрожь от боли, хѣлода и сѣрости трясла всё его тело. Сон непреодолимо клонил его, но он не мог заснуть от мучительной боли в нѣвшеи и не находившеи положеннѣ руке. Он то закрывал глаза, то взглядывал на огонь, казавшѣйся ему горячѣ-красным, то на сутуловатую, слабую фигуру Тушина, по-турецки сидевшего подле него. Большие добрые и умные глаза Тушина с сочувствѣем и состраданием устремлялись на него. Он видел, что Тушин всею душой хотел и ничем не мог помочь ему.

распробы (м. ч.) — järelepärimised
 напирать (-раю, -раешь) — peale rõhuma
 пронестись* (буд. -сѣсь, -сѣшься) — levima, mõõda ja edasi minema
 пронёсся (прош. ер.) — levis
 засветиться* (буд. -тишься, -тится) — süütamisel valgust andma
 отыскивать (-ваю, -ваешь) — üles otsima
 перевязочный пункт — sidumis-punkt
 лѣкарь (м. р.) = врач — arst
 разлѣженный (прич.) — üles tehtud (lõke)

сѣрость — niiskus
 непреодолимо — äravõitmatult
 сон клонит — uni tikub peale
 мучительный — piinav
 нѣвшний (прич.) — järelejätmatult valutav, pakitsev
 не находивший (прич.) — ei leidnud
 взглядывать (-ваю, -ваешь) — vaatama
 сутуловатый — kühmakas, küürakavõitu
 по-турецки — türgi moodi
 сочувствѣе — osavõtlikkus
 состраданиѣ — kaastunne

Со всех сторон слышны были шаги и говор проходивших, проезжавших и кругом размещавшейся пехоты. Звуки голосов, шагов и переставляемых в грязи лошадиных копыт, ближний и дальний треск дров сливались в один колеблющийся гул.

Теперь уже не текла, как прежде, во мраке невидимая река, а будто после бури укладывалось и трепетало мрачное море. Ростов бессмысленно смотрел и слушал, что происходило перед ним и вокруг него. Пехотный солдат подошёл к костру, присел на корточки, всунул руки в огонь и отвернул лицо.

— Ничего, ваше благородие? — сказал он вопросительно, обращаясь к Тушину. — Вот отбился от роты, ваше благородие, сам не знаю, где. Беда!

Вместе с солдатом подошёл к костру пехотный офицер с подвязанной щекой и, обращаясь к Тушину, просил приказать подвинуть крошечку орудия, чтобы провезти повозку. За ротным командиром набежали на костёр два солдата. Они отчаянно ругались и дрались, выдёргивая друг у друга какой-то сапог.

проходивший (прич.) — möödami-
nev

размещавшийся (прич.) — aset
võttev

переставляемый (прич.) — tammuv

колеблющийся (прич.) — siin: hel-
juv, võnkuv

буря — torm

море укладывалось — meri alanes

трепетать (-пещу́, -пещешь) — väri-
sema

на корточки присесть — maha
kükutama

вопросительно — küsivalt

отбиться от роты — roodust maha
jäama

подвязанный (прич.) — kinni seotud, mähitud

щека — põsk

подвинуть* (буд. -ну, -нешь) —
nihutama

крошечку — pisut

провезти* (буд. -везу́, -везёшь) —
mööda viima

повозка — vanker

выдёргивать (-ваю, -ваешь) — ära
kiskuma

— Как же, ты поднял! Ишь лóвок! — кричал один хриплым голосом.

Потом подошёл худой бледный солдат с шеей, обвязанной окровавленной подвёрткой, и сердитым голосом требовал воды у артиллеристов.

— Что ж, умирать, что ли, как собаке? — говорил он.

Тушин велел дать ему воды. Потом подбежал весёлый солдат, прося огоньку в пехоту.

— Огоньку горяченького в пехоту! Счастливо оставаться, землячкí, благодарим за огонёк, мы назад с процентой отдадим, — говорил он, унося куда-то в темноту краснеющуюся головёшку.

За этим солдатом четыре солдата, неся что-то тяжёлое на шинели, прошли мимо костров. Один из них споткнулся. — Ишь, черти, на дороге дрова положили, — проворчал один.

— Кончился, что ж его носить? — сказал один из них.

— Ну, вас! — И они скрылись во мраке с своею ношей.

— Что? Болит? — спросил Тушин шопотом у Ростова.

— Болит.

— Ваше благородие, к генералу. Здесь в избе стоят, — сказал фейерверкер, подходя к Тушину.

поднять* (-ниму, -німешь) — üles tõstma	счастливо оставаться — head aega
ишь лóвок — näed, kus osav	землячóк (мнoж. землячкí) — oma kondlane, oma nurga mees, kaasmaalane
хриплый — kähisev	
обвязанный (прич.) — kinni seotud	процента (народное) = процент
окровавленный (прич.) — verine, verega mäárdunud	унося (дееприч.) — viies
подвёртка — jalanarts, tallukas	головёшка — tuletukk
горяченький — kuumake	неся (дееприч.) — kandes

— Сейчас, голубчик. — Тушин встал и, застѣгивая шинель и оправляясь, отошёл от костра...

Недалеко от костра артиллеристов, в приготовленной для него избе, сидел князь Багратион за обедом, разговаривая с некоторыми начальниками частей, собравшимися у него. Тут был старичок с полузакрытыми глазами, жадно обглядывавший баранью кость, и двадцатидвухлетний безупречный генерал, раскрасневшийся от рюмки водки и обеда, и штаб-офицер с именным перстнем, и Жерков, беспокойно оглядывавший всех, и князь Андрей, бледный, с поджатыми губами и лихорадочно блестящими глазами.

В избе стояло прислонённое в углу взятое французское знамя, и аудитор с наивным лицом щупал ткань знамени, и, недоумевая, покачивал головой, может быть оттого, что его и в самом деле интересовал вид знамени, а может быть и оттого, что ему тяжело было голодному смотреть на обед, за которым ему недоставало прибора. В соседней избе находился взятый в плен драгунами французский полковник. Около него толпились, рассматривая его, наши офицеры. Князь Багратион благодарил отдельных начальников и расспрашивал о подробностях дела

застѣгивая (*дееприч.*) — kinni panes, hõlmu koomale tõmmates
оправляясь (*дееприч.*) — kohendades
собрáвшийся (*прич.*) — kogunenud
старичок — vanamees, rauk
обглядывавший (*прич.*) — kes näris
баранья кость — lambakont
безупречный — laitmatu
именной — nimeline
перстень (*ж. р.*) — sõrmus
беспокойно — rahutult
оглядывавший (*прич.*) — kes silmitses

поджатый — kokkukuritud
блестящий — läikiv
прислонённый (*прич.*) — najale pandud
щупать (-аю, -аешь) — katsuma
ткань (*ж. р.*) — riie
недоумевая — arusaamatuses olles
покачивать = качать — kõigutama, vangutama
недоставало прибора — ei jätkunud toidunõusid
толпиться (-питься, -питься) — tunglema
подробность (*ж. р.*) — üksikasi

и о потерях. Полковой командир, представившийся под Браунау, докладывал князю, что как только началось дело, он отступил из леса, собрал дроворубов, и, пропустив их мимо себя, с двумя батальонами ударил в штыки и опрокинул французов.

— Как я увидал, ваше сиятельство, что первый батальон расстробен, я стал на дороге и думаю: „пропущу этих и встречу батальным огнём“; так и сделал.

Полковому командиру так хотелось сделать это, так он жалел, что не успел этого сделать, что ему казалось, что всё это точно было. Даже, может быть, и в самом деле было? Разве можно было разобратъ в этой путанице, что было и чего не было?

— Причём должен замётить, ваше сиятельство, — продолжал он, вспоминая о разговоре Дблехова с Кутузовым и о последнем свидании своём с разжалованным, — что рядовой, разжалованный Долохов, на моих глазах взял в плен французского офицера и особенно отличился.

— Здесь-то я видел, ваше сиятельство, атаку павлоградцев, — беспокоино оглядываясь, вмешался Жерков,

потеря — kaotus
представившийся (*прич.*) — kes
esines

докладывать (-ваю, -ваешь) — ette
kandma, raporteerima

дроворуб — puuraiuja

ударить в штыки — tääkidega kal-
lale tungima

опрокинуть* (*буд.* -ну, -нешь) —
laiali paiskama, ümber lükkama

расстробен (*прич.*) — laiali v. segi
paisatud

пропустить* (*буд.* -пущу, -пус-
тишь) — läbi laskma

разобратъ* (*буд.* -беру, -берешь) —
aru saama, orienteeruma

путаница — segadus

причём — seejuures

замётить* (*буд.* -мечу, -метишь) —
tähendama

разжалованный (*прич.*) — alanda-
tud (teenistuse- v. auastmes)

рядовой — reamees

отличиться* (*буд.* -чусь, -чишься)
— välja paistma, erinema

павлоградец — pavlograadlane
(Pavlogradi polku kuuluv)

оглядываясь (*дееприч.*) — ringi vaad-
ates

который вовсе не видал в этот день гусар, а только слышал о них от пехотного офицера. — Смяли два каррэ, ваше сиятельство.

На слова Жеркова некоторые улыбнулись, как и всегда ожидая от него шутки; но заметив, что то, что он говорил, клонилось тоже к славе нашего оружия и нынешнего дня, приняли серьёзное выражение, хотя многие очень хорошо знали, что то, что говорил Жерков, была ложь ни на чём не основанная. Князь Багратион обратился к старичку-полковнику.

— Благодарю всех, господа, все части действовали гербйски: пехота, кавалерия и артиллерия. Каким образом в центре оставлены два орудия? — спросил он, ища кого-то глазами. (Князь Багратион не спрашивал про орудия левого фланга; он знал уже, что там в самом начале дела были брошены все пушки.) — Я вас, кажется, просил, — обратился он к дежурному штаб-офицеру.

— Одно было подбито, — отвечал дежурный штаб-офицер, — а другое, я не могу понять; я сам всё время был, и распоряжался, и только что отъехал... Жарко было, правда, — прибавил он скрбно.

Кто-то сказал, что капитан Тушин стоит здесь у самой деревни и что за ним уже послано.

— Да вот вы были, — сказал князь Багратион, обращаясь к князю Андрею.

— Как же, мы вместе немного не съехали, — ска-

смять* (*буд.* сомнү, сомнёшь) —
puruks lööma

каррэ — karre, teatav lahingu-
rivi

ложь (*ж. р.*) — vale

основанный (*прич.*) — põhjenev

ни на чём не основанная — mitte
millelegi põhjenev (vale)

подбит (*прич.*) — puruks lastud,
vigastatud

скрбно — tagasihoidlikult

послан (*прич.*) — 'saadetud

съехаться (*буд.* съедутся) — sõidu
peal kokku saama

зал дежурный штаб-офицер, приятно улыбаясь Болкóнскому.

— Я не имёл удовольствия вась видеть, — холодно и отрывисто сказал князь Андрей. Все молчали.

На порóге показался Тушин, робко пробиравшийся из-за спин генералов. Обходя генералов в тесной избе, сконфуженный, как и всегда при виде начальства, Тушин не рассмотрел древкá знамени и споткнулся на него. Несколько голосов засмеялось.

— Каким образом орудие оставлено? — спросил Багратион, нахму́рившись не столько на капитана, сколько на смеявшихся, в числе которых громче всех слышался голос Жеркова. Тушину теперь только, при виде грозного начальства, во всём ужасе представилась его вина́ и позóр в том, что он, оставшись жив, потерял два орудия. Он так был взволно́ван, что до сей минуты не успел подумать об этом. Смех офицеров ещё больше сбил его с то́лку. Он стоял перед Багратионом с дрожащею нижнею челюстью, и едва проговорил: „Не знаю, ваше сиятельство... людей не было, ваше сиятельство“.

— Вы бы могли из прикрýтия взять!

Что прикрýтия не было, этого не сказал Тушин, хотя это была сýщая правда. Он боялся *подвести* этим другого

я не имёл удовольствия — mulle
ei saanud õnn osaks
отрывисто — järsult
порóг — künnis, lävi
пробиравшийся (*прим.*) — läbi pu-
gedes
обходя (*деприм.*) — mööda minnes
skonфуженный (*прим.*) — piinlikku
seisukorda pandud; kohmetu

древкó — lipuvarras
нахму́рившись (*прим.*) — kulmu
kortsutades
вина́ — süüdi
позóр — teotus
сбить с то́лку — segadusse viima
сýщая правда — sulatõsi
подвести* (*буд.* -ведý, -ведёшь) —
„alt vedama“

начальника, и молча, остановившимися глазами, смотрел прямо в лицо Багратиону, как смотрит сбившийся ученик в глаза экзаминатору.

Молчание было довольно продолжительное. Князь Багратион, видимо, не желая быть строгим, не находился что сказать; остальные не смели вмешаться в разговор. Князь Андрей исподлбья смотрел на Тушина, и пальцы его рук нервически двигались.

— Ваше сиятельство, — прервал князь Андрей молчание своим резким голосом, — вы меня изволили послать к батарее капитана Тушина. Я был там и нашёл две трети людей и лошадей перебитыми, два орудия исковерканными, и прикрѣтия никакого.

Князь Багратион и Тушин одинаково упорно смотрели теперь на сдержанно и взволнованно говорившего Болконского.

— И ежели, ваше сиятельство, позволите мне высказать своё мнение, — продолжал он, — то успехом дня мы обязаны более всего действию этой батареи и героической стойкости капитана Тушина с его ротой, — сказал князь Андрей и, не ожидая ответа, тотчас же встал и отошёл от стола.

Князь Багратион посмотрел на Тушина, и видимо не

сбившийся (*прим.*) — segiläinud
продолжительный — kestev
не желая (*деприм.*) — mitte
soovides
не находился что сказать — ei
leidnud mida ütelda
вмешаться* (*буд.*-шаюсь, -шаешься)
— vaehele segama
исподлбья — altkulmu
резкий — vali
изволить* (*буд.* -лишь, -лит) —
suvatsema

исковерканный (*прим.*) — moonu-
tatud, lömmilöödud, rikatud
сдержанно — tagasihoitult
успех — edu
мы обязаны — me võlgname
стойкость (*ж. р.*) — vastupidavus
выказать* (*буд.* -кажу, -кажешь)
— avaldama
недоверие — umbusaldus
суждение — arvamine

желая выказать недоверия к резкому суждению Болконского, и вместе с тем чувствуя себя не в состоянии вполне верить ему, склонил голову и сказал Тушину, что он может идти. Князь Андрей вышел за ним.

— Вот спасибо; вручил, голубчик, — сказал ему Тушин.

Князь Андрей оглянул Тушина, и, ничего не сказав, отошел от него. Князю Андрею было грустно и тяжело. Все это было так странно, так не похоже на то, чего он надеялся...

ТОМ ВТОРОЙ.

Часть третья.

XIV.

31-го декабря, накануне нового 1810 года le réveillon¹, был бал у екатерининского вельможи. На бале должен был быть дипломатический корпус и государь.

На Английской набережной светился бесчисленными огнями иллюминации известный дом вельможи. У освещенного подъезда с красным сукном стояла полиция, и

¹ Ночной ужин.

не в состоянии — ei suuda
вручить* (буд. -чу, -чишь) —
välja aitama
оглянуть* (буд. -ну, -нешь) —
silmitsema
странно — veider
не похоже — ebasarnane
надеяться (-деюсь, -деешься) —
lootma
накануне — eelõhtul, eelpäeval

вельможа — suurnik, magnaat,
kõrge aukandja
государь (м. п.) — keiser
набережная — kallastänav
светиться* (-тишься, -тится) —
särama, valgust andma
бесчисленный — loendamatu
освещенный (прич.) — valgustatud
подъезд — juurdesõit, suur pa-
raadtrepp, peasissekäik

не одни жандармы, но полицеймейстер на подъезде и десятки офицеров полиции. Экипажи отъезжали, и всё подъезжали новые с красными лакеями и с лакеями в перьях на шляпах. Из карет выходили мужчины в мундирах, звёздах и лентах; дамы в атласе и горностаях осторожно сходили по шумно откладываемым подножкам и торопливо и беззвучно проходили по сукну подъезда.

Почти всякий раз, как подъезжал новый экипаж, в толпе пробегал шопот, и снимались шапки.

— Государь?.. Нет, министр... принц... посланник... Разве не видишь перья?.. — говорилось из толпы. Один из толпы, одетый лучше других, казалось, знал всех и называл по имени знатнейших вельмож того времени.

Уже одна треть гостей приехала на этот бал, а у Ростовых, долженствующих быть на этом бале, ещё шли торопливые приготовления одева́ния.

Много было толков и приготовлений для этого бала в семействе Ростовых, много страхов, что приглашение не будет получено, платье не будет готово, и не устроится всё так, как было нужно.

Вместе с Ростовыми ехала на бал Марья Игнатьевна Перо́нская, приятельница и родственница графини, худая

экипаж — sõiduk, tõld
лакей — teener
лента — lint
горноста́й — hermeliin
сходить (-жy, -дишь) — maha
astuma, alla minema
откладываемый (прич.) — välja-
lükatav
подно́жка — aste
беззвучно — hääletult
снимались (безлич.) — võeti maha
посла́нник — saadik

долженствующий (старославянское)
(прич.) — kes pidi
торопли́вый — kiire, ruttav
одева́ние — riietumine
толки (мн. ч.) — jutud
страх — kartus
приглаше́ние — kutse
не устроится так (безлич.) — ei
lähe nii
приятельница — sõbratar
родственница — sugulane
худой — kõhn

и жёлтая фрейлина старого двора, руководящая провинциальных Ростовых в высшем петербургском свете.

В 10 часов вечера Ростовы должны были ехать за фрейлиной к Таврическому саду; а между тем было уже без пяти минут десять, а ещё барышни не были одеты.

Натáша ехала на первый большой бал в своей жизни. Она в этот день встала в 8 часов утра и целый день находилась в лихорадочной тревоге и деятельности. Все силы её, с самого утра, были устремлены на то, чтобы они все: она, мама, Сónia были одеты как нельзя лучше. Соня и графиня поручились вполне ей. На графине должно было быть масакá¹ бархатное платье, на них двух белые дымковые платья на розовых шёлковых чехлах с розами в корсаже. Волосы должны были быть причёсаны а la grecque².

Всё существенное уже было сделано: ноги, руки, шея, уши были уже особенно тщательно, по-бальному, вымыты, надушены и напудрены; обуты уже были шёлковые ажурные чулки и белые атласные башмаки с банти-

¹ Масакá (массака) — темнокрасный цвет с синеватым отливом.

² По-гречески.

двор — õukond
руководящий (прич.) — juhtiv
свет — kõrgem seltskond
устремлённый (прич.) — suunatud
поручиться* (буд. -чусь, -чишья)
— end usaldama
вполне — täielikult
масакá — tumepunane värv sinaka
helklusega
бархат — samet
дымковый — suitsuvärviline,
suitsjas
дымковое платье — suitsuvärvil-
lisest loorist kleit

чехол (р. н. чехла) — alus (kleidil)
корсаж — pihik
причёсан (прич. кратк. формы) —
soetud
существенный — oluline
тщательно — eriti hoolikalt
надушены (прич. кр. форма мн. ч.) —
lõhnastatud
напудрены (прич. кр. форма мн. ч.) —
puuderdatud
обуты были — jalas olid
башмак — king
бантик — lehv

ками; причёски были почти окончены. Соня кончала одеваться, графиня тоже; но Наташа, хлопотавшая за всех, отстала. Она ещё сидела перед зеркалом в накинутах на худенькие плечи пеньюаре¹. Соня, уже одетая, стояла посреди комнаты и, нажимая до боли маленьким пальцем, прикалывала последнюю визжавшую под булавкой ленту.

— Не так, не так, Соня, — сказала Наташа, поворачивая голову от причёски и хватаясь руками за волосы, которые не поспела отпустить державшая их горничная. — Не так бант, поди сюда. — Соня присела. Наташа переколóбла ленту иначе.

— Позвольте, барышня, нельзя так, — говорила горничная, державшая волосы Наташи.

— Ах, боже мой, ну после! Вот так, Соня.

— Скоро ли вы? — слышался голос графини, — уж десять сейчас.

— Сейчас, сейчас. А вы готовы, мама?

— Только тóку² приколоть.

---

¹ *Пеньюар* — дамский утренний просторный костюм из лёгкой материи.

² *Тóка* — женский головной убор.

причёска — soeng
хлопотавшая (*прич.*) — kes askel-
das
накинутаый (*прич.*) — peale v. üle
visatud
нажимая (*дееприч.*) — vajutades
прикалывать (-ваю, -ваешь) —
kinnitama
визжавший (*прич.*) — kiunuv, vin-
guy, sün: kahisev (lint)

булавка — nõõrnõel
хватаясь (*дееприч.*) — haarates
поспеть = успеть
отпустить* (*буд.* -пущý, -пýстишь)
— lahti laskma
горничная — toatüdruk
переколóть* (*буд.* -колó, -колéшь)
— teistviisi kinnitama
иначе — teistviisi
тóка — naiste peakate

— Не делайте без меня, — крикнула Наташа, — вы не сумеете!

— Да уж десять.

На бале решено было быть в половине одиннадцатого, а надо было ещё Наташе одеться и заехать к Таврическому саду.

Окончив причёску, Наташа в корбтенькой юбке, изпод которой виднелись бальные башмачки, и в материнской кофточке, подбежала к Соне, осмотрела её и потом побежала к матери. Поворачивая ей голову, она приколотла току и, едва успев поцеловать её седые волосы, опять побежала к девушкам, подшивавшим ей юбку.

Дело стояло за Наташиной юбкой, которая была слишком длинна; её подшивали две девушки, обкусывая торчливо нитки. Третья, с булавками в губах и зубах, бегала от графини к Соне; четвертая держала на высоко поднятой руке всё дымковое платье.

— Мавруша, скорее, голубушка!

— Дайте напёрсток оттуда, барышня.

— Скоро ли, наконец? — сказал граф, входя из-за двери. — Вот вам духи. Перонская уж заждалась.

— Готово, барышня, — говорила горничная, двумя пальцами поднимая подшитое дымковое платье и что-то обдумывая и потряхивая, высказывая этим жестом сознание воздушности и чистоты того, что она держала.

корбтенький — lühike
башмачок (мн. ч. -чки) — kingake
кофточка — jakk
поворачивая (дееприч.) — pöörates
едва успев (дееприч.) — vaevalt
jõudnud
подшивавший (прич.) — kes alla
õmbles
подшивать (-ваю, -ваешь) — alla
õmblema

обкусывая (дееприч.) — hammus-
tades
напёрсток — sõrmkübar
заждаться * (буд. -дусь, -дешься)
— kannatamatult ammu ootama
обдумывая (дееприч.) — järele
mõeldes
потряхивая (дееприч.) — raputades
сознание — teadvus
воздушность (ж. р.) — õhulisus

Наташа стала надевать платье.

— Сейчас, сейчас, не ходи, папа, — крикнула она отцу, отворившему дверь, ещё из-под дымки юбки, закрывавшей всё её лицо. Соня захлопнула дверь. Через минуту графа впустили. Он был в синем фраке, чулках и башмаках, надушенный и припомаженный.

— Ах, папа, ты как хорош, прелесть! — сказала Наташа, стоя посреди комнаты и расправляя складки дымки.

— Позвольте, барышня, позвольте, — говорила девушка, стоя на коленях, обдёргивая платье и с одной стороны рта на другую переворачивая языком булавки.

— Вбля твоё! — с отчаянием в голосе вскрикнула Соня, оглядев платье Наташи, — воля твоё, опять длинно!

Наташа отошла подальше, чтоб осмотреться в трюме. Платьё было длинно.

— Ей-богу, сударыня, ничего не длинно, — сказала Мавруша, поблзавшая по полу за барышней.

— Ну длинно, так замечаём, в одну минуту замечаем, — сказала решительная Дуняша, из платочка на груди вынимая иголку и опять на полу принимаясь за работу.

отворивший (<i>прич.</i>) — kes avas	переворачивая (<i>дееприч.</i>) — pööra-
захлопнуть* (<i>буд.</i> -ну, -нешь) — ust kinni lükkama	tes, veeretades
впустить* (<i>буд.</i> -щү, -тишь) — sisse laskma	воля твоё — su oma soov
напомаженный (<i>прич.</i>) — rüma- tiga võitud	вскрикнуть* (<i>буд.</i> -ну, -нешь) — hüüdma
прелесть (<i>ж. р.</i>) — veetlev	поблзавший (<i>прич.</i>) — kes roomas
расправлять (-ляю, -ляешь) — kohendama	заметать (-таю, -таешь) — kokku võtma, traageldama
складка — volt	платочек (<i>род.</i> -чка) — rätikuke
обдёргивать (-ваю, -ваешь) — siit-sealt tõbama	грудь (<i>ж. р.</i>) — rind
	вынимая (<i>дееприч.</i>) — valja võttes
	иголка — õmblusnõel
	принимаясь (<i>дееприч.</i>) — hakates

В это время застѣнчиво, тихими шагами, вошла графиня в своей токе и бархатном платьѣ.

— Уу! моя красавица! — закричал граф, — лучше вас всех!.. — Он хотел обнять её, но она, краснея, отстранялась, чтоб не измяться.

— Мама, больше набок току, — проговорила Наташа. — Я переколю, — и бросилась вперёд, а девушки, подшивавшие, не успевшие за ней броситься, оторвали кусочек дымки.

— Боже мой! Что ж это такое? Я, ей богу, не виновата...

— Ничего, заматаю, не видно будет, — говорила Дуняша.

— Красавица, крáля-то моя! — сказала из-за двери вошедшая няня. — А Сонюшка-то, ну красавицы!..

В четверть одиннадцатого, наконец, сѣли в карѣты и поехали. Но ещё нужно было заѣхать к Таврическому саду.

Перонская была уже готова. Несмотря на её старость и некрасивость, у неё происходило точно то же, что у Ростовых, хотя не с такой торопливостью (для неё это было дело привычное), но так же было надушено, вымыто, напудрено старое, некрасивое тело, так же старательно промыто за ушами, и даже, так же, как у Ростовых, старая горничная восторженно любовалась нарядом своей гос-

застѣнчиво — tagasihoidlikult
обнять* (буд. -ниму́, -німешь) —
embama
краснея (дееприв.) — punastades
отстраниться* (буд. -нюсь,
-нйшься) — end kõrvale v.
tagasi tõmbama
измяться* (буд. изомну́сь, -нѣшься)
— kortsuma
набок — küljel
оторвать* (буд. -рву́, -рвѣшь) —
rebima

крáля — kaunitar, näitsik (rahva-
keeles)
происходить (происходит) — toi-
muma
привычный — harjunud
старательно — hoolikalt
восторженно — vaimustatult
любоваться (-буюсь, -бѣешься) —
imetlema
наряд — piduriietus

пожй, когда она в жёлтом платье с шйфром¹ вышла в гостиную. Перонская похвалила туалеты Ростóвых.

Ростовы похвалили её вкус и туалет, и, бережá причёски и платья, в одиннадцать часов разместились по каретам и поехали.

XV.

Наташа с утра этого дня не имела ни минуты свободы, и ни разу не успела подумать о том, что предстоит ей.

В сыром, холодном воздухе, в теснотé и неполной темноте колыхáющейсЯ кареты, она в первый раз живо представила себе то, что ожидает её там, на бале, в освещённых залах — музыка, цветы, танцы, государь, вся блестящая молодёжь Петербурга. То, что её ожидало, было так прекрасно, что она не верила даже тому, что это будет: так это было несообразно с впечатлением холода, тесноты и темноты кареты. Она поняла всё то, что её ожидает, только тогда, когда, пройдя по красному сукну подъезда, она вошла в сéни, снялá шубу и пошла рядом с Соней впереди матери между цветами по освещённой лестнице. Только тогда она вспомнила, как ей надо было себя держать на бале, и постарáлась принять ту величественную манéру, которую она считала необходи-

¹ Шифр — знак в виде вензеля, которым награждались фрейлины двора.

шифр — šifr (venselitaoline rinna-
märk, millega autasustati õue-
daame)

похвалить* (буд. -хваляю, -лишь)
— kiitma

бережá (дееприч.) — hoides

предстоять (-стоит) — ees seisma

теснотá — kitsus

колыхáющийся (прич.) — kõikuv,
õõtsuv

несообразно — mitte kokkusobiv
сéни (мн. ч.) — eeskoda

постараться* (буд. -раюсь, -ра-
ешся) — püüdma

величественный — suursugune

манéра — maneer, viis, komme

необходимый — vajalik

считать необходимой — pidada
vajalikuks

мой для девушки на бале. Но к счастью её она почувствовала, что глаза её разбежались: она ничего не видела ясно, пульс её забил сто раз в минуту, и кровь стала стучать у её сердца. Она не могла принять той манеры, которая бы сделала её смешною, и шла, замирая от волнения и стараясь всеми силами только скрыть его. И это-то была та самая манера, которая более всего шла к ней. Впереди и сзади их, также тихо переговариваясь и также в бальных платьях, входили гости. Зеркала по лестнице отражали дам в белых, голубых, розовых платьях, с бриллиантами и жемчугами на открытых руках и шеях.

Наташа смотрела в зеркала и в отражении не могла отличить себя от других. Всё смешивалось в одну блестящую процессию. При входе в первую залу, равномерный гул голосов, шагов, приветствий — оглушил Наташу; свет и блеск ещё более ослепили её. Хозяин и хозяйка, уже полчаса стоявшие у входной двери и говорившие одни и те же слова входившим: „Charmé de vous voir“¹, так же встретили и Ростовых с Перонской.

Две девочки в белых платьях, с одинаковыми розами в чёрных волосах, одинаково присели, но невольно хозяйка

¹ В восхищении видеть вас.

смешной — naeruväärne
 замирая (деприч.) — tardudes,
 hinge kinni pidades
 стараясь (деприч.) — püüdes
 скрыть* (буд. -рю, -решь) — var-
 jama
 отражать (-жаю, -жаешь) — vastu
 peegeldama
 жемчуг — pärlid
 отражение — peegeldus
 смешиваться (-ваешься, -вается)
 — segunema

равномерный — ühetooline
 приветствие — tertvitus
 ослепить* (буд. -плю, -пшь) —
 pimestama
 оглушить* (буд. -шү, -шшь) —
 kurdikis tegema
 в восхищении видеть вас — oleme
 vaimustatud teid nähes
 присесть* (буд. -сяду, -сядешь)
 — siin: reveranssi tegema
 невольно — tahtmatult

остановила дѳльше свой взгляд на тѳненькой Наташе. Она посмотрела на неё, и ей одной особенно улыбнулась в придáчу к своей хозяйской улыбке. Глядя на неё, хозяйка вспѳмнила, может быть, и своё золотое, невозвратное дѳвичье время, и свой первый бал. Хозяин тоже проводил глазами Наташу и спросил у графа, котѳрая его дочь?

— Charmante!¹ — сказал он, поцеловав кончики своих пальцев.

В зале стояли гости, теснясь у входной двери, ожидая государя. Графиня поместилась в первых рядах этой толпы. Наташа слышала и чувствовала, что несколько голосов спросили про неё и смотрели на неё. Она поняла, что она понравилась тем, которые обратили на неё внимание, и это наблюдѳние несколько успокоило её.

„Есть такие же, как и мы, есть и хуже нас“, — подумала она.

Перонская называла графине сáмых значѳтельных лиц, бывших на бале.

— Вот это голландский послáнный, видите, седѳй, — говорила Перонская, указывая на старичка с серѳбряной сединой курчáвых, обильных волос, окружѳнного дамами, которых он чему-то заставлял смеяться.

¹ Очаровательна!

в придáчу — lisaks
невозвратный — tagasipõrdumatu
дѳвичий — tütarlapse-
очаровательна — (on) veetlev
теснясь (дееспич.) — tungeldes
поместиться* (буд. -мещусь, -местишься) — asetuma
наблюдѳние — vaatlemine, tähelepanek

значѳтельный — tähtis, tähelepanu vääriv
голландский — hollandi
седѳй — hallipäine
сединая — hallid juuksed
курчáвый — lokkis
обильный — ohter
заставлять (-ляю, -ляешь) — sundima

— А вот она, царьца Петербурга, графиня Безухова,
— говорила она, указывая на входившую Элен.

— Как хороша! Не уступит Марье Антоновне; смотрите, как за ней увиваются и молодые, и старые. И хороша, и умна... Говорят, принц... без ума от неё. А вот эти две, хоть и нехороши, да ещё больше окружены.

Она указала на проходивших через залу даму с очень некрасивой дочерью.

— Это миллионерка-невеста, — сказала Перонская. — А вот и женихи.

— Это брат Безуховой — Анатоль Курягин, — сказала она, указывая на красавца кавалергарда, который прошёл мимо них, с высоты поднятой головы через дам глядя куда-то. — Как хорош! неправда ли? Говорят, женят его на этой богатой. И ваш-то cousin, Друбецкой, тоже очень увивается. Говорят, миллионы. Как же, это сам французский посланник, — отвечала она о Коленкюре на вопрос графини, кто это. — Посмотрите, как царь какой-нибудь. А всё-таки милы, очень милы французы. Нет милей для общества. А вот и она! Нет, всё лучше всех наша Марья-то Антоновна! И как просто одета. Прелесть! — А этот-то, толстый, в очках, фармазон¹ всемирный, — сказала Перонская, указывая на

---

¹ Фармазон — искажённое слово франкмасон. Франкмасонство — религиозно-философское общество с тайными мистическими обря-

---

уступить* (буд. -плю, -лишь) —
alla andma

увиваться (-ваюсь, -ваешься) —
lipitsema, kellegi-millegi ümber
keerlema

невеста — pruut

жених — peigmees

кавалергард — ratsakaardiväelane
поднятый (прич.) — tõstetud

женить* (буд. -ню, -нишь) — paari
raanema

фармазон всемирный — vaba-
müürlane ülemaailmaline

Безухова. — С женою-то его рядом поставьте: то-то шут гороховый!

Пьер шёл, переваливаясь своим толстым телом, раздвигая толпу, кивая направо и налево так же небрежно и добродушно, как бы он шёл по толпе базара. Он продвигался через толпу, очевидно отыскивая кого-то.

Наташа с радостью смотрела на знакомое лицо Пьера, этого шута горохового, как называла его Перонская, и знала, что Пьер их, и в особенности её, отыскивал в толпе. Пьер обещал ей быть на бале и представить ей кавалеров.

Но, не дойдя до них, Безухов остановился подле невысокого, очень красивого bruneta в белом мундире, который, стоя у окна, разговаривал с каким-то высоким мужчиной в звёздах и ленте. Наташа точас же узнала невысокого молодого человека в белом мундире: это был Болконский, который показался ей очень помолодевшим, повеселевшим и похорошевшим.

— Вот ещё знакомый, Болконский, видите, мама? — сказала Наташа, указывая на князя Андрея. — Помните, он у нас ночевал в Отрадном.

дами. Возникло первоначально в Англии среди буржуазно-аристократического общества, а затем распространило своё влияние по всей Европе, до дворянских и буржуазных кругов России включительно.

шут гороховый — hernehirmutis
переваливаясь (дееприч.) — kallutades
раздвигая (дееприч.) — kõrvale surudes
кивая (дееприч.) — noogutades
небрежно — hooletult
добродушно — heasüdamlikult
базар — laad
продвигаться (-гáюсь, -гáешься) — läbima

отыскивая (дееприч.) — otsides
не дойдя (дееприч.) — mitte jõudnud
подоле — kõrval
помолодевший (прич.) — noorenenud
повеселевший (прич.) — rõõmsaks, lõbusaks muutunud
похорошевший (прич.) — kauniks muutunud

— А, вы его знаете? — сказала Перонская. — Терпеть не могу. Il fait à présent la pluie et le beau temps¹. И гóрдость такая, что границ нет! По папеньке пошёл. И связáлся с Сперáнским, какие-то проекты пишут. Смотрите, как с дамами обращáется! Она с ним говорит, а он отверну́лся, — сказала она, указывая на него. — Я бы его отделила, если бы он со мной так поступи́л, как с этими дамами.

XVI.

Вдруг всё зашевелилось, толпа заговорила, подвинулась, опять раздвинулась, и между двух расступившихся рядов, при звуках заигравшей музыки, вошёл государь. За ним шли хозяин и хозяйка. Государь шёл, быстро кланяясь направо и налево, как бы стараясь скорее избавиться от этой первой минуты встречи. Музыканты играли польский, известный тогда по словам, сочинённым на него. Слова эти начинались: „Александр, Елизавета, восхищáете вы нас...“ Государь прошёл в гостиную;

¹ От него теперь зависит дождливая или хорошая погода. (Французская пословица, имеющая значение, что он имеет успех.)

гóрдость (ж. р.) — uhkus
 граница — piir
 по папеньке пошёл — on isasse
 läinud
 связáться* (буд. -жусь, -жешься) —
 sõbrutsema, end siduma
 обращáться (-юсь, -ешься) — koht-
 lema
 я бы его отделила — mina teda
 veel õpetaksin
 поступи́ть* (буд. -плю, -пишь) —
 käituma
 зашевели́ться* (буд. -люсь, -лишь-
 ся) — liikuma hakkama

подвину́ться* (буд. -нусь, -нешься)
 — edasi v. lähemale nihkuma
 раздвину́ться* (буд. -нешься,
 -нется) — laiali nihkuma
 расту́пившийся (прич.) — laiali
 astunud
 кланя́ясь (десприч.) — kummardudes
 изба́виться* (буд. -влюсь, -вишься)
 — vabanema
 сочи́ненный (прич.) — luuletatud
 восхищáть (-щаю, -щаешь) — vai-
 mustama

толпа хлынула к дверям; несколько лиц с изменившимися выражениями поспешно прошли туда и назад. Толпа опять отхлынула от дверей гостиной, в которой показался государь, разговаривая с хозяйкой. Какой-то молодой человек с растерянным видом наступал на дам, прося их посторониться. Некоторые дамы с лицами, выражавшими совершенную забывчивость всех условий света, пёртя свои туалеты, теснились вперёд. Мужчины стали подходить к дамам и стробиться в пары польского.

Всё расступилось, и государь, улыбаясь и не в такт ведя за руку хозяйку дома, вышел из дверей гостиной. За ним шли хозяин с М. А. Нарышкиной, потом посланники, министры, разные генералы, которых не умолкая называла Перонская. Больше половины дам имели кавалёров и шли или приготавливались идти в польский. Наташа чувствовала, что она оставалась с матерью и Соней в числе меньшей части дам, отгеснённых к стене и не взятых в польский. Она стояла, опустив свои тоненькие руки, и с мерно поднимающейся, чуть определённой грудью, сдерживая дыхание, блестящими, испуганными

хлынуть* (буд. -ну, -нешь, -нет) —
valguma

изменившийся (прич.) — muutunud
поспешно — kähku

растерянный (прич.) — hämmeldu-
nud, ähmi täis

вид — ilme

наступать (-паю, -паешь) — peale
tungima, peale astuma; siin:
tagasi tõrjuma

прося (дееприч.) — paludes

посторониться* (буд. -нюсь, -нишь-
ся) — kõrvale hoiduma

выражавший (прич.) — mis väljen-
das

забывчивость (ж. р.) — unusta-
mine

условие — komme, tingimus

пёртя (дееприч.) — rikkudes

стробиться (-юсь, -ишься) (в пары)
— paare moodustama

польский — polonees

не умолкая (дееприч.) — vaikimata

отгеснённый (прич.) — (tagasi,
kõrvale) surutud

опустив (дееприч.) — langetanud

чуть определённой (прич.) — vae-
valt välja kujunenud

удерживая (дееприч.) — tagasi hoi-
des v. pidades

глазами глядела перед собой, с выражением готовности на величайшую радость и на величайшее горе. Её не занимали ни государь, ни все важные лица, на которых указывала Перонская — у неё была одна мысль: „неужели так никто не подойдёт ко мне, неужели я не буду танцевать между первыми, неужели меня не заметят все эти мужчины, которые теперь, кажется, и не видят меня, а ежели смотрят на меня, то смотрят с таким выражением, как будто говорят: а! это не она, так и нечего смотреть. Нет, это не может быть!“ — думала она. — „Они должны же знать, как мне хочется танцевать, как я отлично танцую, и как им весело будет танцевать со мною“.

Звуки польского, продолжавшегося довольно долго, уже начинали звучать грустно, — воспоминанием в ушах Наташи. Ей хотелось плакать. Перонская отошла от них. Граф был на другом конце залы, графиня, Соня и она стояли одни, как в лесу, в этой чуждой толпе, никому неинтересные и ненужные. Князь Андрей прошёл с какой-то дамой мимо них, очевидно их не узнавая. Красавец Анатолий, улыбаясь, что-то говорил даме, которую он вёл, и взглянул на лицо Наташи тем взглядом, каким глядят на стены. Борис два раза прошёл мимо них и всякий раз отворачивался. Берг с женою, не танцовавшие, подошли к ним.

Наташе показалось оскорбительно это семейное сближение здесь, на бале, как будто не было другого места для семейных разговоров, кроме как на бале. Она не

готовность (ж. р.) — valmisolek
 занимать (-маю, -маешь) — *sin:*
 huvitama
 чуждый = чужой

оскорбительно — solvav
 семейный — perekondlik
 сближение — lähemine

слушала и не смотрела на Веру, что-то говорившую ей про своё зелёное платье.

Наконец, государь остановился подле своей последней дамы (он танцевал с тремя), музыка замолкла; озабоченный адъютант набежал на Ростовых, прося их ещё куда-то посторониться, хотя они стояли у стены, и с хор раздались отчётливые, осторожные и увлекательно-мерные звуки вальса. Государь с улыбкой взглянул на залу. Прошла минута — никто ещё не начинал. Адъютант-распорядитель подошёл к графине Безуховой и пригласил её. Она, улыбаясь, подняла руку и положила её, не глядя на него, на плечо адъютанта. Адъютант-распорядитель, мастер своего дела, уверенно, неторопливо и мерно, крепко обняв свою даму, пустился с ней сначала глиссáдом, по краю круга, на углу залы подхватил её левую руку, повернул её, и из-за всё убыстряющихся звуков музыки слышны были только мерные щелчки шпор быстрых и ловких ног адъютанта, и через каждые три такта на повороте как бы вспыхивало, развеаясь, бархатное платье его дамы. Наташа смотрела на них и готова была плакать, что это не она танцует этот первый тур вальса.

озабоченный (прич.) — murelik,
millegi eest hoolitsev
посторониться* (буд. -нёшь, -нишь-
ся) — kõrvale hoiduma
отчётливый — selge
осторожный — siin: sujuv
увлекательно-мерный — kütkestav-
ühetasane
распорядитель (м. р.) — korraldaja
мастер своего дела — meister omal
alal
обняв (дееприч.) — emmates

край — äär
круг — ring
подхватить* (буд. -чү, -тишь) —
haarata
убыстряющийся (прич.) — kiirust
lisav, kiirenev
щелчок (род. -лчка) — klõps
шпора — kannus
поворот — käänak, pööre
вспыхивать (-ваю, -ваешь) — puh-
kema, süttima, lõma(h)tama
развеаясь (дееприч.) — lehvides

Князь Андрей в своём полковничьем, белом (по кавалерии) мундире, в чулках и башмаках, оживлённый и весёлый, стоял в первых рядах круга, недалеко от Ростовых. Барон Фиргоф говорил с ним о завтрашнем предполагаемом первом заседании Государственного совета. Князь Андрей, как близкий человек Сперанскому и участвующий в работах законодательной комиссии, мог дать верные сведения о заседании завтрашнего дня, о котором ходили различные толки. Но он не слушал того, что ему говорил Фиргоф, и глядел то на государя, то на собиравшихся танцевать кавалеров, не решавшихся вступить в круг.

Князь Андрей наблюдал этих робёвших при государе кавалеров и дам, замиравших от желанья быть приглашёнными.

Пьер подошёл к князю Андрею и схватил его за руку.

— Вы всегда танцуете. Тут есть моя protégée¹, Ростова молодая, пригласите её, — сказал он.

— Где? — спросил Болконский. — Виноват, — сказал он, обращаясь к барону, — этот разговор мы в другом месте доведём до конца, а на бале надо танцевать. — Он вышел вперёд, по направлению, которое ему указывал Пьер. Отчаянное, замирающее лицо Наташи бросилось в глаза князю Андрею. Он узнал её, угадал её чувство,

---

¹ Протезе́ — протезировать, покровительствовать.

полковничий — polkovniku-
предполагаемый — oletatav, eel-
datav
заседание — istung
участвующий (прим.) — osavõtja
законодательный — seadusandlik
сведение — teade

собиравшийся (прим.) — valmistuv
не решавшийся (прим.) — kes ei
julgenud
робёвший (прим.) — kes kartis, ei
tihanud
приглашённый (прим.) — kutsutud
протезе́ — kaitsealune, hoolealune

понял, что она была начинающая, вспомнил её разговор на окне и с весёлым выражением лица подошёл к графине Ростовой.

— Позвольте вас познакомить с моей дочерью, — сказала графиня, краснея.

— Я имею удовольствие быть знакомым, ежели графиня помнит меня, — сказал князь Андрей с учтывым и низким поклбном, совершенно противоречащим замечаниям Перонской о его грубости, подходя к Наташе и занося руку, чтобы обнять её талию ещё прежде, чем он договорил приглашение на танец. Он предложил турвальса. То замирающее выражение лица Наташи, готовое на отчаяние и на восторг, вдруг осветилось счастливой, благодарной, детской улыбкой.

„Давно я ждала тебя“, как будто сказала эта испуганная и счастливая девочка своей проявившейся из-за готовых слёз улыбкой, поднимая свою руку на плечо князя Андрея. Они были вторая пара, вошедшая в круг. Князь Андрей был одним из лучших танцоров своего времени. Наташа танцевала превосходно. Ножки её в балльных атласных башмачках быстро, легко и независимо от неё делали своё дело, а лицо её сияло восторгом счастья. Её оголённые шея и руки были худы и некрасивы, в сравнении с плечами Элен. Её плечи были худы, грудь неопределённая, руки тонки; но на Элен был уже как будто лак от всех тысяч взглядов, скользивших по её телу, а Наташа казалась девочкой, которую в первый раз

начинающий (*прич.*) — algaja
учтывый — viisakas, aupaklik
противоречащий (*прич.*) — vastu-
gääkiv
замечание — tähendus, märkus
грубость (*ж. р.*) — toorus, ebavii-
sakus
занося (*дееприч.*) — tõstes

проявившийся (*прич.*) — tekkinud
превосходно — suurepäraselt
оголённый (*прич.*) — paljastatud
неопределённая (*кратк. форма*) —
väljakujunemata
лак — lakk
скользивший (*прич.*) — libisenud

оголили, и которой бы очень стыдно это было, ёжелп бы её не увёрили, что это так необходимо надо.

Князь Андрей любил танцовать и, желая поскорее отделаться от политических и умных разговоров, с которыми все обращались к нему, желая поскорее разорвать этот досадный ему круг смущения, образовавшийся от присутствия государя, пошёл танцовать и выбрал Наташу, потому что на неё указал ему Пьер и потому, что она первая из хорошеньких женщин попала ему на глаза; но едва он обнял этот тонкий, подвижной стан, и она зашевелилась так близко от него и улыбнулась так близко ему, вино её прелести ударило ему в голову: он почувствовал себя ожившим и помолодевшим, когда, переводя дыханье и оставив её, остановился и стал смотреть на танцующих.

XVII.

После князя Андрея к Наташе подошёл Борис, приглашая её на танцы, подошёл и тот танцор-адъютант, начавший бал, и ещё молодые люди, и Наташа, передавая своих излишних кавалеров Соне, счастливая и раскрасневшаяся, не переставала танцовать целый вечер. Она ничего не заметила и не видала из того, что зани-

---

оголить* (буд. -лю-, -лишь) — pal-
jastama

стыдно — häbi

увёрить* (буд. -рю-, -ришь) — tōen-
dama

отделаться* (буд. -лаюсь-, -лаешься)
— vabanema, lahti saama

разорвать* (буд. -вў-, -вёшь) — ru-
rustama, rebima

смущение — kohmetus

образовавшийся (прим.) — tekkinud
подвижной — painduv

стан — piht

зашевелиться* (буд. -люсь-, -лишь-
ся) — liikuma hakkama

переводя дыханье — hinge tagasi
tõmmates

передавая (дееприм.) — loovutades
излишний — liigne

мáло всех на этом бале. Она не только не замéтила, как государь долго говорил с французским послáнником, как он особенно мýлостиво говорил с такой-то дамой, как принц такой-то и такой-то сделали и сказали то-то, как Элен имела большой успех и удостóбилась внимáния такого-то; она не видала даже государя и заметила, что он уехал, только потому, что после его отъезда бал более оживился. Один из весёлых котильбóнов, перед ужином, князь Андрей опять танцевал с Наташей. Он напомнил ей о их первом свидáнии в отрадненской аллée и о том, как она не могла заснýть в лýнную ночь, и как он невольно слышал её. Наташа покраснела при этом напоминании и старалась оправдáться, как будто было что-то стýдное в том чувстве, в котором невольнó подслýшал её князь Андрей.

Князь Андрей, как все люди, вы́росшие в свете, любил встречать в свете то, что не имело на себе общего свéтского отпечáтка. И такова была Наташа, с её удивлением, радостью и рóбостью и даже оши́бками во французском языке. Он особенно нéжно и бéрежно обращáлся и говорил с нею. Сидя подле неё, разговаривая с ней о самых простых и ничтóжных предметах, князь Андрей любовался на радостный блеск её глаз и улыбки, относíвшейся не к говоренным речам, а к её внýтреннему счастью. В то время, как Наташу выбирали и она с улыбкой вставала и танцевала по зале, князь Андрей

удостóбилась внимáния — leidis
tähelepanu

свидáние — kohtumine

отрадненский — Otradnoje-

аллée — puistee

оправдáться* (буд. -дáюсь, -дá-
ешься) — end vabandama

стыднýй — häbistav

вы́росший (*прим.*) — üles kasvanud

свéтский — seltskondlik

отпечáток (*р. н.* -чатка) — jälg

ничтóжный — tühine

относíвшийся (*прим.*) — kuuluv,
seoses olev

внýтренний — sisemine

любовался в особенности на её робкую грацию. В середине котильона Наташа, окончив фигуру, ещё тяжело дыша, подходила к своему месту. Новый кавалер опять пригласил её. Она устала и запыхалась и, видимо, подумала отказаться, но тотчас опять весело подняла руку на плечо кавалера и улыбнулась князю Андрею.

„Я бы рада была отдохнуть и посидеть с вами, я устала; но вы видите, как меня выбирают, и я этому рада, и я счастлива, и я всех люблю, и мы с вами всё это понимаем“, и ещё многое и многое сказала эта улыбка. Когда кавалер оставил её, Наташа побежала через залу, чтобы взять двух дам для фигур.

„Ежели она подойдёт прежде к своей кухне, а потом к другой даме, то она будет моей женой“, сказал совершенно неожиданно сам себе князь Андрей, глядя на неё. Она подошла прежде к кухне.

„Какой вздор иногда приходит в голову! — подумал князь Андрей; — но верно только то, что эта девушка так мила, так особенна, что она не протанцует здесь месяца и выйдет замуж... Это здесь редкость“, думал он, когда Наташа, поправляя откинувшуюся у корсажа розу, усаживалась подле него.

В конце котильона старый граф подошёл в своём синем фраке к танцующим. Он пригласил к себе князя Андрея и спросил у дочери, весело ли ей. Наташа не ответила и только улыбнулась такой улыбкой, которая с

запыхаться (-хажусь, -хажешься) —
lõõtsutama

отказаться* (буд. -жусь, -жешься)
— ära ütlema

кухня — nõbu, onu- v. lalletütar

вздор — lollus

редкость (ж. р.) — haruldus

поправляя (деприч.) — kohenda-
des

откинувшийся (прич.) — väljalan-
genud

усаживаться (-ваюсь, -ваешься) —
istet võtma

упрёком говорила: „как можно было спрашивать об этом?“

— Так вёсело, как никогда в жизни! — сказала она, и князь Андрей заметил, как быстро поднялись было её худые руки, чтобы обнять отца и тотчас же опустились. Наташа была так счастлива, как никогда ещё в жизни. Она была на той высшей ступёни счастья, когда человек делается вполне добр и хорош, и не верит в возможность зла, несчастья и гбря.

Часть четвёртая.

IX.

Пришли святки, и, кроме парадной обёдни, кроме торжественных и скучных поздравлений соседей и дворовых, кроме на всех надетых новых платьев, не было ничего особенного, ознаменовывающего святки, а в безвётренном 20-градусном морозе, в ярком ослепляющем солнце днём и в звёздном зимнем свете ночью, чувствовалась потребность какого-нибудь ознаменованія этого времени.

На третий день праздника после обеда все домашние разошлись по своим комнатам. Было самое скучное время дня. Николай, ёздивший утром к соседям, заснул в диванной. Старый граф отдыхал в своём кабинете. В гостиной за круглым столом сидела Соня, срисовывая узор. Графиня

упрёк — etteheide
поднялись было — olid valmis
tõusma
ступень (ж. р.) — aste
святки (мн. ч. р. н. -ток) — jõulu-
aeg (kuni kolmekuningapäevani)
поздравление — õnnitlus

ознаменовывающий (прим.) — tä-
histav
безвётренный — tuuleta, tuule-
vaikne
потребность (ж. р.) — vajadus
ознаменованіе — tähistamine
диванная — diivanituba

раскладывала карты. Настасья Ивановна — шут с печальным лицом — сидел у окна с двумя старушками. Наташа вошла в комнату, подошла к Соне, посмотрела, что она делает, потом подошла к матери и молча остановилась.

— Что ты ходишь, как бесприютная? — сказала ей мать. — Что тебе надо?

— Его мне надо. . . сейчас, сию минуту мне его надо, — сказала Наташа, блестя глазами и не улыбаясь.

Графиня подняла голову и пристально посмотрела на дочь.

— Не смотрите на меня, мама, не смотрите, я сейчас заплачу.

— Садись, посиди со мной, — сказала графиня.

— Мама, мне его надо. За что я так пропадаю, мама? . .
— Голос её оборвался, слёзы брызнули из глаз, и она, чтобы скрыть их, быстро повернулась и вышла из комнаты. Она вышла в диванную, постояла, подумала и пошла в девичью. Там старая горничная ворчала на молодую девушку, запыхавшуюся с холода, прибежавшую с двора.

— Будет играть-то, — говорила старуха. — На всё время есть.

— Пусти её, Кондратьевна, — сказала Наташа. — Иди, Мавруша, иди.

И отпустив Маврушу, Наташа через залу пошла в переднюю. Старик и два молодые лакея играли в карты. Они прервали игру и встали при входе барышни. — Что бы

раскладывать карты — kaarte välja
panema
шут — naug
бесприютный — kodutu
пристально — teraselt
пропадать (-даю, -даешь) — hää-
buna

оборваться* (буд. -вёшься, -вётся)
— katkema
брызнуть* (буд. -ну, -нешь) — purs-
kama
скрыть* (буд. скрою, скроешь) —
varjama
прервать* (буд. -рвүү, -рвёшь) —
katkestama

мне с ними сделать? — подумала Наташа. — Да, Никита, сходи пожалуйста... „куда бы мне его послать?“ Да, сходи на двóрню и принеси, пожалуйста, петуха; да, а ты, Миша, принеси овса.

— Немного овса прикажете? — весело и охотно сказал Миша.

— Иди, иди скорее, — подтвердíl старик.

— Фёдор, а ты мелу мне достань.

Проходя мимо буфета, она велела подавать самовар, хотя это было вовсе не время.

Буфётчик Фока был самый сердитый человек из всего дома. Наташа над ним любила пробовать свою власть. Он не поверил ей и пошёл спросить, правда ли?

— Уж эта барышня! — сказал Фока, притвóрно хмúрясь на Наташу.

Никто в доме не рассылáл столько людей и не давал им столько работы, как Наташа. Она не могла равнодушно видеть людей, чтобы не послать их куда-нибудь. Она как будто пробовала, не рассóрдится ли, не надúется ли на неё кто из них, но ничьих приказаний люди не любили так исполнять, как Наташиных. — Что бы мне сделать? Куда бы мне пойти? думала Наташа, медленно идя по коридору.

— Настасья Ивановна, что от меня родится? — спросила она шута, который в своей кацавёйке шёл навстречу ей.

на двóрню — mõisaperesse
подтвердítь* (буд. -вержý, -вер-
дйтшь) — kinnitama
буфётчик — puhvetipoiss
притвóрно — teesklevalt
хмúрясь (дееприч.) — kulme kort-
sutades

рассылáть (-лáю, -лáешь) — lähe-
tama
надúться* (буд. -дúюсь, -дúешься)
— rahandama, mossis olema
исполнять (-няю, -няешь) — täitma
кацавёйка — vammus

TARTU ÜLIKOOLI

RAAMATUKOGU

51

— От тебя блохи, стрекозы, кузнецы, — отвечал шут.

— Боже мой, боже мой, всё одно и то же. Ах, куда бы мне деваться? Что бы мне с собой сделать? — И она быстро, застучав ногами, побежала вверх по лестнице к Фогелю, который с женой жил там. У Фогеля сидели две гувернантки, на столе стояли тарелки с изюмом, грецкими и миндальными орехами. Гувернантки разговаривали о том, где дешевле жить, в Москве или в Одессе. Наташа присела, послушала их разговор с серьёзным, задумчивым лицом и встала.

— Остров Мадагаскар, — проговорила она. — Мадагаскар, — повторила она отчётливо каждый слог и, не отвечая на вопросы M-me Schoss о том, что она говорит, вышла из комнаты.

Петя, брат её, был тоже наверху: он с своим дядькой устраивал фейерверк, который намеревался пустить ночью.

— Петя! Петя! — закричала она ему, — вези меня вниз. — Петя подбежал к ней и подставил спину. Она вскочила на него, обхватив его шею руками, и он, подпрыгивая, побежал с ней.

— Нет, не надо... — остров Мадагаскар, — проговорила она и, соскочив с него, пошла вниз.

Как будто обойдя своё царство, испытыв свою власть

блоха — kirp

стрекоза — kiil

кузнец = кузничек — rohutirts

изюм — rosinat

греческий — kreeka

миндальный — mandli-

орех — pähkel

присесть* (буд. -сяду, -сядешь) —

istuma

слог — silp

дядька — hoidja

намереваться (-вюсь, -вешься)

— kavatsema

обхватив (дееприч.) — ümber haarates

подпрыгивая (дееприч.) — hüpates, kareldes

соскочив (дееприч.) — maha hüpates

обойдя (дееприч.) — läbi käinud

испытыв (дееприч.) — proovinud

и убедившись, что все покорны, но что всё-таки скучно, Наташа пошла в залу, взяла гитару, села в тёмный угол за шкапчик и стала в басу перебирать струны, выделявая фразу, которую она запомнила из одной оперы, слышанной в Петербурге вместе с князем Андреем. Для посторонних слушателей у ней на гитаре выходило что-то, не имевшее никакого смысла, но в её воображении из-за этих звуков воскресал целый ряд воспоминаний. Она сидела за шкапчиком, устремив глаза на полосу света, падавшую из буфетной двери, слушала себя и вспоминала. Она находилась в состоянии воспоминания.

Соня прошла в буфет с рюмкой через залу. Наташа взглянула на неё, на щель в буфетной двери, и ей показалось, что она вспоминает то, что из буфетной двери в щель падал свет и что Соня прошла с рюмкой. „Да и это было точь в точь так же“, подумала Наташа.

— Соня, что это? — крикнула Наташа, перебирая пальцами на толстой струне.

— Ах, ты тут! — вздрогнув, сказала Соня, подошла и прислушалась. — Не знаю. Буря? — сказала она робко, боясь ошибиться.

„Ну вот точно так же она вздрогнула, точно так же подошла и робко улыбнулась тогда, когда это уж было“, подумала Наташа, „и точно так же... я подумала, что в ней чего-то недостаёт“.

убедившись (*дееприч.*) — veendunud

покорный — kuulekas

перебирать (-раю, -раешь) — puudutlema

выделявая (*дееприч.*) — luues, tehesis, koostades

посторонний — kõrvaline

смысл — mõte

воображение — kujutus

воскресать (-аю, -аешь) — elluärkama

устремив (*дееприч.*) — suunanud, rõõrganud

падавший (*прич.*) — langenud

состояние — meeleolu, olukord

вздрогнув (*дееприч.*) — võpatanud

ошибиться* (*буд.* -бўсь, -бёшься) — eksima

— Нет, это хор из Водонбса, слышишь! — И Наташа допела мотив хора, чтобы дать его понять Соне. — Ты куда ходила? — спросила Наташа.

— Воду в рюмке переменить. Я сейчас дорисую узор.

— Ты всегда занята, а я вот не умею, — сказала Наташа. — А Николай где?

— Спит, кажется.

— Соня, ты поди разбуди его, — сказала Наташа. — Скажи, что я его зову петь.

Она посидела, подумала о том, что это значит, что всё это было, и, не разрешив этого вопроса и несколько не сожалёя о том, опять в воображении своём перенеслась к тому времени, когда она была с ним вместе, и он влюблёнными глазами смотрел на неё.

„Ах, поскорее бы он приехал. Я так боюсь, что этого не будет! А главное: я стареюсь, вот что! Уж не будет того, что теперь есть во мне. А может быть, он нынче приедет, сейчас приедет. Может быть, приехал и сидит там в гостиной. Может быть, он вчера ещё приехал, и я забыла“. Она встала, положила гитару и пошла в гостиную. Все домашние, учителя, гувернантки и гости сидели уже за чайным столом. Люди стояли вокруг стола, — а князя Андрея не было, и была всё прежняя жизнь.

— А, вот она, — сказал Илья Андреич, увидав вошедшую Наташу. — Ну, садись ко мне. — Но Наташа остановилась подле матери, оглядываясь кругом, как будто она искала чего-то.

Водонбс — Veekandja

мотив — viis

переменить* (буд. -ню, -нишь) —
vahetama

не разрешив (дзенрич.) — jättes
lahendamata

не сожалёя (дзенрич.) — mitte
kahetsedes

перенестись* (буд. -сусь, -сёшься)
— kanduma

стареться (-реюсь, -рёешься) —
vananema

— Мама! — проговорила она. — Дайте мне его, дайте, мама, скорее, скорее, — и опять она с трудом удержала рыдания.

Она присела к столу и послушала разговоры старших и Николая, который тоже пришёл к столу. „Боже мой, боже мой, те же лица, те же разговоры, так же папа держит чашку и дует точно так же!“ думала Наташа, с ужасом чувствуя отвращение, подымавшееся в ней против всех домашних за то, что они были всё те же.

После чая Николай, Соня и Наташа пошли в диванную, в свой любимый угол, в котором всегда начинались их самые задушевные разговоры.

X.

— Бывает с тобой, — сказала Наташа брату, когда они уселись в диванной, — бывает с тобой, что тебе кажется, что ничего не будет — ничего; что всё, что хорошее, то было? И не то что скучно, а грустно?

— Ещё как! — сказал он. — У меня бывало, что всё хорошо, все веселы, а мне придёт в голову, что всё это уж надоело и что умирать всем надо. Я раз в полку не пошёл на гулянье, а там играла музыка... и так мне вдруг скучно стало...

— Ах, я это знаю. Знаю, знаю, — подхватила Наташа. — Я ещё маленькая была, так со мной это бывало. Помнишь, раз меня за сливы наказали, и вы все танцевали, а я сидела в классной и рыдала; никогда не забуду: мне и грустно было и жалко всех, и себя и всех, всех жалко. И, глав-

---

отвращение — *tülgastus*

задушевный — *südamelähedane*

надоёсть* (*буд.* надоём, -ёшь -ест)

— *tüütama*

гулянье — *pidu*

наказать* (*буд.* -кажу, -кажешь)

— *karistama*

ное, я не виновата была, — сказала Наташа, — ты помнишь?

— Помню, — сказал Николай. — Я помню, что я к тебе пришёл потом, и мне хотелось тебя утешить и, знаешь, совестно было. Ужасно мы смешные были. У меня тогда была игрушка-болванчик, и я его тебе отдать хотел. Ты помнишь?

— А помнишь ты, — сказала Наташа с задумчивой улыбкой, — как давно, давно, мы ещё совсем маленькие были, дяденька нас позвал в кабинет, ещё в старом доме, а темнó было — мы пришли и вдруг там стоит...

— Арап, — докончил Николай с радостной улыбкой, — как же не помнить? Я и теперь не знаю, что это был арап или это мы во сне видели, или нам рассказывали.

— Он серый был, помнишь, и белые зубы — стоит и смотрит на нас...

— Вы помните, Соня? — спросил Николай.

— Да, да, я тоже помню что-то, — робко ответила Соня.

— Я ведь спрашивала про этого арапа и у папá и у мамá, — сказала Наташа. — Они говорят, что никакого арапа не было. А ведь вот ты помнишь!

— Как же, как теперь помню его зубы.

— Как это странно, точно во сне было. Я это люблю.

— А помнишь, как мы катали яйца в зале, и вдруг две старухи, и стали по ковру вертеться. Это было или нет? Помнишь, как хорошо было?

— Да. А помнишь, как папенька в синей шубе на крыльце выстрелил из ружья.

утешить* (буд. -шу, -шишь) — задумчивый — mötlik
lohutama дяденька — onuke
совестно — piinlik арап — murjan, neeger
болванчик — klaun

Они перебирали, улыбаясь, с наслаждением воспоминания, не грустного, старческого, а поэтического юношеского воспоминания, те впечатления из самого дальнего прошедшего, где сновидения сливаются с действительностью, и тихо смеялись, радуясь чему-то.

Соня, как и всегда, отстала от них, хотя воспоминания их были общие.

Соня не помнила многого из того, что они вспоминали, а и то, что она помнила, не возбуждало в ней того поэтического чувства, которое они испытывали. Она только наслаждалась их радостью, стараясь поддѣлаться под неё.

Она приняла участие только в том, когда они вспоминали первый приезд Сони. Соня рассказала, как она боялась Николая, потому что у него на курточке были шнурки, и ей няня сказала, что и её в шнурки зашьют.

— А я помню: мне сказали, что ты под капустою родилась, — сказала Наташа, — и помню, что я тогда не смела не поверить, но знала, что это неправда, и так мне неловко было.

Во время этого разговора из задней двери диванной высунулась голова горничной.

— Барышня, петуха принесли, — шопотом сказала девушка.

— Не надо, Поля, вели отнесті, — сказала Наташа.

перебирать (-раю, -раешь) — агутама	испытывать (-ваю, -ваешь) — tundma
сновидение — unenägu, unelm	поддѣлаться* (буд. -лаюсь, -лаешься) — järele tegema
сливаться (-ваешься, -ваётся) — ühte sulama	курточка — kuub
радуясь чему-то — rõõmutsedes millegi üle	шнурок (род. -ркá) = шнурок — nõõrike
возбуждать (-даю, -даешь) — äratama	высунуться* (буд. -нусь, -нешься) — välja pista
	отнести* (буд. -несу́, -несёшь) — ära viima

В середине разговоров, шедших в диванной, Диммлер вошёл в комнату и подошёл к арфе, стоявшей в углу. Он снял сукно, и арфа издала фальшивый звук.

— Эдуард Карлыч, сыграйте, пожалуйста, мой любимый Nocturne¹ мосье Фильда, — сказал голос старой графини из гостиной.

Диммлер взял аккорд и, обратясь к Наташе, Николаю и Соне, сказал: — Молодёжь как смирно сидит!

— Да, мы философствуем, — сказала Наташа, на минуту оглянувшись, и продолжала разговор. Разговор шёл теперь о сновидениях.

Диммлер начал играть. Наташа неслышно, на цыпочках, подошла к столу, взяла свечу, вынесла её и, вернувшись, тихо села на своё место. В комнате, особенно на диване, на котором они сидели, было темно, но в большие окна падал на пол серебряный свет полного месяца.

— Знаешь, я думаю, — сказала Наташа шопотом, придвигаясь к Николаю и Соне, когда уже Диммлер кончил и всё сидел, слабо перебирая струны, видимо в нерешительности — оставить, или начать что-нибудь новое, — что когда так вспоминаешь, вспоминаешь, всё вспоминаешь, до того довоспоминаешься, что помнишь то, что было ещё прежде чем я была на свете...

— Это метампсихоза, — сказала Соня, которая всегда хорошо училась и всё помнила. — Египтяне верили, что

---

¹ *Noctürni* — мечтательное, певучее музыкальное произведение.

шедший (*прич.* итти) — mis läks,
oli käimas
арфа — harf
издать* (*буд.* -дам, -дашь, -аст;
прош. издал, издала, издало) —
välja andma; *син:* helisema

обратясь (*дееприч.*) — pöördudes
довоспомянуться* (*буд.* -юсь, -ешь-
ся) — nii kaugeid asju meenu-
tama
метампсихоз — metampsühhoos
египтяне (*м. ч.*) — egiptlased

наши души были в животных и опять пойдут в животных.

— Нет, знаешь, я не верю этому, чтобы мы были в животных, — сказала Наташа тем же шопотом, хотя и музыка кончилась, — а я знаю наверное, что мы были ангелами там где-то и здесь были, и от этого всё помним.

— Можно мне присоединиться к вам? — сказал тихо подошедший Диммлер и подсел к ним.

— Ежели бы мы были ангелами, так за что же мы попали ниже? — сказал Николай. — Нет, это не может быть!

— Не ниже, кто тебе сказал, что ниже?.. Почему я знаю, чем я была прежде, — с убеждением возразила Наташа. — Ведь душа бессмертна... стало быть, ежели я буду жить всегда, так я и прежде жила, целую вечность жила.

— Да, но трудно нам представить вечность, — сказал Диммлер, который подошёл к молодым людям с крѳткой, презрительной улыбкой, но теперь говорил так же тихо и серьёзно, как и они.

— Отчего же трудно представить вечность? — сказала Наташа. — Нынче будет, завтра будет, всегда будет и вчера было и третьего дня было...

— Наташа! теперь твой черѳд. Спой мне что-нибудь, — слышался голос графини. — Что вы уселись, точно заговѳрщики.

— Мама! мне так не хочется, — сказала Наташа, но вместе с тем встала.

ангел — ingel
присоединиться* (буд. -нѳсь,
-нѳшься) — seltsi tulema
вечность (ж. р.) — igavik

крѳткий — vaikne
презрительный — rѳglik
черѳд (народное) — jārjekord
заговѳрщик — vandeseltslane

Всем им, даже и немолодому Диммлеру, не хотелось прерыва́ть разговор и уходить из уголка диванной, но Наташа встала, и Николай сел за клавикорды. Как всегда, став на середину залы и выбрав вы́годнейшее место для резона́нса, Наташа начала петь любимую пьесу своей матери.

Она сказала, что ей не хотелось петь, но она давно прежде и долго после не пела так, как она пела в этот вечер. Граф Илья Андреич из кабинета, где он беседовал с Митенькой, слышал её пенье, и как ученик, торопя́щийся итти играть, докáнчивая урок, пúтался в словах, отдавая приказания управля́ющему и наконец замолчал, и Митенька, тоже слушая, мблча, с улыбкой, стоял перед графом. Николай не спускал глаз с сестры, и вместе с нею переводил дыхание. Соня, слушая, думала о том, какая громадная рáзница была между ею и её другом и как невозможно было ей хоть на сколько-нибудь быть столь обворожíteльной, как её кузина. Старая графиня сидела с счастливо-грустной улыбкой и слезáми на глазах, изредка покачивая головой. Она думала и о Наташе, и о своей мблодости, и о том, как что-то неестéственное и страшное есть в этом предстоящем бра́ке Наташи с князем Андреем.

Диммлер, подсев к графине и закрыв глаза, слушал.

— Нет, графиня, — сказал он наконец, — это талант

вы́годнейший (<i>превосх. стень.</i>) —	управля́ющий — valitseja
soodsaim	рáзница — erinevus
пьеса — tükk, pala, muusikapala	обворожíteльный — hurmav
торопя́щийся (<i>прич.</i>) — rattav	изредка — aeg-ajalt
докáнчивая (<i>дееприч.</i>) — lõpetades	неестéственный — ebaloomulik
пúтаться в слова́х — sõnades segi	бра́к — abielu
minema	

европейский, ей учиться нечего, этой мягкости, нежности, силы...

— Ах! как я боюсь за неё, как я боюсь, — сказала графиня, не помня, с кем она говорит. Её материнское чутьё говорило ей, что чего-то слишком много в Наташе и что от этого она не будет счастлива. Наташа не кончила ещё петь, как в комнату вбежал восторженный четырнадцатилетний Петя с известием, что пришли ряженные.

Наташа вдруг остановилась.

— Дурак! — закричала она на брата, подбежала к стулу, упала на него и зарыдала так, что долго потом не могла остановиться.

— Ничего, маменька, право ничего, так: Петя испугал меня, — говорила она, стараясь улыбаться, но слёзы всё текли и всхлипывания сдавливали горло.

Наряженные дворовые, медведи, турки, трактирщики, барыни, страшные и смешные, принесли с собой холод и веселье, сначала робко жались в передней; потом, прячась один за другого, вьтеснились в залу; и сначала застенчиво, а потом всё веселее и дружнее начались песни, пляски, хороводы и святочные игры. Графиня, узнав лица и посмеявшись на наряженных, ушла в гости-

---

мягкость (ж. р.) — pehmus
нежность (ж. р.) — õrnus
чутьё — vaist
восторженный — valmustatud
ряженный — mardisant
всхлипывание — nuuksumine
сдавливать (-ваю, -ваешь) —
pigistama
наряженный = ряженный

түрок — türklane
трактирщик — kõrtsmik
жаться (жмётся, жмётся) — end
hoidma v. suruma ühtekokku
прячась (деприч.) — peites
вьтесниться* (буд. -ньюсь, -нишься)
— pugema
пляска — tants
хоровод — ringmäng
святочный — jõulu-

ную. Граф Илья Андреич с сияющей улыбкой сидел в зале, одобряя играющих. Молодёжь исчезла куда-то.

Через полчаса в зале между другими ряженными появилась ещё старая барыня в фижмах — это был Николай. Турчанка был Петя. Паяц — это был Диммлер, гусар — Наташа и черкес — Соня, с нарисованными пробочными усами и бровями.

После снисходительного удивления, неузнавания и похвал со стороны ненаряженных, молодые люди нашли, что костюмы так хороши, что надо было их показать ещё кому-нибудь.

Николай, которому хотелось по отличной дороге прокатить всех на своей тройке, предложил, взяв с собой из дворовых человек десять наряженных, ехать к дядюшке.

— Нет, ну что вы его, старика, расстробите! — сказала графиня, — да и негде повернуться у него. Уж ехать, так к Мелюковым.

Мелюкова была вдова с детьми разнообразного возраста, также с гувернантками и гувернёрами, жившая в четырёх верстах от Ростовых.

— Вот, та шèге¹, умно, — подхватил расшевелившийся старый граф. — Давай сейчас наряжусь и поеду с вами. Уж я Пашету расшевелю.

¹ Моя дорогая.

одобряя (*деприч.*) — heaks kiites
фижм — võruseelik, krinoliin
турчанка — türkklanna
паяц — klaun
пробочный — (põletatud) korgist
снисходительный — heatahtlik
неузнавание — mitteäratundmine
похвала — kiitus
предложить* (*буд.* -жү, -жишь) —
ettepanekut tegema

расстробить* (*буд.* -бю, -бишь) —
häärima
повернуться* (*буд.* -нүсь, -нёшься)
— ringi pöörama
возраст — vanus
расшевелившийся (*прич.*) — olles
rõõmsasse tuju sattunud
нарядиться* (*буд.* -жүсь, -ядишь-
ся) — maskeerima, ehtima
расшевелить* (*буд.* -лю, -лишь) —
elu sisse ajama

Но графиня не согласилась отпустить графа: у него все эти дни болела нога. Решили, что Илье Андреичу ехать нельзя, а что ежели Луиза Ивановна (M-me Schoss) поедет, то барышням можно ехать к Мелюковой. Соня, всегда робкая и застенчивая, настойтельнее всех стала упрашивать Луизу Ивановну не отказать им.

Наряд Сони был лучше всех. Её усы и брови необыкновенно шли к ней. Все говорили ей, что она очень хороша, и она находилась в несвойственном ей оживлённо-энергическом настроении. Какой-то внутренний голос говорил ей, что нынче или никогда решится её судьба, и она в своём мужском платье казалась совсем другим человеком. Луиза Ивановна согласилась, и через полчаса четыре тройки с колокольчиками и бубенчиками, визжя и свистя подрёзами по морозному снегу, подъехали к крыльцу.

Наташа первая дала тон святочного веселья, и это веселье, отражаясь от одного к другому, всё более и более усиливалось и дошло до высшей степени в то время, когда все вышли на мороз и, переговариваясь, перекликаясь, смеясь и крича, расселись в сани.

Две тройки были разгонные; третья тройка — старого графа с орловским рысакóм в корню; четвёртая — собственная Николая с его низеньким, воронým, косматым корен-

настойтельно — tungivalt
шли к ней — sobisid talle
несвойственный — ebaomane
подрёз — saanijalas
переговариваясь (десприч.) — läbi-
segi juteldes
перекликаясь (десприч.) — läbi-
segi kisades

разгонная трóйка — troika iga-
päevase sõidu tarbeks
орловский рысак — orlovi traavel
в корню — aisades
низенький — madalavõitu
воронóй — must
косматый — karvane
коренник — (troika keskmine)
aisahobune

никѡмъ. Николай в своём старушечьем наряде, на который он надел гусарский, подпоясанный плащ, стоял в середине своих саней, подобрáв вѡзжи.

Было так светло, что он видел отблѣскивающие на месячном свете бляхи и глаза лошадей, испуганно оглядывавшихся на седокѡв, шумевших под тѣмным навѣсом подьезда.

В сани Николая сели Наташа, Соня, M-me Schoss и две девушки. В сани старого графа сели Диммлер с женой и Петя; в остальные расселись наряженные дворѡвые.

— Пошѣл вперед, Захár! — крикнул Николай кучеру отца, чтобы иметь случай перегнáть его на дороге.

Тройка старого графа, в которую сел Диммлер и другие ряженные, визжá полѡзьями, как будто примерзáя к снегу и побрякивая густым колокобльцем, трѡнулась вперед. Пристяжные жáлись на оглѡбли и увязáли, выворачивая как сахар крепкий и блестящий снег.

Николай тронулся за первой тройкой; сзади зашумели и завизжáли остальные. Сначала ехали маленькой рьсью

старушечий — eide-, vanamoori-
подпоясанный (прич.) — vöötatud
плащ — mantel

подбрáв (дееприч.) — hoides
вѡзжи (мн. ч.) — ohjad
отблѣскивающий (прич.) — helkiv
бляха — plekist märk v. number,
metallnaast

оглядывавшийся (прич.) — piidlev
седок — pealeistuja, sõitja
навѣс — trepikatus, katusealune
перегнáть* (буд. -гоню, -гонишь)

— mööda ajama, kihutama
визжá полѡзьями — saanijalaste
kiunudes

примерзáя (дееприч.) — külmudes
побрякивая (дееприч.) — kõlistades

густой — siin: kume
колокоблец — aisakell
трѡнуться* (буд. -нусь, -нешься)
— liikuma

пристяжной — kõrvalhobune
оглѡбля — ais

увязáть (-áю, -áешь) — vajuma
hange v. lumme

выворачивать (-ваю, -ваешь) —
välja murdma

рьсью — sõrki sõites

по узкой дороге. Пока ехали мимо сада, тени от оголённых деревьев ложились часто поперёк дороги и скрывали яркий свет луны, но как только выехали за ограду, алмазноблестящая, с сизым отблеском, снежная равнина, вся облитая месячным сиянием и неподвижная, открылась со всех сторон. Раз, раз, толкнул ухаб в передних санях; точно так же толкнуло следующие сани и следующие и, дерзко нарушая закованную тишину, одни за другими стали растягиваться сани.

— След заячий, много следов! — прозвучал в морозном скованном воздухе голос Наташи.

— Как видно, Nicolas! — сказал голос Сони.

Николай оглянулся на Соню и пригнулся, чтоб ближе рассмотреть её лицо. Какое-то совсем новое, милое лицо, с чёрными бровями и усами, в лунном свете, близко и далёко, выглядывало из соболей.

„Это прежде была Соня“, — думал Николай. Он ближе взгляделся в неё и улыбнулся.

— Вы что, Nicolas?

— Ничего, — сказал он и повернулся опять к лошадям.

Выехав на торную, большую дорогу, примасленную

поперёк — risti üle	закованный (прич.) — siin: tardunud
ограда — tara	
алмазноблестящий — teemandi-säraline	растягиваться (-ваюсь, -ваешься) — venima
сизый — sinkjashall	заячий — jänese-
отблеск — vastuhelk, kuma	пригнуться* (буд. -нүсь, -нёшься) — kumarduma
облитый (прич.) — üleallatud	
толкнуть* (буд. -нү, -нёшь) — tõukama	соболь — soobel
ухаб — teeauk, lohk lumes	торная дорога — siledaks, kõvaks-sõidetud tee
дерзко — ülbelt	примасленный — siin: läikima hõõrutud
нарушая (дееприч.) — häirides (vaikust), rikkudes	

поло́зьями и всю иссечённую следами шипов, видными в свете месяца, лошади сами собой стали натягивать вожжи и прибавлять ходу. Левая пристяжная, загнув голову, прыжками подёргивала свои постромки. Коренной раскачивался, поводя ушами, как будто спрашивая: „начинать или рано ещё?“ — Впереди, уже далеко отделившись и звеня удаляющимся густым колокольцем, ясно виднелась на белом снегу чёрная тройка Захара. Слышны были из его саней покрикиванье и хохот и голоса наряженных.

— Ну ли вы, разлюбёзные! — крикнул Николай, с одной стороны подёргивая вожжю и отводя с кнутом руку.

И только по усилившемся, как будто, навстречу ветру, и по подёргиванью натягивающих и всё прибавляющих скоку пристяжных, заметно было, как шибко полетела тройка. Николай оглянулся назад. С криком и визгом, махая кнутами и заставляя скакать коренных, поспевали другие тройки. Коренной стойко поколыхивался под дугой, не думая сбивать и обещая ещё и ещё наддать, когда понадобится.

иссечённый (<i>прич.</i>) — tikkideks,	кнут — piits
puruks raiutud	подёргиванье — tõmme
шип — jäänael hobuse rauas	натягивающий (<i>прич.</i>) — pingule
натягивать (-ваю, -ваешь) — pingule tõmbama	tõmbav
прыжок (<i>р. н.</i> -жкá) — hüpe	прибавляющий (<i>прич.</i>) — lisav
подёргивать (-ваю, -ваешь) — kiskuma	скок — hüpe
постромки (<i>мн. ч.</i>) — veorihmad	шибко = быстро — kiirelt
раскачиваться (-ваюсь, -ваешься) — õõtsuma	стойко — kindlalt
поводя ушами — kõrvu liigutades	поколыхиваться (-ваюсь, -ваешься) — õõtsuma
звеня (<i>дееприч.</i>) — helisedes, kumisedes	дуга — look
удаляющийся (<i>прич.</i>) — eemalduv	сбивать (-ваю, -ваешь) — sin-
разлюбёзный — kullake	väsima
отводя (<i>дееприч.</i>) — kõrvale viies e. juhtides	обещая (<i>дееприч.</i>) — tõotades
	наддать* (<i>буд.</i> -дám, -дáшь) — juurde lisama
	понадобится (<i>безличн.</i>) — läheb vaja

Николай догнал первую тройку. Они съехали с какой-то горы, выехали на широко-разъезженную дорогу по лугу около реки.

„Где это мы едем?“ — подумал Николай. — „По косому лугу должно быть. Но нет, это что-то новое, чего я никогда не видал. Это не косою луг и не Дёмкина гора, а это бог знает что такое! Это что-то новое и волшебное. Ну, что бы там ни было!“ — И он, крикнув на лошадей, стал объезжать первую тройку.

Захар сдержал лошадей и обернул своё уже обиндевёвшее до бровей лицо.

Николай пустил своих лошадей; Захар, вытянув вперёд руки, чмокнул и пустил своих.

— Ну, держись, барин, — проговорил он.

Ещё быстрее рядом полетели тройки, и быстро переменялись ноги скачущих лошадей. Николай стал забирать вперёд. Захар, не переменяя положения вытянутых рук, приподнял одну руку с вожжами.

— Врешь, барин, — прокричал он Николаю.

Николай вскок пустил всех лошадей и перегнал Захара. Лошади засыпали мелким, сухим снегом лицо седоков, рядом с ними звучали частые переборы и пугались

разъезженный — siledaks e. tasa-
seks sõidetud

косою — kõver

волшебный — nõiduslik

сдержать* (буд. -жу́, -жишь) —
tagasi hoidma

обиндевёвший (прич.) — härma-
tunud

чмокнуть* (буд. -ну, -нешь) —
ergutavalt häälitsema (hobusele)

переменялись ноги — jalad sibli-
sid (hobustel)

скачущий (прич.) — kihutav

забирать (-раю, -раешь) (вперед)

— ette jõudma, tõttama

не переменя (деприч.) — muut-
mata

положение — asend

вскок — tuhatnelja

перегнать* (буд. -гоню́, -гонишь)

— mööda jõudma v. kihutama

засыпать (-паю, -паешь) — üle
puistama

перебор — helin (kellade)

пугаться (-ешься, -ется) — siinz
segunema

быстро движущиеся ноги и тени перегоняемой тройки. Свист полозьев по снегу и женские взвизги слышались с разных сторон.

Опять остановив лошадей, Николай оглянулся кругом себя. Кругом была всё та же пропитанная насквозь лунным светом волшебная равнина с рассыпанными по ней звёздами.

„Захар кричит, чтобы я взял налево; а зачем налево? — думал Николай. — Разве мы к Мелюковым едем, разве это Мелюковка? Мы бог знает где едем, и бог знает, что с нами делается, — и очень странно и хорошо то, что с нами делается“. Он оглянулся в сани.

— Посмотри, у него и усы, и ресницы, всё белое, — сказал один из сидевших странных, хорошеньких и чужих людей с тонкими усами и бровями.

„Этот, кажется, была Наташа, подумал Николай, а это m-me Schoss; а может быть и нет, а этот черкёс с усами не знаю — кто, но я люблю её“.

— Не холодно ли вам? — спросил он.

Они не отвечали и засмеялись. Диммлер из задних саней что-то кричал, вероятно смешное, но нельзя было расслышать, что он кричал.

— Да, да, — смеясь отвечали голоса.

Однако вот какой-то волшебный лес с переливающимися чёрными тенями и блёстками алмазов и с какой-то анфиладой мраморных ступеней, и какие-то серебряные

движущийся (прич.) — liikuv
перегоняемый (прич.) — mööda-
sõidetav
пропитанный (прич.) — immuta-
tud
насквозь — läbi
рассыпанный (прич.) — laiali
puistatud

ресницы (мн. ч.) — ripsmed
переливающийся (прич.) — helk-
lev, sillerdav
блёстки (мн. ч.) — helgid
алмаз — teemant
анфилада — joonsirgelt asetatud
esemete reastik

крыши волшебных зданий, и пронзительный визг каких-то зверей. „А ежели и в самом деле это Мелюковка, то ещё страннее то, что мы ехали бог знает где, и приехали в Мелюковку“, думал Николай.

Действительно, это была Мелюковка, и на подъезд выбежали девки и лакеи со свечами и радостными лицами.

— Кто такой? — спрашивали с подъезда.

— Графские наряженные, по лошадям вижу, — отвечали голоса.

ТОМ ТРЕТИЙ.

Часть первая.

II.

29 мая Наполеон выехал из Дрездена, где он пробыл три недели, окружённый двором, составленным из принцев, герцогов, королей и даже одного императора. Наполеон перед отъездом обласкал принцев, королей и императора, которые того заслуживали, побранил королей и принцев, которыми он был недоволен, одарил своими собственными, т. е. взятыми у других королей, жемчугами и бриллиантами императрицу австрийскую и, нежно обняв императрицу Марию-Луизу, как говорит его историк, оставил её огорчённою разлúкой, которую она — эта Мария-Луиза, считавшаяся его супругой, несмотря на то, что в Париже оставалась другая супруга — казалось, не в силах была перенести. Несмотря на то, что дипломаты

пронзительный — läbilõikav
обласкать* (буд. -каю, -каешь) —
hellasti v. sõbralikult kohtlema
побранить* (буд. -ню, -нишь) —
tõrelema
одарить* (буд. -рю, -ришь) — kin-
kima

огорчённый (прич.) — kurvastatud
разлúка — lahkumine, eemalolu,
lahusolek
считавшийся (прич.) — keda peeti
не в силах была перенести —
polnud suuteline taluma, üle elama

ещё твёрдо верили в возможность мира и усердно работали с этой целью, несмотря на то, что император Наполеон сам писал письмо императору Александру, называл его *Monsieur mon frère*¹ и искренно уверяя, что он не желает войны и что всегда будет любить и уважать его, — он ехал к армии и отдавал на каждой станции новые приказания, имевшие целью торопить движение армии от запада к востоку. Он ехал в дорожной карете, запряжённой шестериком, окружённый пажамы, адъютантами и конвём, по тракту на Позен, Торн, Данциг и Кенигсберг. В каждом из этих городов тысячи людей с трепетом и восторгом встречали его.

Армия подвигалась с запада на восток, и переменные шестерни несли его туда же. 10 июня он догнал и ночевал в Вильковисском лесу, в приготовленной для него квартире, в имении польского графа.

На другой день Наполеон, обогнав армию, в коляске подъехал к Неману и с тем, чтобы осмотреть местность переправы, переделался в польский мундир и выехал на берег.

Увидав на той стороне *les cosaques*² и расстилавшиеся степи (*les steppes*), в середине которых была *Moscou, la ville sainte*³, столица того, подобного скифскому, госу-

¹ Государь-брат мой.

² Казаков.

³ Священный город Москва.

усердно — *usinasti*
уверяя (*дееприч.*) — *kinnitades*
имевший (*прич.*) — *mis omas*
шестериком — *kuue hobusega*
конвёй — *saatekomando*
трепет — *värin*

переменный (*прич.*) — *vahetatav*
шестерня — *sin: kuus hobust*
переправа — *üleminekukoht (jõel)*
расстилавшийся (*прич.*) — *laiuv*
подобный — *sarnane*
скифский — *sküüdi-*

дарства, куда ходил Александр Македонский, — Наполеон, неожиданно для всех и противно как стратегическим, так и дипломатическим соображениям, приказал наступление, и на другой день войска его стали переходить Неман.

12-го числа рано утром он вышел из палатки, раскинутой в этот день на крутом левом берегу Немана, и смотрел в зрительную трубу на выплывающие из Вильковисского леса потоки своих войск, разливающихся по трём мостам, наведённым на Немане. Войска знали о присутствии императора, искали его глазами, и когда находили на горе перед палаткой отделившуюся от свиты фигуру в сюртуке и шляпе, они кидали вверх шапки и кричали: „Vive l'Empereur!“¹ и одни за другими, не истощаясь, вытекали, всё вытекали из огромного скрывавшего их доселе леса и, расстроясь по трём мостам, переходили на ту сторону.

— On fera du chemin cette fois-ci. Oh! quand il s'en mêle lui même, ça chauffe... Nom... de Dieu... Le voilà! Vive l'Empereur!.. Les voilà donc les steppes de l'Asie! Vilain pays tout de même. — A revoir, Beauché; je te réserve le plus beau palais de Moscou. — A revoir! Bonne

¹ Да здравствует император!

противно — *siin*: vastu
соображение — *kaalutlus*
раскинутая палатка — *üleslöödud telk*
крутой — *järsk*
зрительная труба — *pikksilm*
выплывающий (*прим.*) — *välja ujuv, siin*: nähtavale ilmuv (*vool*)
разливающийся (*прим.*) — *laiali valguv*

наведённый мост — *ajutine sild jüst üleminekuks*
отделившийся (*прим.*) — *eraldunud сюртук — kuub*
не истощаясь (*дееприм.*) — *ammen-damatult*
вытекать (-каю, -каешь) — *välja voolama*
скрывавший (*прим.*) — *mis varjas*
доселе — (*народн.*) — *seni*
расстроясь (*дееприм.*) — *hargnedes*

chance... — L'as-tu vu, l'Empereur? Vive l'Empereur! ... preur! Si on me fait gouverneur aux Indes, Gérard, je te fais ministre du Cachemire, c'est arrêté. — Vive l'Empereur! Vive! vive! vive! Les gredins de cosaques, comme ils filent. Vive l'Empereur! Le voilà! Le vois-tu? Je l'ai vu deux fois comme je te vois. Le petit caporal... Je l'ai vu donner la croix à l'un des vieux... — Vive l'Empereur!..¹ —

говорили голоса старых и молодых людей, самых разнообразных характеров и положений в обществе. На всех лицах этих людей было одно общее выражение радости о начале давно ожидаемого похода и восторга и преданности к человеку в сером сюртуке, стоявшему на горе.

13 июня Наполеону подали небольшую, чистокрѳвную арабскую лошадь, и он сел и поехал галѳпом к одному из мостов через Неман, непрестанно оглушаемый восторженными криками, которые он, очевидно, переносил только потому, что нельзя было запретить им криками этими

---

¹ Теперь будет нам поход! О, когда он сам возьмѳтся, дело загорится. Клянусь богом! Вот он! Ура! Император! — Так вот они — азиатские степи. А ведь скверный край! До свидания, Боше: я тебе припасу самый красивый дворец в Москве. До свидания! Всего хорошего... Видел ты государя? Да здравствует император! Если меня сделают губернатором в Индии, Жерар, я тебя сделаю министром Кашемира, это решено... Да здравствует император! Ура! Ура! Ура! Подлецы казаки, как удирают. Да здравствует император! Вот он! Видишь? Я его два раза видел, как тебя вижу. Маленький капрал... я видел, как он дал крест одному из стариков. Да здравствует император!

преданность — ustavus
галѳпом — nelja
непрестанно — lakkamatult
оглушаемый (прич.) — kurdiks v.
uimaseks tehtav

клянусь богом — jumala eest, van-
nun jumala nimel
скверный — vastik
край — maa
припасть* (буд. -пасу, -пасешь) —
varuma, hankima, muretsema

выражать свою любовь к нему; но крики эти, сопѣтствующие ему везде, тяготѣли его и отвлекали его от военной заботы, охватившей его с того времени, как он присоединился к войску. Он проехал по одному из качавшихся на лодках мостов на ту сторону, круто повернул влево и галопом поехал по направлению к Ковно, предшествуемый замиравшими от счастья, восторженными гвардейскими конными егерями, которые, расчищая дорогу по войскам, скакали впереди его. Подъехав к широкой реке Вилии, он остановился подле польского уланского полка, стоявшего на берегу.

— Виват! — также восторженно кричали поляки, расстрѣвая фронт и давя друг друга для того, чтобы увидеть его. Наполеон осмотрел реку, слез с лошади и сел на бревно, лежавшее на берегу. По бессловесному знаку ему подали трубу, он положил её на спину подбежавшего счастливого пажу, и стал смотреть на ту сторону. Потом он углубился в рассматривание листа карты, разлѣженного между бревнами. Не поднимая головы, он сказал что-то, и двое его адъютантов поскакали к польским уланам.

— Что? Что он сказал? — слышалось в рядах польских улан, когда один адъютант подскочил к ним.

сопѣтствующий (*прич.*) — saatev
 тяготѣть (-гощѣ, -готѣшь) — koor-
 mata
 отвлекать (-каю, -каешь) — eemale
 juhtima, segama
 охвативший (*прич.*) — haarav
 круто — järsult
 предшествуемый (*прич.*) — „eelkäi-
 dav“, eelkäijatest saadetav, kait-
 sesalga järel sõitev

егерь — ratsajääger
 расчищая (*дееприч.*) — puhastades
 расстрѣвая (*дееприч.*) — rivi kor-
 ratusse ajades
 бревно — palk
 бессловесный — sõnatu
 знак — märguanne
 углубиться* (*буд.* -блюсь, -бишься)
 — süvenema
 рассматривание — vaatlemine

Было приказано, отыскав брод, перейти на ту сторону. Польский уланский полковник, красивый старый человек, раскрасневшись и путаясь в словах от волнения, спросил у адъютанта, позволено ли ему будет переплыть с своими уланами реку, не отыскивая брода. Он с очевидным страхом за отказ, как мальчик, который просит позволения сесть на лошадь, просил, чтобы ему позволили переплыть реку в глазах императора. Адъютант сказал, что, вероятно, император не будет недоволен этим излишним усердием.

Как только адъютант сказал это, старый усатый офицер с счастливым лицом и блестящими глазами, подняв кверху саблю, прокричал: „виват!“ и скомандовал уланам идти за собой, дал шпоры лошади и подскочил к реке. Он злобно толкнул замывшуюся под собой лошадь и бхнулся в воду, направляясь в глубь к быстрине течения. Сотни уланов поскакали за ним. Было холодно и жутко на середине и на быстрине течения. Уланы цеплялись друг за друга, сваливались с лошадей. Лошади некоторые тонули, тонули и люди, остальные старались плыть, кто на седле, кто держась за гриву. Они старались плыть

отыскав (деетрич.) — üles otsinud
 брод — koolmekoht
 позволено ли — kas on lubatud
 переплыть* (буд. -ыву́, -ывёшь) —
 üle ujuma
 очевидный — ilmne
 отказ — keeldumine, mittelubamine
 усердие — püüdlikkus
 злобно — tagedalt
 замывшийся (притч.) — tõrkuma
 löönud

бхнуться* (буд. -нусь, -нешься)
 — sumatama, prantsatades kukkuma
 глубь (ж. р.) — sügavus, süvik
 быстрина — kiire vool, (jõe) kärestik
 цепляться (-ляюсь, -ляешься) —
 (millestki) kinni hakkama v. haarama, klammerduma
 сваливаться (-ваюсь, -ваешься) —
 maha kukkuma v. langema
 седло — sadul
 грива — lakk

вперёд на ту сторону и, несмотря на то, что за полверсты была переправа, гордились тем, что они плывут и тонут в этой реке под взглядами человека, сидевшего на бревне и даже не смотревшего на то, что они делали. Когда вернувшийся адъютант, выбрав удобную минуту, позволил себе обратить внимание императора на преданность поляков к его особе, маленький человек в сером сюртуке встал и, подзвывая к себе Бертье¹, стал ходить с ним взад и вперёд по берегу, отдавая ему приказания и изредка недовольно взглядывая на тонувших улан, развлекаявших его внимание.

Для него было не ново убеждение в том, что присутствие его на всех концах мира, от Африки до степей Московии, одинаково поражает и повергает людей в безумие самозабвения. Он велел подать себе лошадь и поехал в свою стоянку.

Человек 40 улан потонуло в реке, несмотря на высланные на помощь лодки. Большинство прибилося назад к этому берегу. Полковник и несколько человек переплыли реку и с трудом вылезли на тот берег. Но как только они вылезли в обмókнувшем со стекающими ручь-

---

¹ Бертье (1753—1815) — маршал при Наполеоне. В 1812—1814 гг. начальник генерального штаба.

удобный — sobiv
 особа — isik
 подзвывая (дееприч.) — kutsunud
 enda juurde
 развлекавший (прич.) — kellegi
 meelt lahutanud, lõbustanud
 повергать (-гаю, -гаешь) — pais-
 kama, tõukama
 безумие — meeletus

самозабвение — eneseunustus
 стоянка — peatuskoht
 высланный (прич.) — väljasaade-
 tud
 прибиться* (буд. -бьюсь, -бьёшься)
 — uhtuma, kaldale (olema tõuga-
 tud)
 обмókнувший (прич.) — läbimärg
 со стекающими ручьями платье —
 veest nõretavais riietes

ями платье, они закричали: „Виват!“ восторженно глядя на то место, где стоял Наполеон, но где его уже не было, и в ту минуту считали себя счастливыми.

Ввечеру Наполеон между двумя распоряжениями — одно в том, чтобы как можно скорее доставить заготовленные фальшивые русские ассигнации для ввоза в Россию, и другое о том, чтобы расстрелять саксонца, в перехваченном письме которого найдены сведения о распоряжениях по французской армии — сделал третье распоряжение о причислении бросившегося без нужды в реку польского полковника к когорте чести (légion d'honneur), которой Наполеон был сам главою.

Quos vult perdere — dementat¹.

III.

Русский император между тем более месяца уже жил в Вильне, делая смотры и маневры. Ничто не было готово для войны, которой все ожидали, и для приготовления к которой император приехал из Петербурга. Общего плана действий не было. Колебания о том, какой план из всех тех, которые предлагались, должен быть принят, ещё более усилились после месячного пребывания императора

¹ Кого хочет погубить — лишит разума.

ввечеру — õhtul
заготовленный (прич.) — valmis-
tehtud
ассигнация — rabeerraaha
ввоз — sissevedu
саксонец — saksilane
перехваченный (прич.) — kinni
püütud

причисление — juurde, hulka ar-
vama; määrama (sõjaväeossa)
нужда — vajadus
когорта чести — au-kohort
колебание — kõhklus
предлагаться (-гаешься, -гаётся)
— esitama, pakkuma
пребывание — viibimine

в главной квартире. В трёх армиях был в каждой отдельный главнокомандующий, но общего начальника над всеми армиями не было, и император не принимал на себя этого звания.

Чем дольше жил император в Вильне, тем менее готовились к войне, уставши ожидать её. Все стремления людей, окружавших государя, казалось, были направлены только на то, чтобы заставлять государя, приятно проводить время, забыть о предстоящей войне.

После многих балов и праздников у польских магнатов, у придворных и у самого государя, в июне месяце одному из польских генерал-адъютантов государя пришла мысль дать обед и бал государю от лица его генерал-адъютантов. Мысль эта радостно была принята всеми. Государь изъявил согласие. Генерал-адъютанты собрали по подписке деньги. Особа, которая наиболее могла быть приятна государю, — была приглашена быть хозяйкой бала. Граф Бенигсен, помещик Виленской губернии, предложил свой загородный дом для этого праздника, и 13 июня был назначен бал, обед, катанье на лодках и фейерверк в Закрете, загородном доме графа Бенигсена.

В тот самый день, в который Наполеоном был отдан приказ о переходе через Неман, и передовые войска его, отеснив казаков, перешли через русскую границу, Александр проводил вечер на даче Бенигсена — на бале, даваемом генерал-адъютантами.

Был весёлый, блестящий праздник; знатоки дела го-

звание — tiitel, auaste; *siin*: kohustus, ülesanne
уставши (*десприч.*) — väsinud
стремление — püüe
заставлять (-ляю, -ляешь) — sun-
dima

изъявить* (*буд.* -влю, -вишь) —
avaldama
согласие — nõusolek
по подписке — korjanduslehega
отеснив (*десприч.*) — tagasi tõrju-
nud
знатоки дела — asjatundjad

ворили, что редко собиралось в одном месте столько красавиц. Графиня Безухова в числе других русских дам, приехавших за государем из Петербурга в Вильну, была на этом бале, затемняя своей тяжёлой, так называемой русской красотой утонченных польских дам. Она была замечена, и государь удостоил её танца.

Борис Друбецкой, *en garçon*¹, как он говорил, оставив свою жену в Москве, был также на этом бале и, хотя не генерал-адъютант, был участником на большую сумму в подписке для бала. Борис теперь был богатый человек, далеко ушедший в почестях, уже не искавший покровительства, но на ровной ноге стоявший с высшими из своих сверстников. [Он встретил Элен в Вильне, не видав её давно, и не помнил о прежнем; но так как Элен пользовалась милостями очень важного лица, а Борис недавно был женат, то они сошлись старыми, добрыми друзьями.]

В 12 часов ночи ещё танцевали. Элен, не имевшая достойного кавалера, сама предложила мазурку Борису. Они сидели в третьей паре. Борис, хладнокровно поглядывая на блестящие, обнажённые плечи Элен, выступавшие из тёмного газового с золотом платья, рассказывал про старых знакомых, и вместе с тем, незаметно для самого себя и для других, ни на секунду не переставал

¹. Холостяком.

затемняя (*дееприч.*) — varjates,
varju jättes
утонченный — peen, rafineeritud
удостоить* (*буд.* -тою, -тоишь) —
austama
участник — osavõtja
ушедший — (*прич.*) — läinud
почетъ (*ж. р.*) — austus

искавший (*прич.*) — kes otsis
покровительство — eestkostmine
сверстник — vanusekaaslane,
samaealine
достойный — väärikas
хладнокровно — külmavereliselt
выступавший (*прич.*) — välja
paistma, välja ulatuma

наблю́датель государя, находившегося в той же зале. Государь не танцевал; он стоял в дверях и останавливал то тех, то других теми ласковыми словами, которые он один только умел говорить.

При начале мазурки, Борис видел, что генерал-адъютант Балашёв, одно из ближайших лиц к государю, подошёл к нему и непривёрно остановился близко от государя, говорившего с польской дамой. Поговорив с дамой, государь взглянул вопросительно и, видно поняв, что Балашёв поступил так только потому, что на это были важные причины, слегка кивнул даме и обратился к Балашёву. Только что Балашёв начал говорить, как удивление выразилось на лице государя. Он взял под руку Балашёва и пошёл с ним через залу, бессознательно для себя расчищая с обеих сторон сажени на три широкую дорогу сторонившихся перед ним. Борис заметил взволнованное лицо Аракчеева, который, исподлбья глядя на государя и посапывая красным носом, выдвинулся из толпы, как бы ожидая, что государь обратится к нему. (Борис понял, что Аракчеев завидует Балашёву и недоволен тем, что какая-то, очевидно, важная, новость не через него передана государю.)

Но государь с Балашёвым прошли, не замечая Аракчеева, через выходную дверь, в освещённый сад. Аракчеев,

наблю́датель (-д́аю, -д́аешь) — jál-gima

находи́вшийся (*прим.*) — kes viibis

непривёрно — mitte-õukondlaslikult

причина — põhjus

слегка́ — kergelt

бессознательно — *siin*: teadmata, tahtmata

са́жень (сажéнь) (*ж. р.*) — süld
сторонившийся (*прим.*) — kes kõrvale taandus

взволнованный (*прим.*) — erutatud
исподлбья — altkulmu

поса́пывая (*деприм.*) — nohistades
выдвинуться* (*буд. -нусь, -нешься*)

— end esile nihutama

придѣрживая шпáгу и злобно оглѣдываясь вокруг себя, пришёл шагахъ в двадцати за ними.

Пока Борис продолжалъ делать фигуры мазурки, его не переставала мучить мысль о том, какую новость привѣзъ Балашёв и какимъ бы образомъ узнать её прежде другихъ.

В фигуре, где ему надо было выбирать дам, шепнулъ Элен, что онъ хочетъ взять графиню Потóцкую, которая, кажется, вышла на балкон, онъ, скользя ногами по паркету, выбежалъ в выходную дверь в сад, и, заметивъ входящего с Балашёвымъ на террасу государя, приостановился. Государь с Балашёвымъ направлялись къ двери. Борис, заторопѣвшись, какъ будто не успевъ отодвинуться, почтительно прижáлся къ прѣтолке и нагну́лъ голову.

Государь с волнѣниемъ лично оскорблённаго человека договáривалъ следующие слова:

— Безъ объявленія войны вступить в Россію! Я помирóсь только тогда, когда ни одного вооружённаго непріятеля не остана́ется на моей землѣ, — сказалъ онъ. Какъ показалось Борису, государю пріятно было высказать эти слова: онъ былъ доволенъ формой выраженія своей мысли, но былъ недоволенъ темъ, что Борис услыхалъ ихъ.

— Чтобъ никто не зналъ! — прибавилъ государь, нахму́рившись.

Борисъ понялъ, что это относилось къ нему, и, закрывъ глаза, слегка наклонилъ голову. Государь опять вошёлъ в залу и ещё около получаса пробылъ на балѣ.

придѣрживая (*дееприч.*) — hoïdes

мучить (-чу, -чишь; -чаю, -чаешь)

(*гайвак.*) — piinama

какимъ бы образомъ — mil kombel

заторопѣвшись (*дееприч.*) — kiirustades

отодвинуться* (*буд.* -нусь, -нешься)

— eemale nihkuma

прѣтолка — uksepiit

оскорблённый (*прич.*) — solvatud

помириться* (*буд.* -рѣсь, -рѣшься)

— leppima

относиться (-сишься, -сится) —

kellegi kohta käima

Борис первый узнал известие о переходе французскими войсками Немана и благодаря этому имел случай показать некоторым важным лицам, что многое, скрытое от других, бывает ему известно, и через то имел случай подняться выше во мнѣнии этих особ.

Неожиданное известие о переходе французами Немана было особенно неожиданно после месяца несбывавшегося ожиданія, и на бале! Государь, в первую минуту получения известия, под влиянием возмущенія и оскорбленія, нашёл то сделавшееся потом знаменитым изреченіе, которое самому понравилось ему и выражало вполне его чувства. Возвратившись домой с бала, государь в два часа ночи послал за секретарём Шишковым и велел написать приказ войскам и рескрипт к фельдмаршалу князю Салтыкову, в котором он непременно требовал, чтобы были помещены слова о том, что он не помѣрится до тех пор, пока хотя один вооружённый француз останется на русской земле.

На другой день было написано следующее письмо к Наполеону:

„Monsieur mon frère. J'ai appris hier que malgré la loyauté avec laquelle j'ai maintenu mes engagements envers Votre Majesté, ses troupes ont franchis les frontières de la Russie, et je reçois à l'instant de Pétersbourg une note par laquelle le comte Lauriston, pour cause de cette agression, annonce que Votre Majesté s'est considérée comme en état de guerre avec moi dès le moment où le prince Kourakine

скрытый — varjatud
мнѣние — arvamus
несбывавшийся (прим.) — täitumata, asjata (ootus)
влияние — mõju
изреченіе — ütetus, mõttetera

рескрипт — reskript (käskkiri; vastuskiri; monarhi tänukirii ühes autasu teatamisega)
помещены (прим.) — paigutatud, asetatud

a fait la demande de ses passeports. Les motifs sur lesquels le duc de Bassano fondait son refus de les lui délivrer, n'auraient jamais pu me faire supposer que cette démarche servirait jamais de prétexte à l'agression. En effet, cet ambassadeur n'y a jamais été autorisé comme il l'a déclaré lui-même, et aussitôt que j'en fus informé, je lui ai fait connaître combien je le désapprouvais en lui donnant l'ordre de rester à son poste. Si Votre Majesté n'est pas intentionnée de verser le sang de nos peuples pour un malentendu de ce genre et qu'elle consente à retirer ses troupes du territoire russe, je regarderai ce qui s'est passé comme non-venu, et un accommodement entre nous sera possible. Dans le cas contraire, Votre Majesté, je me verrai forcé de repousser une attaque que rien n'a provoquée de ma part. Il dépend encore de Votre Majesté d'éviter à l'humanité les calamités d'une nouvelle guerre. Je suis, etc. (signé) Alexandre¹.

---

¹ То есть: государь брат мой! Вчера дошло до меня, что, несмотря на прямоту, с которым соблюдал я мои обязательства в отношении к Вашему Императорскому Величеству, войска Ваши перешли русские границы, и только лишь теперь получил из Петербурга восту, которою граф Лористон извещает меня, по поводу сего вторжения, что Ваше Величество считаете себя в неприятельных отношениях со мною, с того времени, как князь Курáкин потребовал свои паспорта. Причины, на которых герцог Бассано основывал свой отказ выдать свои паспорта, никогда не могли бы заставить меня предполагать, чтобы поступок моего посла послужил поводом к нападению. И в действительности, он не имел на то от меня повеления, как было объявлено им самим; и как только я узнал о сём, то немедленно

сего = этого — selle
 вторжение — sissetung
 неприятельный — vaenulik
 основывать (-ваю, -ваешь) — põh-
 jendama

сий = эти — need
 поступок — tegu
 повод — ettekääne
 повеление — käsik
 о сём = об этом — sellest

IV.

13 июня в 2 часа ночи государь, призвав к себе Балашёва и прочтя ему своё письмо к Наполеону, приказал ему отвезти это письмо и лично передать французскому императору. Отправляя Балашёва, государь вновь повторил ему слова о том, что он не помирится до тех пор, пока останется хотя один вооружённый неприятель на русской земле, и приказал непременно передать эти слова Наполеону. Государь не написал этих слов в письме к

выразил моё неудовольствие князю Куракину, повелёв ему исполнять попрежнему порученные ему обязанности. Ежели Ваше Величество не расположено проливать кровь наших подданных из-за подобного недоразумения и ежели Вы согласны вывести свои войска из русских владений, то я оставлю без внимания всё происшедшее, и соглашение между нами будет возможно. В противном случае я буду принуждён отражать нападение, которое ничем не было возбуждено с моей стороны. Ещё Ваше Величество имеет возможность избавить человечество от бедствий новой войны. Я пребываю и пр.

(Подлинное подписал:) Александр.

прочтя (<i>десприч.</i>) — läbi lugedes	подданный — alam
отправляя (<i>десприч.</i>) — saates	недоразумение — arusaamatus
выразить* (<i>буд.</i> -жу, -зишь) — väljendada	владение — valdusala
неудовольствие — rahulolematus, meelepaha	происшедший (<i>прич.</i>) — juhtunud
повелёв (<i>десприч.</i>) — käskides	соглашение — kokkulepe
исполнять (-няю, -няешь) — täitma	принуждён (<i>прич. кр. ф.</i>) — sunnitud
порученный (<i>прич.</i>) — kellegi hoolde usaldatud v. ülesandeks tehtud	отражать (-жаю, -жаешь) — tagasi lööma
обязанность (<i>ж. р.</i>) — kohustus	возбуждено (<i>прич. кратк. ф.</i>) — välja kutsutud
не расположены (<i>прич. кратк. ф.</i>) — pole kavatsenud, ei poolda	избавить* (<i>буд.</i> -влю, -вишь) — päästma
	бедствие — häda, viletsus

Наполеону, потому что он чувствовал с своим тактом, что слова эти неудобны для передачи в ту минуту, как делается последняя попытка к примирению; но он непременно приказал Балашёву передать их лично Наполеону.

Выехав в ночь с 13-го на 14-е, Балашёв, соупотвужаемый трубачом и двумя казаками, к рассвету приехал в деревню Рыконты на французские аванпосты по сю сторону Немана. Он был остановлен французскими кавалерийскими часовыми.

Французский гусарский унтер-офицер, в малиновом мундире и мохнатой шапке, крикнул на подъезжавшего Балашёва, приказывая ему остановиться. Балашёв не тотчас остановился, а продолжал шагом подвигаться по дороге.

Унтер-офицер, нахмурившись и проворчав какое-то ругательство, надвинулся грудью лошади на Балашёва, взялся за саблю и грубо крикнул на русского генерала, спрашивая его: глух ли он, что не слышит того, что ему говорят. Балашёв назвал себя. Унтер-офицер послал солдата к офицеру.

Не обращая на Балашёва внимания, унтер-офицер стал говорить с товарищами о своём полковом деле и не глядел на русского генерала.

Необычайно странно было Балашёву после той близости к высшей власти и могуществу, после разговора три

неудобны (прим. краткая ф. мн. ч.)

— ebasobivad

попытка — katse

примирение — leppimine

соупотвужаемый (прим.) — keda

saadetakse, saadetav

трубач — pasunapuhuja

аванпост — eelpost

сю = эту

малиновый — vaarikapunane (vär-
vus)

мохнатый — karvane

подъезжавший (прим.) — juurde
sõitnud

подвигаться (-гаюсь, -гаешься) —
edasi liikuma

проворчав (дееприм.) — urisenud

ругательство — vandesõna

надвинуться* (буд. -нись, -нешься)
— trügima; peale suruma

глухой — kurt

могущество — vägevus

часа тому назад с государем и вообще, по своей службе, привыкшему к почестям, видеть тут, на русской земле, это враждебное, а главное — непочтительное отношение к себе грубой силы.

Солнце только начинало подниматься из-за туч; в воздухе было свежо и росисто. По дороге из деревни выгоняли стадо. В полях один за одним, как пузырьки в воде, вспрыскивали с чувьяканьем жаворонок.

Балашёв оглядывался вокруг себя, ожидая приезда офицера из деревни. Русские казаки и трубач и французские гусары молча изредка глядели друг на друга.

Французский гусарский полковник, видимо только что с постели, выехал из деревни на красивой, сытой серой лошади, сопутствуемый двумя гусарами. На офицере, на солдатах и на их лошадях был вид довольства и щегольства.

Это было то первое время кампании, когда войска ещё находились в исправности, почти равной смотровой, мирной деятельности, только с оттенком нарядной воинственности в одежде и с нравственным оттенком того веселья и предприимчивости, которые всегда сопутствуют началам кампаний.

привыкший (*прич.*) — oli harjunud
враждебный — vaenulik
непочтительный — mittelugupidav
росисто — kastene
пузырёк (*р. п.* -ръка) — mullike
вспрыскивать (-ваю, -ваешь) —
üle v. sisse pritsima, siin: prits-
meina õhku tõusma
чувьяканье — siutumine
жаворонок — lõoke
довольство — rahulolu

щегольство — uhkeldus, edevus
в исправности — korras
равный — võrdne
смотровой — üleaatuse-
оттенок — varjund
нарядный — nägusalt rõivastatud,
elegantne
воинственность (*ж. п.*) — sõjakus
предприимчивость (*ж. п.*) — ette-
võtlikkus

Французский полковник с трудом удерживал зевоту, но был учтлив и видимо понимал всё значение Балашёва. Он провёл его мимо своих солдат за цепь и сообщил, что желание его быть представленным императору будет вероятно тотчас же исполнено, так как императорская квартира, сколько он знает, находится недалеко.

Они проехали деревню Рыконты мимо французских гусарских коновязей, часовых и солдат, отдававших честь своему полковнику и с любопытством осматривавших русский мундир, и выехали на другую сторону села. По словам полковника, в двух километрах был начальник дивизии, который примет Балашёва и проводит его по назначению...

VI.

Несмотря на привычку Балашёва к придворной торжественности, роскошь и пышность двора Наполеона поразили его.

Граф Тюрэн ввёл его в большую приёмную, где дождалось много генералов, камергеров и польских магнатов, из которых многих Балашёв видал при дворе русского императора. Дюрёк сказал, что император Наполеон примет русского генерала перед своей прогулкой.

После нескольких минут ожидания дежурный камергер вышел в большую приёмную и, учтиво поклонившись Балашёву, пригласил его идти за собой.

зевота — haigutus

цепь (ж. р.) — ahelik

представленный (прив.) — esitatud

ковязь (ж. р.) — hobuste seisuraik

любопытство — uudishimu

по назначению — määratud kohale

привычка — harjumus

роскошь (ж. р.) — luksus

пышность (ж. р.) — hiilgavus, toredus

приёмная — vastuvõtutuba

Балашёв вошёл в маленькую приёмную, из которой одна дверь вела в кабинет, в тот самый кабинет, из которого управлял его русский император. Балашёв простоял минуты две, ожидая. За дверью послышались поспешные шаги. Быстро отворились обе половинки двери, всё затихло, и из кабинета зазвучали другие, твёрдые, решительные шаги: это был Наполеон. Он только что окончил свой туалет для верховой езды. Он был в синем мундире, раскритом над белым жилетом, спускавшимся на круглый живот, в белых лосинах, обтягивающих жирные ляжки коротких ног, и в ботфортах. Короткие волосы его, очевидно, только что были причёсаны, но одна прядь волос спускалась книзу над серединой широкого лба. Белая, пухлая шея его резко выступала из-за чёрного воротника мундира; от него пахло одеколом. На молодом, полном лице его с выступающим подбородком было выражение милостивого и величественного императорского приветствия.

Он вышел, быстро подрагивая на каждом шагу и откинув несколько назад голову. Вся его потолстевшая, короткая фигура с широкими, толстыми плечами и неволью выставленным вперёд животом и грудью, имела

верховая езда — ratsasõit
 жилет — vest
 спускавшийся (прич.) — laskuv
 лосины (мн. ч.) — põdranahast
 püksid
 обтягивающий (прич.) — pingule
 tõmmatud
 жирный — rasvane
 ляжка — reis
 ботфорты (мн. ч.) — ratsasaarad
 прядь (ж. р.) — juuksesalk
 пухлый — lihav

одеколón — kölnivesi
 молодой — nooruslik
 полный — täidlane
 подбородок — lõug
 приветствие — tervitus
 подрагивая (деприч.) — võpatades
 потолстевший (прич.) — tusedaks
 muutunud
 неволью — tahtmatult
 выставленный (прич.) — välja v.
 ette v. nähtavale seatud

тот представительный, осанистый вид, который имеют в хёле живущие сорокалётные люди. Кроме того, видно было, что он в этот день находился в самом хорошем расположении духа.

Он кивнул головою, отвечая на низкий и почтительный поклон Балашёва, и, подойдя к нему, тотчас же стал говорить, как человек, дорожащий всякой минутой своего времени и не снисходящий до того, чтобы приготавливать свои речи, а увёренный в том, что он всегда скажет хорошо и что нужно сказать.

— Здравствуйте, генерал! — сказал он. — Я получил письмо императора Александра, которое вы доставили, и очень рад вас видеть. — Он взглянул в лицо Балашёва своими большими глазами и тотчас же стал смотреть мимо него.

Очевидно было, что его не интересовала несколько личность Балашёва. Видно было, что только то, что происходило в его душе, имело интерес для него. Всё, что было вне его, не имело для него значёния, потому что всё в мире, как ему казалось, зависело только от его воли.

— Я не желаю и не желал войны, — сказал он, — но меня вынудили к ней. Я и *теперь* (он сказал это слово с ударением) готов принять все объяснёния, которые вы можете дать мне.

И он ясно и коротко стал излагать причины своего неудовольствия против русского правительства. Судя по

представительный — esinduslik
осанистый — rühikas
хол — hästi hoidmine, oma välimuse eest hoolitsemine, hellitamine
в хёле живущий — head elu elav
расположение дýха — meeleolu
дорожащий (*прич.*) — kalliks pidav
снисходящий (*прич.*) — alanduv

очевидно было — oli ilmne
вне — väljaspool
значёние — tähtsus
вынудить* (*буд.* -нужу, -нудишь)
— sundima
ударёние — rõhk
излагать (-гаю, -гаешь) — esitama,
ette kandma

умеренно-спокойному и дружелюбному тону, с которым говорил французский император, Балашёв был твёрдо убеждён, что он желает мира и намерен вступить в переговоры.

— Sire! L'Empereur mon maître...¹ — начал Балашёв давно приготовленную речь, когда Наполеон, окончив свою речь, вопросительно взглянул на русского посла; но взгляд устремлённых на него глаз императора смутил его. „Вы смущены — оправьтесь“, как будто сказал Наполеон, с чуть заметной улыбкой оглядывая мундир и шпагу Балашёва. Балашёв оправился и начал говорить. Он сказал что император Александр не считает достаточной причиной для войны требование паспортов Куракиным, что Куракин поступил так по своему произволу и без согласия на то государя, что император Александр не желает войны и что с Англией нет никаких сношений.

— *Ещё* нет, — вставил Наполеон и, как будто боясь отдаться своему чувству, нахмурился и слегка кивнул головой, давая этим чувствовать Балашёву, что он может продолжать.

Высказав всё, что ему было приказано, Балашёв сказал, что император Александр желает мира, но не приступит к переговорам иначе как с тем условием, чтобы... Тут Балашёв замаялся: он вспомнил те слова, которые император Александр не написал в письме, но которые непременно приказал вставить в рескрипт Салтыкову и

¹ Ваше величество, император, государь мой...

дружелюбный — sõbralik
намерен (*прич. кр. ф.*) — ta kavatses
устремлённый (*прич.*) — suunatud
оправьтесь (*повел. ф.*) — koguge end
достаточный — küllaldane

произвол — omavoli
по своему произволу — omavoliselt
согласие — nõusolek
боясь (*дееприч.*) — kartes
отдаться* (*буд. -даться, -даться*), — anduma

которые приказал Балашёву передать Наполеону. Балашёв помнил про эти слова: „пока ни один вооружённый неприятель не останется на земле русской“, но какое-то сложное чувство удержало его. Он не мог сказать этих слов, хотя и хотел это сделать. Он замаялся и сказал: „с условием, чтобы французские войска отступили за Неман“.

Наполеон заметил смущение Балашёва при высказывании последних слов: лицо его дрогнуло, левая икра ноги начала мерно дрожать. Не сходя с места, он голосом, более высоким и поспешным, чем прежде, начал говорить. Во время последующей речи Балашёв, не раз опуская глаза, невольно наблюдал дрожанье икры в левой ноге Наполеона, которое тем более усиливалось, чем более он возвышал голос.

— Я желаю мира не менее императора Александра, — начал он. — Не я ли восемнадцать месяцев делаю всё, чтобы получить его? Я восемнадцать месяцев жду объяснений. Но для того, чтобы начать переговоры, чего же требуют от меня? — сказал он, нахмурившись и делая энергически вопросительный жест своей маленькой, белой и пухлой рукой.

— Отступления войск за Неман, государь, — сказал Балашёв.

— За Неман? — повторил Наполеон. — Так теперь вы хотите, чтобы отступили за Неман — только за Неман? — повторил Наполеон прямо взглянув на Балашёва.

сложный — keerukas
замаяться* (буд. замнёшься, замнётся) — mitte söandama, kohmetult vait jääma
дрогнуть* (буд. -ну, -нешь) — värahtama, võpatama

икра — sääremari
последующий — järgnev
усиливаться (-ваешься, -вается) — tugevnema
возвышать (-шаю, -шаешь) — tõstma

Балашёв почтительно наклонил голову.

Вместо требования четыре месяца тому назад отступить из Померании, теперь требовали только отступить за Неман. Наполеон быстро повернулся и стал ходить по комнате.

— Вы говорите, что от меня требуют отступления за Неман для начатия переговоров; но от меня требовали точно так же два месяца тому назад отступления за Одер и Вислу, и, несмотря на то, вы согласны вести переговоры.

Он молча прошёл от одного угла комнаты до другого и опять остановился против Балашёва. Балашёв заметил, что левая нога его дрожала ещё быстрее, чем прежде, и лицо как будто окаменело в своём строгом выражении. Это дрожание левой икры Наполеон знал за собой. „La vibration de mon mollet gauche est un grand signe chez moi“¹, говорил он впоследствии.

— Такие предложения, как то, чтобы очистить Одер и Вислу, можно делать принцу Баденскому, а не мне, — совершенно неожиданно для себя, почти вскрикнул Наполеон. — Ежели бы вы дали мне Петербург и Москву, я бы не принял этих условий. Вы говорите, я начал эту войну! А кто прежде приехал к армии? — император Александр, а не я. И вы предлагаете мне переговоры тогда, как я издержал миллионы, тогда, как вы в союзе с Англией, и когда ваше положение дурно, вы предла-

---

¹ Дрожание левой икры у меня — великий признак.

окаменеть* (буд. -нею, -неешь) —
kivinema
признак — tundemärk
впоследствии — hiljem

предложение — ettepanek
издержать* (буд. -жү, -жишь) —
raiskama, kulutama
дурно — halb

гаете мне переговоры. А какая цель вашего союза с Англией? Что она дала вам? — говорил он поспешно, очевидно уже направляя свою речь не к тому, чтобы высказать выгоды заключения мира и обсудить его возможность, а только для того, чтобы доказать и свою правоту, и свою силу, и чтобы доказать неправоту и ошибки Александра.

Вступление его речи было сделано очевидно, с целью высказать выгоду своего положения и показать, что несмотря на то, он принимает открытие переговоров. Но он уже начал говорить, и чем больше он говорил, тем менее он был в состоянии управлять своею речью.

Вся цель его речи теперь уже, очевидно, была в том, чтобы только возвысить себя и оскорбить Александра, то-есть именно сделать то самое, чего он менее всего хотел при начале свидания.

— Говорят, вы заключили мир с турками?

Балашёв утвердительно склонил голову.

— Мир заключён... начал он.

Но Наполеон не дал ему говорить. Ему, видно, нужно было говорить одному самому, и он продолжал говорить с тем красноречием и невоздержанием раздражённости, к которому так склонны балованные люди.

выгода — kasu
 заключение мира — rahu sõlmi-
 mine
 обсудить* (буд. -ужу, -удишь) —
 arutama
 доказать* (буд. -жу, -жешь) — tões-
 tama
 правота — õigus
 вступление — sissejuhatus
 в состоянии — suuteline

управлять (-ляю, -ляешь) — juh-
 tima
 возвысить* (буд. -шу, -сишь) —
 ülendama
 красноречие — kõneosavus, ilukõne
 невоздержание — ohjeldamatus
 раздражённость (ж. р.) — ärritus
 склонный (прич.) — kalduv
 балованный (прич.) — hellitatud

— Да, я знаю, вы заключили мир с турками, не получив Молдавии и Валахии. А я бы дал вашему государю эти провинции так же, как я дал ему Финляндию. Да, — продолжал он, — я обещал и дал бы императору Александру Молдавию и Валахию, а теперь он не будет иметь этих прекрасных провинций. Он бы мог, однако, присоединить их к своей империи, и в одно царствование он бы расширил Россию от Ботнического залива до устьев Дуная. Екатерина Великая не могла бы сделать более, — говорил Наполеон, всё более и более разгораясь, ходя по комнате и повторяя Балашёву почти те же слова, которые он говорил самому Александру в Тильзите. — *Tout cela il l'aurait dû à mon amitié. Ah! quel beau règne, quel beau règne!*¹ — повторил он несколько раз, остановился, достал золотую табакёрку из кармана и жадно потянул из неё носом.

— *Quel beau règne aurait pu être celui de l'empereur Alexandre!*²

Он с сожалением взглянул на Балашёва, и только что Балашёв хотел заметить что-то, как он опять поспешно перебил его.

— Чего он мог желать и искать такого, чего бы он не нашёл в моей дружбе?.. — сказал он, с недоумением пожимая плечами. — Нет, он нашёл лучшим окружить себя моими врагами, и кем же? — продолжал Напо-

---

¹ Всем этим он был бы обязан моей дружбе. О! какое прекрасное было бы царствование.

² Как прекрасно могло бы быть царствование Александра.

леон. — Он призвал к себе Штейнов¹, Армфельдов², Бенигсенов³, Винценгероде⁴, Штейн, — прогнанный из своего отечества изменник, Армфельд — развратник и интриган, Винценгероде — беглый подданный Франции, Бенигсен — несколько более военный, чем другие, но всё-таки неспособный, который ничего не умел сделать в 1807 году, и который бы должен был возбуждать в императоре Александре ужасные воспоминания... Положим, ежели бы они были способны, можно бы их употреблять, — продолжал Наполеон, едва успевая словом поспевать за беспрестанно возникающими соображениями, показывающими ему его правоту или силу (что в его понятии было одно и то же), — но и того нет: они не годятся ни для войны, ни для мира! Барклай, говорят, дельнее их всех; но я этого не скажу, судя по его пер-

¹ Штейн (1757—1831) — прусский государственный деятель, которого Наполеон ненавидел.

² Армфельд (1757—1814) — финляндский дворянин шведской службы, перешедший с 1811 года на службу к русскому правительству.

³ Бенигсен (1745—1826) — немецкий граф, перешедший на русскую службу в 1773 году. В 1807 году генерал Бенигсен был главнокомандующим русских войск. Участвовал на войне 1812 года.

⁴ Винценгероде (1770—1818) — кавалерийский генерал, с 1790 года перешедший на русскую службу. В 1812 году участвовал в войне против Наполеона.

прогнанный (прич.) — väljaetud	способный — andekas
изменник — reetur	употреблять (-ляю, -ляешь) — kasu-
беглый — jooksik	tama
неспособный — andetu	возникающий (прич.) — tekki
возбуждать (-даю, -даешь) — ära-	соображение — kaalutus
tama, erutama	
положим — oletame	

вым движениям. А они что делают, что делают все эти придворные? Пфуль предлагает, Армфельд спорит, Бенигсен рассматривает, а Барклай, призванный действовать, не знает, на что решиться, и время проходит, ничего не принося. Один Багратион — военный человек. Он глуп, но у него есть опытность, глазомёр и решительность... И что за роль играет ваш молодой государь в этой безобразной толпе? Они его компрометируют и на него сваливают ответственность всего совершающегося. Un souverain ne doit être à l'armée que quand il est général¹, — сказал он, очевидно посылая эти слова прямо как вызов в лицо государя. Наполеон знал, как желал император Александр быть полководцем.

— Уже неделя как началась кампания, и вы не сумели защитить Вильну. Вы разрезаны на-двое и прогнаны из польских провинций. Ваша армия ропщет.

— Напротив, ваше величество, — сказал Балашёв, едва успевавший напоминать то, что говорилось ему, и с трудом следовавший за этим фейерверком слов, — войска горят желанием...

— Я всё знаю, — перебил его Наполеон, — я всё знаю, и знаю число ваших батальонов так же верно, как и

---

¹ Государь должен находиться при армии только тогда, когда он полководец.

опытность (ж. р.) — vilumus, kogemused

безобразный — inetu

сваливать (-ваю, -ваешь) — teise kaela ajama e. teise peale veeretama

совершающийся (прим.) — toimuv
вызов — väljakutse

разрезанный (прим.) — pooleks lõigatud

роптать (ропщю, ропщешь) — nuri-sema

успевавший (прим.) — kes jõudis
напоминать (-наю, -наешь) — meeles pidama

следовавший (прим.) — kes jälgis
фейерверк — ilutulestik

моих. У вас нет 200 тысяч войск, а у меня втрое больше, даю вам честное слово, — сказал Наполеон, забывая, что это его честное слово никак не могло иметь значения, — даю вам *ma parole d'honneur que j'ai cinq cent trente mille hommes de ce côté de la Vistule*¹. Турки вам не помощь; они никуда не годятся и доказали это, замирившись с вами. Шведы — их предопределение быть управляемым сумасшедшими королями. Их король был безумный; они переменили его и взяли другого — Бернадота, который тотчас же сошёл с ума, потому что сумасшедший только, будучи шведом, может заключать союзы с Россией. — Наполеон злобно усмехнулся и опять поднёс к носу табакёрку.

На каждую из фраз Наполеона Балашёв хотел и имел что возражать; беспрестанно он делал движение человека, желавшего сказать что-то, но Наполеон перебивал его. Против безумия шведов Балашёв хотел сказать, что Швеция есть остров, когда Россия за неё; но Наполеон сердито вскрикнул, чтобы заглушить его голос. Наполеон находился в том состоянии раздражения, в котором нужно говорить, говорить и говорить, только для того, чтобы самому себе доказать свою справедливость. Балашёву становилось тяжело: он, как посол, боялся уронить своё достоинство и чувствовал необходимость возражать; но, как человек, он сжмался нравственно перед забытьём

¹ Честное слово, что у меня по сю сторону Вислы 530 тысяч человек.

замирившись (*деприч.*) — leppinud
 швед — rootslane
 предопределение — saatus
 управляемый (*прим.*) — valitsetav,
 juhitar
 раздражение — ärritus

справедливость (*ж. р.*) — õiglus
 уронить* (*буд.* -нй, -нишь) —
 kukutama, kaotama
 достоинство — väärikus
 забытьё — teadvusetus, uim

беспричинного гнева, в котором, очевидно, находился Наполеон. Он знал, что все слова, сказанные теперь Наполеоном, не имеют значения, что он сам, когда опомнится, устыдится их. Балашёв стоял, опустив глаза, глядя на движущиеся толстые ноги Наполеона, и старался избегать его взгляда.

— Да что мне эти ваши союзники? — говорил Наполеон. — У меня союзники — это поляки: их 80 тысяч, они дерутся, как львы. И их будет 200 тысяч.

И, вероятно, ещё более возмущившись тем, что, сказав это, он сказал очевидную неправду и что Балашёв в той же покорной своей судьбе позе молча стоял перед ним, он круто повернулся назад, подошёл к самому лицу Балашёва и, делая энергические и быстрые жесты своими белыми руками, закричал почти:

— Знайте, что ежели вы поколёблете Пруссию против меня, знайте, что я сотру её с карты Европы, — сказал он с бледным, искажённым злобой лицом, энергическим жестом одной маленькой руки ударяя по другой. — Да, я заброшу вас за Двину, за Днепр и восстановлю против вас ту преграду, которую Европа была преступна и слепая, что позволила разрушить. Да, вот что с вами будет, вот что вы выиграли, удалившись от меня, — сказал он и молча прошёл несколько раз по комнате, вздрагивая своими толстыми плечами. Он положил в жилётный кар-

беспричинный — рõhjusetu

гнев — viha, raev

устыдиться * (буд. -жусь, -дишься)

— häbenema

движущийся (прич.) — liikuv

лев (мн. ч. львы) — lõvi

возмущившись (деприч.) — paha-
pedes

поколебать * (буд. -лёблю, -лёблешь)

— kõigutama, vapustama

стереть* (буд. сотру, сотрёшь) —
kustutama

забросить* (буд. -брошу, -бросяшь)

— paiskama

преграда — tõke

преступный — kuritegelik

удалившись (деприч.) — eemal-
dudes

ман табакерку, опять вынул её, несколько раз приставлял её к носу и остановился против Балашёва. Он помолчал, поглядел насмѣшливо прямо в глаза Балашёву и сказал тихим голосом: — Et cependant quel beau règne aurait pu avoir votre maître ¹.

Балашёв, чувствуя необходимость возражать, сказал, что со стороны России дела не представляются в таком мрачном виде. Наполеон молчал, продолжая насмѣшливо глядеть на него и очевидно его не слушая. Балашёв сказал, что в России ожидают от войны всего хорошего. Наполеон снисходительно кивнул головой, как бы говоря: „Знаю, так говорить ваша обязанность, но вы сами в это не верите, вы убеждены мною“.

В конце речи Балашёва Наполеон вынул опять табакерку, понюхал из неё, и, как сигнал, стукнул два раза ногой по полу. Дверь отворилась; почтительно изгибающийся камергер подал императору шляпу и перчатки, другой подал носовой платок. Наполеон, не глядя на них, обратился к Балашёву:

— Увѣрьте от моего имени императора Александра, — сказал он, взяв шляпу, — что я ему прѣдан попрежнему: я знаю его совершенно и весьма высоко ценю его высокие качества. Je ne vous retiens plus, général, vous recevrez ma lettre à l'Empereur ².

---

¹ А между тем, что за прекрасное царствование *moi* бы иметь ваш государь.

² Я вас более не задерживаю, генерал, вы получите моё письмо к императору.

снисходительно	—	üleolevalt-armulikult, vastutulelikult	изгибающийся (<i>прич.</i>)	—	lookavajuv
стукнуть*	(буд. -ну -нешь)	—	увѣрьте (<i>новел.</i>)	—	kinnitage, veenge
koputama, lööma			прѣдан (<i>прич. крат. ф.</i>)	—	ustav

И Наполеон пошёл быстро к двери. Из приёмной всё бросилось вперёд и вниз по лестнице.

Часть вторая.

XXXIII.

Главное действие Бородинского сражения произошло на пространстве 1000 сажен между Бородиным и флешами¹ Багратиона. (Вне этого пространства с одной стороны была сделана русскими в половине дня демонстрация кавалерией Уварова, с другой стороны за Утицей было столкновение Понятовского с Тучковым; но это были два отдельные и слабые действия в сравнении с тем, что происходило в середине поля сражения.) На поле между Бородиным и флешами, у леса, на открытом и видном с обеих сторон протяжении, произошло главное действие сражения, самым простым, бесхитростным образом.

Сражение началось канонадой с [обеих сторон из нескольких сотен орудий.

Потом, когда дым застилал всё поле, в этом дыму двинулись (со стороны французов) справа две дивизии Дессе и Компана на флешу, и слева полки вице-короля — на Бородино.

От Шевардинского редута, на котором стоял Наполеон, флешу находились на расстоянии версты, а Бородино более чем в двух верстах расстояния по прямой линии, и потому Наполеон не мог видеть того, что происходило

---

¹ *Флешь* — полевое укрепление: две стороны его образуют тупой исходящий угол.

произойти* (буд. -зойдешь, -зой-
дёт) — toimuma

пространство — ala

флешь — kindlustus

столкновение — kokkupõrge

протяжение — ulatus, ala

бесхитростный — lihtne

застлать* (буд. -стелю -стелешь)

— katma

там, тем более, что дым, сливаясь с туманом, скрывал всю мѣстность. Солдаты дивизии Дессе, направленные на флешы, были видны только до тех пор, пока они не спустились под овраг, отделявший их от флеш. Как скоро они спустились в овраг, дым выстрелов орудійных и ружейных на флешах стал так густ, что застлал весь подъѣм той стороны оврага. Сквозь дым мелькало там что-то чѣрное, вероятно люди, и иногда блеск штыков. Но двигались ли они или стояли, были ли это французы или русские, нельзя было видеть с Шевардинского редута.

Солнце взошло светло и било косыми лучами прямо в лицо Наполеона, смотревшего из-под руки на флешы. Дым стлался перед флешами, и то казалось, что дым двигался, то казалось, что войска двигались. Слышны были иногда из-за выстрелов крики людей, но нельзя было знать, что они там делали.

Наполеон, стоя на кургане, смотрел в трубу, и в маленький круг трубѣ он видел дым и людей, иногда своих, иногда русских; но где было то, что он видел, он не знал, когда смотрел опять простым глазом.

Он сошел с кургана и стал взад и вперед ходить перед ним.

Изредка он останавливался, прислушивался к выстрелам и вглядывался в поле сражения.

Не только с того места внизу, где он стоял, не только с кургана, на котором стояли теперь некоторые его генералы, но и с самих флешей, на которых находились теперь вместе и попеременно то русские, то французские мертвые, раненые и живые, испуганные или обезумевшие солдаты, нельзя было понять того, что делалось на этом

отделявший (*прим.*) — mis lahutas
подъѣм — põlv
солнце било — päike paistis

курган — kalm
попеременно — vaheldumisi

месте. В продолжение нескольких часов на этом месте среди неумолкаемой стрельбы ружейной и пущечной, то появлялись одни русские, то одни французские, то пехотные, то кавалерийские солдаты; появлялись, падали, стреляли, стáлкивались, не зная, что делать друг с другом, кричали и бежали назад.

С поля сражения беспрестáнно прискáкивали к Наполеону его пбсланные адъютанты и ординáрцы его маршалов с докладами о ходе дела; но все эти доклады были ложны: и потому, что в жару сражения невозможно сказать, что происходит в данную минуту; и потому, что многие адъютанты не доезжали до настоящего места сражения, а передавали то, что они слышали от других; и ещё потому, что пока проезжал адъютант те две-три версты, которые отделяли его от Наполеона, обстоятельства изменялись, и известие, которое он вёз, уже становилось неверно. Так, от вице-короля прискакал адъютант с известием, что Бородино занято и мост на Колоче в руках французов. Адъютант спрашивал у Наполеона, прикажет ли он переходить войскам. Наполеон приказал выстроиться на той стороне и ждать. Но не только в то время, как Наполеон отдавал это приказание, но даже когда адъютант только что отъехал от Бородина, мост уже был отбит и сожжён русскими, в той самой схватке, в которой участвовал Пьер в самом начале сражения.

Прискакавший с флеш, с бледным, испуганным лицом адъютант донёс Наполеону, что атака отбита, и что Компáн¹ ранен и Даву убит; а между тем флеша были

---

¹ *Компáн* (1769—1845) — один из наполеоновских генералов.

ординáрец — *käskjalg*
обстоятельство — *olukord*

отбítь* (*буд. отобью, отобьешь*) —
tagasi lööma
схватка — *kokkupõrge*

заняты другою частью войск в то время, как адъютанту говорили, что французы были отбиты, и Даву был жив и только слегка контужен. Соображаясь с таковыми необходимо-ложными донесениями, Наполеон делал свои распоряжения, которые или уже были исполнены прежде, чем он делал их, или же не могли быть и не были исполняемы.

Маршалы и генералы, находившиеся в более близком расстоянии от поля сражения, но, так же как и Наполеон, не участвовавшие в самом сражении и только изредка заезжавшие под огонь пуль, не спрашиваясь Наполеона, делали свои распоряжения и отдавали свои приказания о том, куда и откуда стрелять, и куда скакать конным, и куда бежать пёшим солдатам. Но даже и их распоряжения, точно так же как и распоряжения Наполеона, в самой малой степени и редко приводились в исполнение. Большею частью выходило противное тому, что они приказывали. Солдаты, которым велено было идти вперёд, подпав под картечный выстрел, бежали назад; солдаты, которым велено было стоять на месте, вдруг, видя против себя неожиданно показавшихся русских, иногда бросались вперёд, и конница скакала без приказания догонять бегущих русских. Так два полка кавалерии поскакали через Семёновский овраг, и только что выехали на гору, повернулись, и во весь дух поскакали назад. Также двигались и пехотные солдаты, иногда забегая совсем не туда, куда им велено было. Все распоряжения о том, куда и когда подвинуть пушки, когда послать пехи солдат стрелять, когда конных — топтать

соображаясь (*дееприч.*) — arvestades
 необходимо-ложный — paratamalt ebaðige
 пёший солдат — jalaväe sõdur

степень (*ж. р.*) — määr
 во весь дух — kõigest väest, tulise rutuga
 топтать (-пчý, -пчешь) — maha tallama

русских пеших, все эти распоряжения делали сами ближайшие начальники частей, бывшие в рядах, не спрашиваясь даже Нёя, Даву и Мюрата, не только Наполеона. Они не боялись взыскания за неисполнение приказа или за самовольное распоряжение, потому что в сражении дело касается самого дорогого для человека — собственной жизни, и иногда кажется, что спасение заключается в бегстве назад, иногда в бегстве вперёд, и наоборот с настроением минуты поступали эти люди, находившиеся в самом пылу сражения. В сущности же все эти движения вперёд и назад не облегчали и не изменяли положения войск. Все их набегания и наскáкивания друг на друга почти не производили им вреда, а вред, смерть и увéчья наносили ядра и пули, летавшие везде по тому пространству, по которому металась эти люди. Как только эти люди выходили из того пространства, по которому летали ядра и пули, так их тотчас же стоявшие сзади начальники формировали, подчиняли дисциплине и под влиянием этой дисциплины вводили опять в область огня, в которой они опять (под влиянием страха смерти) теряли дисциплину и металась по случайному настроению толпы.

взыскание — karistus
 неисполнение — mittetäitmine
 заключается (безлич.) — seisneb
 бегство — jook, põgenemine
 наоборот — vastavalt
 в пылу сражения — võitluse ägeduses
 облегчать (-чаю, -чаешь) — ker-gendama
 изменять (-няю, -няешь) — muutma
 набегание — pealejooksmine

наскáкивание — pealetormamine,
 pealeratsutamine
 производить (-вожy, -водишь) —
 tekitama
 вред — kahju
 увéчьe — vigastus
 подчинять (-няю, -няешь) — alis-tama, sundida alluma
 вводить (ввожy, вводишь) — sisse-viima
 метаться (-аюсь, -аешься) — visk-
 lema

Генералы Наполеона — Даву, Ней и Мюрат, находившиеся в близости этой области огня и даже иногда заезжавшие в неё — несколько раз вводили в эту область огня стройные и огромные массы войск. Но противно тому, что неизменно совершалось во всех прежних сражениях, вместо ожидаемого известия о бегстве неприятеля, стройные массы войск возвращались *оттуда* разброшенными, испуганными толпами. Они вновь устраивали их, но людей всё становилось меньше. В половине дня Мюрат послал к Наполеону своего адъютанта с требованием подкрепления.

Наполеон сидел под курганом ипил пунш, когда к нему прискакал адъютант Мюрата с уверениями, что русские будут разбиты, ежели его величество даст ещё дивизию.

— Подкрепления? — сказал Наполеон с строгим удивлением, как бы не понимая его слов, и глядя на красивого мальчика-адъютанта с длинными завитыми чёрными волосами (так же, как носил волоса Мюрат).

„Подкрепления!“ подумал Наполеон. „Какого они просят подкрепления, когда у них в руках половина армии, направленной на слабое, неукрепленное крыло русских!“

— Dites au roi de Naples, — строго сказал Наполеон, — qu'il n'est pas midi et que je ne vois pas encore clair sur mon échiquier. Allez...¹.

---

¹ Скажите неаполитанскому королю, что теперь ещё не полдень, и что я ещё неясно вижу на своей шахматной доске. Ступайте...

стройный — *siin*: korrapärane
подкрепление — *abivägi*, *toetus*

уверение — *kinnitus*
завитый — *kähardatud*

Красивый мальчик-адъютант с длинными волосами, не отпуская руку от шляпы, тяжело вздохнув, поскакал опять туда, где убивали людей.

Наполеон встал и, подозвав Коленкура и Бертье, стал разговаривать с ними о делах, не касающихся сражения.

В середине разговора, который начинал занимать Наполеона, глаза Бертье обратились на генерала с свитой, который на потной лошади скакал к кургану. Это был Бельяр. Он, слезши с лошади, быстрыми шагами подошел к императору и смело, громким голосом стал доказывать необходимость подкреплений. Он клялся честью, что русские погибли, ежели император даст еще дивизию.

Наполеон вздернул плечами и, ничего не ответив, продолжал свою прогулку. Бельяр громко и оживленно стал говорить с генералами свиты, окружившими его.

— Вы очень пылки, Бельяр, — сказал Наполеон, опять подходя к подъехавшему генералу. — Легко ошибиться в пылу огня. Поезжайте и посмотрите, и тогда приезжайте ко мне.

Не успел еще Бельяр скрыться из вида, как с другой стороны прискакал новый посланный с поля сражения.

— Eh bien, qu'est ce qu'il y a? ¹ — сказал Наполеон тоном человека, раздраженного беспрестанными помехами.

— Sire, le prince... ² — начал адъютант.

¹ Ну, чего вам?

² Ваше величество, принц...

не касающийся — mis ei puutu
потный — higine
слезши (деприч.) — maha goninud
клясться (клянусь, клянёшься) —
vanduma

вздернуть* (буд. -ну, -нешь) —
kehitama (õlgu)
пылкий — äge
ошибиться* (буд. -бўсь, -бёшься)
— eksima
помеха — takistus, segamine

— Просит подкрепления? — с гнѣвным жѣстом проговорил Наполеон. Адъютант утвердительно наклонил голову и стал докладывать; но император отвернулся от него, сделал два шага, остановился, вернулся назад и позвал Бертье.

— Надо дать резервы, — сказал он, слегка разводя руками. — Кого послать туда, как вы думаете? — обратился он к Бертье, к этому oison que j'ai fait aigle¹, как он впоследствии называл его.

— Государь, послать дивизию Клапареда, — сказал Бертье, помнивший наизусть все дивизии, полки и батальоны.

Наполеон утвердительно кивнул головой.

Адъютант поскакал к дивизии Клапареда. И через несколько минут молодая гвардия, стоявшая позади кургана, тронулась с своего места. Наполеон молча смотрел по этому направлению.

— Нет, — обратился он вдруг к Бертье, — я не могу послать Клапареда. Пошлите дивизию Фриана, — сказал он.

Хотя не было никакого преимущества в том, чтобы вместо Клапареда посылать дивизию Фриана, и даже было очевидное неудобство и замедление в том, чтобы остановить теперь Клапареда и посылать Фриана, но приказание было с точностью исполнено. Наполеон не видел того, что он в отношении своих войск играл ту роль доктора, который мешает своими лекарствами — роль, которую он так верно понимал и осуждал.

---

¹ Гусёнок, которого я сделал орлом.

гнѣвный — vihane, äge
утвердительно — jaatavalt
разводя (деприч.) — laotades
преимущество — paremus

неудобство — ehamugavus
замедление — ajaviitmine
осуждать (-даю, -даешь) — hukka
mõistma

Дивизия Фриана так же, как и другие, скрылась в дыму поля сражения. С разных сторон продолжали при-ска́живать адъютанты, и все, как бы сговорившись, говорили одно и то же. Все просили подкреплений, все говорили, что русские держатся на своих местах и производят un feu d'enfer¹, от которого тает французское войско.

Наполеон сидел в задумчивости на складном стуле.

Проголодавшийся с утра m-g de Beausset, любивший путешествовать, подошёл к императору и осмелился почти-тельно предложить его величеству позавтракать.

— Я надеюсь, что теперь уже я могу поздравить ваше величество с победой, — сказал он.

Наполеон молча, отрицательно покачал головой. Полагая, что отрицание относится к победе, а не к завтраку, m-g de Beausset позволил себе игриво-почтительно заметить, что нет в мире причин, которые могли бы помешать завтракать, когда можно это сделать.

— Allez vous² . . . — вдруг мрачно сказал Наполеон, и отвернулся.

Блаженная улыбка сожаления, раскаяния и восторга просияла на лице господина Боссé, и он плывущим шагом отошёл к другим генералам.

Наполеон испытывал тяжёлое чувство, подобное тому, которое испытывает всегда счастливый игрок, безумно

¹ Адский огонь.

² Пошли к . . .

сговорившись (*десприч.*) — kokku
leppinud

складной — kokkupandav

проголодавшийся (*прич.*) — näl-
ginud

осмелиться* (*буд. -люсь, -лишься*)
— julgema

игриво-почтительно — mänglevalt
aupaklikult

блаженный — õnnis

раскаяние — kahetsus

восторг — vaimustus

плывущий шаг — sujuv samm

кидавший свои деньги, всегда выигрывавший, и вдруг именно тогда, когда он рассчитал все случайности игры, чувствующий, что чем более обдуман его ход, тем вернее он проигрывает.

Войска были те же, генералы те же, те же были приготовления, та же диспозиция, та же proclamation courte et énergique¹; он сам был тот же, он это знал, он знал, что он был даже гораздо опытнее и искуснее теперь, чем он был прежде; даже враг был тот же, как под Аустерлицем и Фридрихсдорфом, — но страшный размах руки падал волшеббно-бессильно.

Все те прежние приемы, бывало неизменно увенчиваемые успехом: и сосредоточение батарей на один пункт, и атака резервов для прорывания линии, и атака кавалерии des hommes de fer², — все эти приемы уже были употреблены, и не только не было победы, но со всех сторон приходили одни и те же известия об убитых и раненых генералах, о необходимости подкреплений, о невозможности сбить русских и о расстройстве войск.

¹ Провозглашение краткое и энергичное.

² Железных людей.

выигравший (прич.) — kes võitis
 рассчитать* (буд. -таю, -таешь) —
 arvestama
 случайность (ж. р.) — juhus
 чувствующий (прич.) — tundev
 обдуман (прич.) — läbimõeldud
 проигрывать (-ваю, -ваешь) —
 kaotama (mängus)
 опытнее — vilunum
 искуснее — kogenum
 размах — hoog

волшеббно-бессильно — nõiduslik-
 jõuetult
 прием — võte
 увенчиваемый (прич.) — kroonitav
 сосредоточение — keskendamise
 прорывание — läbimurdmise
 линия — liin
 употреблены (прич.) — ära kasu-
 tatud
 сбить* (буд. собью, собьешь) —
 välja lööma, kohalt ära lööma
 расстройство — korratus, segadus

Прежде, после двух-трёх распоряжений, двух-трёх фраз, скакали с поздравлениями и весёлыми лицами маршалы и адъютанты, объявляя трофеями корпусá пленных, *des faisceaux de drapeaux et d'aigles ennemis*¹, и пушки, и оббзы, — и Мюрат просил только позволения пускать кавалерию для забрания обозов. Так было под Лоди, Маренго, Арколем, Иеной, Аустерлицем, Ваграмом, и так далее, и так далее. Теперь же что-то странное происходило с его войсками.

Несмотря на известие о взятии флешей, Наполеон видел, что это было не то, совсем не то, что было во всех его прежних сражениях. Он видел, что то же чувство, которое испытывал он, испытывали и все его окружающие люди, опытные в деле сражений. Все лица были печальны, все глаза избегали друг друга. Только один Боссе мог не понимать значения того, что совершалось. Наполеон же после своего долгого опыта войны знал хорошо, что значило, в продолжение 8 часов, после всех употреблённых усилий, невЫигранное атакующим сражение. Он знал, что это было проигранное сражение и что малейшая случайность могла теперь — на той натянutoй точке колебания, на которой стояло сражение, — погубить его и его войска.

Когда он перебирал в воображении всю эту странную русскую кампанию, в которой не было выиграно ни одно сражение, в которой в два месяца не взято ни знамён,

¹ Связки неприятельских знамён и орлов.

оббз — *voog*

забрание — *ägravõtmine*

избегать (-гáю, -гáешь) — *hoiduma,*

rõikama

невЫигранный — *mittevõidetud*

атакующий — *pealetungiv*

натянutoй — *pinev*

колебание — *kõikumine*

погубить* (*буд.* -блю, -бишь) —

hävitama

ни пушек, ни корпусов войск, когда глядел на скрѣтно печальные лица окружающих и слушал донесения о том, что русские всё стоят, — страшное чувство, подобное чувству, испытываемому в сновидѣниях, охватывало его, и ему приходили в голову все несчастные случайности, мѳгущие погубить его. Русские могли напасть на его левое крыло, могли разорвать его середину, шальное ядро могло убить его самого. Всё это было возможно. В прежних сражениях своих он обдумывал только случайности успеха, теперь же бесчисленное количество несчастных случайностей представлялось ему, и он ожидал их всех. Да, это было как во сне, когда человеку представляется наступающий на него злодѣй, и человек во сне размахнулся и ударил своего злодея с тем страшным усилением, которое, он знает, должно уничтожить его, и чувствует, что рука его, бессильная и мягкая, падает как тряпка, и ужас неотразимой погѣбели охватывает беспомощного человека.

Известие о том, что русские атакуют левый фланг французской армии, возбудило в Наполеоне этот ужас. Он молча сидел под курганом на складном стуле, опустив голову и положив локти на колени. Бертье подошел к нему и предложил проехаться по линии, чтобы убедиться, в каком положении находилось дело.

— Что? Что вы говорите? — сказал Наполеон. — Да, велите подать мне лошадь.

Он сел верхом и поехал к Семѣновскому.

скрѣтно — varjatult
испытываемый — *siin*: tuntav
шальное ядро — juhulik mürsk
провозглашение — proklamatsioon
связка — kimp
неприятельский — vaenlase-
орѣл — kotkas

злодѣй — kurjategija
тряпка — kalts
неотразимый — *siin*: paratamatu
погѣбель (*ж. р.*) — hukkumine
возбудить* (*буд.* -бужу, -будишь)
— äratama, tekitama

В медленно расходившемся порохом дымѣ по всему пространству, по которому ехал Наполеон, — в лѣжах крови лежали лошади и люди поодиночке и кучами. Подобного ужаса, такого количества убитых на таком малом пространстве, никогда не видали ещё и Наполеон, и никто из его генералов. Гул орудий, не перестававший 10 часов сразу и измучивший ухо, придавал особенную значительность зрелищу (как музыка при живых картинах). Наполеон выехал на высоту Семёновского и сквозь дым увидал ряды людей в мундирах цветов, непривычных для его глаза. Это были русские.

Русские плѣтными рядами стояли позади Семёновского и кургана, и их орудия не переставая гудели и дымили по их линии. Сражения уже не было. Было продолжавшееся убийство, которое ни к чему не могло повести ни русских, ни французов. Наполеон остановил лошадь и впал опять в ту задумчивость, из которой вывел его Бертье; он не мог остановить того дела, которое делалось перед ним и вокруг него, и которое считалось руководимым им и зависящим от него, и дело это ему, в первый раз, вследствие неуспѣха, представлялось ненужным и ужасным.

Один из генералов, подъехавших к Наполеону, позволил себе предложить ему ввести в дело старую гвардию. Ней и Бертье, стоявшие подле Наполеона, переглянулись между собой и презрительно улыбались на бессмысленное предложение этого генерала.

Наполеон опустил голову и долго молчал.

поодиночке — üksikult
 кучами — hunnikutena
 измучивший (прим.) — piinanud
 значительность (ж. р.) — tähtsus
 зрелище — vaatepilt

непривычный — harjumatu
 руководимый (прим.) — juhitud
 зависящий (прим.) — sõltuv
 понурив голову — langetanud pea

— A huit cent lieux de France je ne ferai pas démolir ma garde!¹ — сказал он и, повернув лошадь, поехал назад к Шевардину.

Часть третья.

XIX.

1 сентября в ночь отдан приказ Кутузова об отступлении русских войск через Москву на Рязанскую дорогу.

Первые войска двинулись в ночь. Войска, шедшие ночью, не торопились и двигались медленно и степенно; но на рассвете двигавшиеся войска, подходя к Дорогомилловскому мосту, увидали впереди себя на другой стороне теснящиеся, спешащие по мосту и на той стороне поднимающиеся и запружающие улицы и переулки, а позади себя напирющие, бесконечные массы войск. И беспричинная поспешность и тревога овладели войсками. Всё бросилось вперед к мосту, на мост, в броды и в лодки. Кутузов велел обвести себя задними улицами на ту сторону Москвы.

К 10 часам утра 2 сентября в Дорогомилловском предместье оставались на просторе одни войска арьергарда. Армия была уже на той стороне Москвы и за Москвою.

---

¹ За 3500 вёрст от Франции я не дам разгромить свою гвардию.

шедший (*прич.*) — läinud
степенно — korralikult, väarikalt
подходя (*десприч.*) — lähenedes
теснящийся (*прич.*) — tunglev
спешащий (*прич.*) — rattav
поднимающийся (*прич.*) — tõusev
запружающий (*прич.*) — üleujutav

переулок — põiktänav
напирющий (*прич.*) — pealetungiv
беспричинный — põhjusetu
поспешность (*ж. р.*) — kiirustamine
предместье — agul
простор — avarus

В это же время, в 10 часов утра 2 сентября, Наполеон стоял между своими войсками на Поклонной горе и смотрел на открывавшееся перед ним зрелище. Начиная с 26 августа и по 2 сентября, от Бородинского сражения и до вступления неприятеля в Москву, во все дни этой тревожной, этой памятной недели, стояла та необычайная, всегда удивляющая людей, осенняя погода, когда низкое солнце грéет жáрче, чем весной, когда всё блестит в редком, чистом воздухе так, что глаза режет; когда грудь крепнет и свежéет, вдыхая осенний, пахúчий воздух; когда ночи даже бывают тёплые, и когда в тёмных, тёплых ночах этих, с неба, беспрестáнно пугая и радуя, сыплются золотые звёзды.

2 сентября в 10 часов утра была такая погода. Блеск утра был волшебный. Москва с Поклонной горы расстилалась простóрно с своей рекой, своими садами и церквями и, казалось, жила своей жизнью, трепещá как звёздами своими куполами в лучах солнца.

При виде странного гóрода с невиданными формами необыкновенной архитектуры, Наполеон испытывал то несколько завистливое и беспокойное любопытство, которое испытывают люди при виде форм не знающей о них, чуждой жизни. Очевидно город этот жил всеми силами своей жизни. По тем неопределимым признакам, по которым на дальнем расстоянии безошибочно узнаётся живое тело от мёртвого, Наполеон с Поклонной горы видел

удивляющий (*прич.*) — imestama-
panev

рèзать (рèжу, рèжешь) — iõikama
пахúчий, — iõhnav

беспрестáнно — lakkamatult

пугáя (*десприч.*) — hirmutades

простóрно — avaralt

трепещá (*десприч.*) — virvendades,
vãrisedes

купол — kuppel

стрáнный — imelik

завистливый — kadetsev

неопределимый — määratlematu

трепетание жизни в городе и чувствовал как бы дыхание этого большого и красивого тела.

Всякий русский человек, глядя на Москву, чувствует, что она мать; всякий иностранец, глядя на неё и не зная её материнского значения, должен чувствовать женственный характер этого города, и Наполеон чувствовал его.

— *Cette ville asiatique aux innombrables églises, Moscou la sainte. La voilà donc enfin, cette fameuse ville! Il était temps*¹ — сказал Наполеон и, слезши с лошади, велел разложить перед собою план этой *Moscou* и подозвал переводчика *Lelorme d'Idenville*. „*Une ville occupée par l'ennemi ressemble à une fille qui a perdu son honneur*“², думал он (как он и говорил это Тучкову в Смоленске). И с этой точки зрения он смотрел на лежавшую перед ним, невиданную ещё им, восточную красавицу. Ему странно было самому, что, наконец, свершилось его давнишнее, казавшееся ему невозможным, желание. В ясном утреннем свете он смотрел то на город, то на план, проверяя подробности этого города, и уверенность обладания волновала и ужасала его.

„Но разве могло быть иначе?“ — подумал он. „Вот она — эта столица — у моих ног, ожидая судьбы своей. Где теперь Александр, и что думает он? Станный, красивый, величественный город! И странная и величест-

---

¹ Вот он, наконец, этот знаменитый азиатский город с своими бесчисленными церквами, священная Москва! Давно пора!

² Город, занятый неприятелем, подобен девушке, потерявшей невинность.

трепетание — *värin*
женственный — *naiselik*
подобен — *sarnleb*
потерявший (*прим.*) — *kes kaotas*
невинность (*ж. р.*) — *süütus*

давнишний — *ammuaegne*
проверяя (*деприм.*) — *kontrollides*
обладание — *omamine*
иначе (*иначе*) — *teisiti*

венная эта минута! В каком свете представляюсь я им!“ думал он о своих войсках. „Вот она награда для всех этих маловёрных“ (думал он, оглядываясь на приближённых и на подходившие и строившиеся войска). „Одно моё слово, одно движение моей руки, и погибла эта древняя столица des czars. Mais ma clémence est toujours prompte à descendre sur les vaincus¹. Я должен быть великодушен и истинно велик... Но нет, это неправда, что я в Москве (вдруг приходило ему в голову). Однако, вот она лежит у моих ног, играя и дрожа золотыми куполами и крестами в лучах солнца. Но я пощажу её. На древних памятниках варварства и деспотизма я напишу великие слова справедливости и милосердия... Александр больше всего поймёт именно это, я знаю его. (Наполеону казалось, что главное значение того, что совершалось, заключалось в личной борьбе его с Александром.) С высот Кремля, — да, это Кремль, да — я дам им законы справедливости, я покажу им значение истинной цивилизации, я заставлю поколения бояр с любовью поминать имя своего завоевателя. Я скажу депутации, что я не хотел и не хочу войны; что я вёл войну только с ложной политикой их двора, что я люблю и уважаю Александра, и что приму условия мира в Москве, достойные меня и моих народов. Я не хочу воспользоваться счастьем войны для унижения уважаемого государя. „Бояре!“ скажу

¹ Но моё милосердие всегда готово снизойти к побеждённым.

маловёрный — nõrgausuline
 великодушный — suuremeelne
 пощадить* (буд. -щажу́, -щадíшь)
 — armu heitma, halastama
 справедливость (ж. р.) — õiglus
 поколение — sugupõlv

завоеватель (м. р.) — võitja
 депутация — saatkond
 воспользоваться* (буд. -зуюсь, -зуюсь-
 ешься) — kasutama
 унижение — alandamine
 уважаемый — austatud

я им, „я не хочу войны, а хочу мира и благоденствия всех моих подданных“. Впрочем, я знаю, что присутствие их воодушевит меня, и я скажу им, как я всегда говорю: ясно, торжественно и велико. Но неужели это правда, что я в Москве? Да, вот она!“

— Qu'on m'amène les boyards¹, — обратился он к свите. Генерал с блестящей свитой тотчас же поскакал за боярами.

Прошло два часа. Наполеон позавтракал и опять стоял на том же месте на Поклонной горе, ожидая депутации. Речь его к боярам уже ясно сложилась в его воображении. Речь эта была исполнена достоинства и того величия, которое понимал Наполеон.

Тот тон великодушия, в котором намерен был действовать в Москве Наполеон, увлек его самого. Он в воображении своём назначал дни réunion dans les palais des czars², где должны были сходиться русские вельможи с вельможами французского императора. Он назначал мысленно губернатора, такого, который бы сумел привлечь к себе население. Узнав о том, что в Москве много богоугодных заведений, он в воображении своём решал, что все эти заведения будут осыпаны его милостями. Он думал, что как в Африке надо было сидеть в бурнусе в

¹ Пусть приведут ко мне бояр.

² Дни собраний во дворце царей.

благоденствие — heakäekäik

присутствие — juuresolek

воодушевить* (буд. -влю, -вишь)
— vaimustama

увлечь* (буд. -лечу, -лечёшь) —
kütkestama

сходиться (-дишься, -дится) —
kokku tulema

привлечь* (буд. -влеку, -влечёшь)
— tõmbama (enda poole)

богоугодное заведение — hea-
tegev asutis

осыпанный (прим.) — üle puista-
tud

бурнус — burnus — eriline mantel

мечёти, так и в Москве надо было быть милостивым, как цари. И, чтобы окончательно тронуть сердца русских, он, как и каждый француз, не могущий себе вообразить ничего чувствительного без упоминания о *ma chère, ma tendre, ma pauvre mère*¹, он решил, что на всех этих заведениях он велит написать большими буквами: *Etablissement dédié à ma chère Mère*. Нет, просто: *Maison de ma Mère*², решил он сам с собою. „Но неужели я в Москве? Да, вот она передо мной, но что же так долго не является депутация города?“ думал он.

Между тем в задах свиты императора происходило шопотом взволнованное совещание между его генералами и маршалами. Посланные за депутацией вернулись с известием, что Москва пуста, что все уехали и ушли из неё. Лица совещавшихся были бледны и взволнованы. Не то, что Москва была оставлена жителями (как ни важно казалось это событие), пугало их, но их пугало то, каким образом объявить о том императору, каким образом, не ставя его величество в то страшное, называемое французами *ridicule*³, положение, объявить ему, что он напрасно ждал бояр так долго, что есть толпы пьяных, но никого больше. Одни говорили, что надо было, во что бы то ни стало, собрать хоть какую-нибудь депутацию; другие оспаривали это мнение и утверждали,

¹ Моей милой, нежной, бедной матери.

² Заведение посвящённое моей милой матери. — Нет, просто: Дом моей матери.

³ Смешным.

мечеть (*ж. р.*) — *mošee*
 тронуть* (*буд. -ну, -нешь*) — *siin:*
liigutama
 не могущий (*прим.*) — *ei ole vöi-*
meline
 упоминание — *mainimine*
 совещание — *põupidamine*

совещавшийся (*прим.*) — *kes pidas*
põu
 оспаривать (*-ваю, -ваешь*) — *vastu*
vaidlema
 утверждать (*-даю, -даешь*) — *kinni-*
tama

что надо, осторожно и умно приготóвив императора, объявить ему правду.

— Il faudra le lui dire tout de même¹... — говорили господа свиты. — Mais messieurs... — Положение было тем тяжёле, что император, обдумывая свои планы великодушия, терпеливо ходил взад и вперёд перед планом, посматривая изредка из-под руки по дороге в Москву и весело и гордо улыбаясь.

— Mais c'est impossible...² — пожимая плечами, говорили господа свиты, не решаясь выговорить подразумеваемое страшное слово: le ridicule...

Между тем император, уставши от тщётного ожидания и своим актёрским чутьём чувствуя, что величественная минута, продолжаясь слишком долго, начинает терять свою величественность, подал рукою знак. Раздался одинокий выстрел сигнальной пушки, и войска, с разных сторон обложившие Москву, двинулись в Москву — в Тверскую, Калужскую и Дорогомилловскую заставы. Быстрее и быстрее, перегоняя одни других, беглым шагом и рысью, двигались войска, скрываясь в поднимаемых ими облаках пыли и оглашая воздух сливающимися гúлами криков.

Увлечённый движением войск, Наполеон доехал с войсками до Дорогомилловской заставы, но там опять оста-

¹ А всё-таки ему надо сказать...

² Но это невозможно.

приготóвив (*дееприч.*) — ette val-
mistanud

подразумеваемый (*прич.*) — mõis-
tetav

тщётный — asjatu

актёрский — näitleja-

чутьё — vaist

обложивший (*прич.*) — kes piiras
застава — linnavärv, (linna) sisse-
sõidu koht

перегоняя (*дееприч.*) — üksteisest
mööda rutates

беглый шаг — kiirsamm

оглашая (*дееприч.*) — täites õhku
(hüüetega)

Бови́лся и, слезши с лошади, долго ходил у Ка́мер-Колле́жского ва́ла, ожидая депута́ции.

XX.

Москва между тем была пуста. В ней были ещё люди, в ней оставалась ещё пятидесятая часть всех бывших прежде жителей, но она была пуста. Она была пуста, как пуст бывает домирающий, обезмáточивший улей.

В обезмáточившем улье уже нет жизни, но на пове́рхностный взгляд он кажется таким же живым, как и другие.

Так же весело, в жарких лучах полуденного солнца, вы́ются пчёлы вокруг обезмáточившего улья, как и вокруг других живых ульев; так же издале́ка па́хнет от него ме́дом, так же вылетают из него пчёлы. Но сто́ит пригляде́ться к нему, чтобы понять, что в улье этом уже нет жизни. Не так, как в живых ульях, летают пчёлы, не тот запах, не тот звук поражают пчелово́да. На стук пчеловода в стенку большого улья, вместо прежнего, мгновенного, дружного ответа, шипёнья десятков тысяч пчёл, грозно поджимающих зад и быстрым ббем крыльев производящих этот воздушный ж́изненный звук, ему отвечают разро́зненные

вал — vall
домирающий (*прим.*) — surev
обезмáточивший (*прим.*) — emata
jäänud
улей — taru
поверхностный — pealiskaudne
полуденный — keskpäevane
вьётся (вьюсь, вьёшься) — lend-
. lema
приглядеться* (*буд.* -гляжусь,
-дйшься) — lähemalt silmitsema

пчелово́д — mesinik
мгновенный — kiire, momentaanne
шипёнье — sahin, sisin
поджимающий (*прим.*) — kes surub
alla, tõmbab tagasi
бой (крыльев) — (tiibade) peksle-
mine
производящий (*прим.*) — tekitav
воздушный — õhuline
разро́зненный — eraldatud

жужжания, гүлко раздающиеся в разных местах пустого улья. Из леткá не пахнет, как прежде, спиртовым, душистым запахом мёда и яда, не несёт оттуда теплом полноты, а с запахом мёда сливаются запах пустоты и гнили. У леткá нет больше готовящихся на погибель для защиты, поднявших кверху зады, трубящих тревогу стражэй. Нет больше того ровного и тихого звука трепетанья труда, подобного звуку кипенья, а слышится нескладный, разрозненный шум беспорядка. В улей и из улья робко и увёртливо влетают и вылетают чёрные, продолговатые, смáзанные мёдом пчёлы-грабительницы; они не жáлят, а ускользáют от опасности. Прежде только с ношами влетали, а вылетали пустые пчёлы, теперь вылетают с ношами. Пчеловод открывает нижнюю колбдезню и вглядывается в нижнюю часть улья. Вместо прежде висевших до уза (нижнего дна) чёрных, усмирённых трудом плетей сочных пчёл, держащих за ноги друг друга и с непрерывным шопотом труда тянущих вощину, — сонные, ссохшиеся пчёлы в разные стороны бредут рассé-

гүлко — kumedalt
 раздающийся (*прич.*) — kostev
 леток (*р. н.* -ткá) — lenuauk (tarus)
 спиртовый — piirituse-
 гниль (*ж. р.*) — roisk, mädanev
 asi
 поднявший (*прич.*) — kes tõstis
 трубящий (*прич.*) — puhuv
 страж = сторож — valvur
 кипенье — keemine
 нескладный — korratu
 увёртливо — põigeldes, eest v.
 käest ära lipsates
 продолговатый — pikergune
 смáзанный — määrdunud

пчелá-грабительница — röövmesi-
 lane
 жáлить (-лю, -лишь) — põelama
 ускользáть (-зáю, -зáешь) — kõr-
 vale libisema
 ноша — kandam
 колодезня — taru alumine kate
 уз — alumine taru põrand
 усмирённый (*прич.*) — rahustatud,
 vaigistatud
 плеть (*ж. р.*) — piits, *сиң*: kobar
 вощина — kärjekann
 сонный — unine
 ссохшийся (*прич.*) — kuivanud
 брестй (бреду, бредешь) — ronima
 рассéянно — hajameelselt

явно по дну и стенкам улья. Вместо чисто залёпленного клеем и сметённого вёрами крыльев пола, на дне лежат крошки воцин, испражнения пчёл, полумёртвые, чуть шевелящие ножками, и совершенно мёртвые, неприбранные пчёлы.

Пчеловод открывает верхнюю колодезю и осматривает голову улья. Вместо сплошных рядов пчёл, облепивших все промежутки сотов и греющих детвú, он видит искусную, сложную работу сотов, но уже не в том виде девственности, в котором она бывала прежде. Всё запущено и загажено. Грабительницы — чёрные пчёлы шныряют быстро и украдисто по работам; свои пчёлы, ссохшиеся, кроткие, вялые, как будто старые, медленно брédят, никому не мешая, ничего не желая и потеряв сознание жизни. Трутни, шершни, шмели, бабочки бестолково стучатся на лету о стенки улья. Кое-где между воцинами с мёртвыми детьми и мёдом изредка слышится с разных сторон сердитое брюзжание. Где-нибудь две пчелы, по старой

залёпленный (<i>прич.</i>) — kinni klee-	загажено (<i>прич. кр. ф.</i>) — on geos-
bitud	tatud
сметённый (<i>прич.</i>) — pühitud	шнырять (-ряю, -ряешь) — lipsama,
вёер — lehvik	ruttu sinna-tänna jooksuma, sõe-
крошка — gaasuke, ivake	luma
испражнение — väljaheide	украдисто — vargsi
полумёртвый — poolsurnud	кроткий — tasane, alandlik, vaga-
шевелиющий (<i>прич.</i>) — liigutav	ne
неприбранный (<i>прич.</i>) — koristama	вялый — loid
сплошной — tihe	сознание — teadvus
облепивший (<i>прич.</i>) — katnud	трутень (<i>м. р. мн. ч.</i> трутни) —
промежуток — vahe	lesk, isamesilane
соты (<i>мн. ч.</i>) — kärjed	шершень (<i>м. р. мн. ч.</i> шершнй) —
детвá — haue	vapsik
искусный — kunstipärane	шмель (<i>м. р.</i>) — kimalane
запущено (<i>прич. кр. ф.</i>) — on loha-	бестолково — mõttetult
kile jäetud	брюзжание — põisemine

привычке и памяти очищая гнездо улья, старательно сверх сил тащат прочь мёртвую пчелу или шмеля, сами не зная, для чего они это делают. В другом углу другие две старые пчелы лениво дерутся или чистятся, или кормят одна другую, сами не зная, враждебно или дружелюбно они это делают. В третьем месте толпа пчёл, давая друг друга, нападает на какую-нибудь жертву и бьёт и душит её. И ослабевшая или убитая пчела медленно, легко как пух, спадает сверху в кучу трупов. Пчеловод разворачивает две средние вошины, чтобы видеть гнездо. Вместо прежних сплошных, чёрных кругов тысяч пчёл, сидящих спинка с спинкой и блюдущих высшие тайны родного дела, он видит сотни унылых, полуживых и заснувших остовов пчёл. Они почти все умерли, сами не зная этого, сидя на святые, которую они блюли, и которой уже нет больше. От них пахнет гнилью и смертью. Только некоторые из них шевелятся, поднимаются, вяло летят и садятся на руку врагу, не в силах умереть, жала его; остальные мёртвые, как рыба чешуя, легко сыплются вниз. Пчеловод закрывает колодезю, отмечает мелом колодку и, выбрав время, выламывает и выжигает её.

Так пуста была Москва, когда Наполеон, усталый, беспокойный и нахмуренный, ходил взад и вперёд у Камер-

старательно — hoolikalt
 лениво — laisalt
 давя (деприч.) — surudes
 жертва — ohver
 душить (-шú, -шишь) — lämmata
 ослабевший (прич.) — nõrkenud
 пух — udusulg
 разворачивать (-ваю, -ваешь) — avama
 спинка = спина — selg

блюдущий (прич.) — hoidev
 унылый — nukker
 остов — kere
 святыня — pühadus
 блюсти (блюду, блюдёшь) — hoidma, valvama
 рыбий — kala-
 рыба чешуя — kalasoomus
 выламывать (-ваю, -ваешь) — lahti murdma
 выжигать (-гаю, -гаешь) — (välja v. puhtaks) põletama

Коллежского вала, ожидая того хотя внешнего, но необходимого, по его понятиям, соблюдения приличий, — депутации.

В разных углах Москвы только бессмысленно ещё шевелились люди, соблюдая старые привычки и не понимая того, что они делали.

Когда Наполеону с должной осторожностью было объявлено, что Москва пуста, он сердито взглянул на доносившего об этом и, отвернувшись, продолжал ходить молча.

— Подать экипаж, — сказал он. Он сел в карету рядом с дежурным адъютантом и поехал в предместье. „Moscou déserte! Quel événement invraisemblable!“¹ — говорил он сам с собой.

Он не поехал в город, а остановился на постоялом дворе Дорогомиловского предместья.

Le coup de théâtre avait raté².

XXI.

Русские войска проходили через Москву с двух часов ночи и до двух часов дня и увлекáли за собой последних уезжавших жителей и раненых.

Самая большая дáвка во время движения войск происходила на мостах Кáменном, Москворéцком и Я́узском.

¹ Москва пуста! Какое невероятное событие!

² Не удалась развязка театрального представления.

соблюдéние — tãitmine, alal hoidmine, (nõudest, kombest) kinnipidamine	увлекáть (-кáю, -кáешь) — kaasa kiskuma
прилiчие — viisakus	дáвка — tung
доносiвший (прив.) — kes teatas, ette kandis	невероятный — uskumatu
постояльный двор — võõrastemaja, sissesõiduhoov	не удалóсь — äpardus
	развязка — lahendus, lõpp
	представлéние — etendus

В то время как, раздвóившись вокруг Кремля, войска спёрлись на Москворецком и Каменном мостáх, огромное число солдат, пóльзуясь остановкой и теснотóй, возвращались назад от мостов и укрáдчиво и молчаливо пропн́ривали мимо Васи́лия Блаже́нного и под Боровицкие ворота назад в гору к Красной площади, на которой по какому-то чутью они чувствовали, что можно брать без труда чужое. Такая же толпа людей, как на дешёвых товарах, наполняла Гости́ный двор во всех его ходах и перехóдах. Но не было лáсково-притвóрных замáнивающих голосов гостинодвóрцев, не было разно́счиков и пёстрой, женской толпы покупателей — одни были мундиры и шинели солдат без ружей, молчаливо с ношами выходивших и без ноши входивших в ряды. Купцы и сидёльцы (их было мало), как потёрянные, ходили между солдатами, отпирáли и запира́ли свои лавки, и сами с молодцами куда-то выносили свои товары. На площади у Гостиного двора стояли бараба́нщики и били сбор. Но звук барабана заставлял солдат-грабителей не как прежде сбегáться

раздвóившись (*дееприч.*) — kaheks jagunenud
сперётся* (*буд .сопрётся, сопрётся*; *прош. спёрся, спёрлась, спёрлось*) — kogunema, ummikusse jääma
пóльзуясь (*дееприч.*) — kasutades
теснотá — ruumipuudus
пропн́ривать (-ваю, -ваешь) — mööda lipsama
Гости́ный двор — Kaubahoov
ход — käik
перехóд — läbikäik
лáсково-притвóрный — lahkelteesklev
замáнивающий (*прич.*) — ligimeelitav

гостинодвóрец — kaubahoovi kaubitseja
разно́счик — kauba laialikandja
купéц (*р. п. -нца*) — kaupmees
сидёлец (*р. п. -льца*) — poesell
потёрянный (*прич.*) — kaotatud; *siin*: segane, mõistuse kaotanud
отпирáть (-раю, -раешь) — lukust lahti tegema
запира́ть (-раю, -раешь) — lukustama
бараба́нщик — trummlööja
сбор — kogunemine
сбегáться (-áешься, -áется) — kokku jooksuma

на зов, а напротив, заставлял их отбегать дальше от барабана. Между солдатами, по лавкам и проходам, виднелись люди в серых кафтанах и с бритыми головами. Два офицера, один в шарфе по мундиру на худой, тёмносерой лошади, другой в шинели, пешком, стояли у угла Ильинки и о чём-то говорили. Третий офицер подсекал к ним.

— Генерал приказал, во что бы то ни стало, сейчас выгнать всех. Что ж, это ни на что не похоже! Половина людей разбежалась.

— Ты куда?.. Вы куда?.. — крикнул он на трёх пехотных солдат, которые без ружей, подобрав полы шинелей, проскользнули мимо него в ряды. — Стой, каналья!

— Да, вот извольте их собрать, — отвечал другой офицер. — Их не соберёшь; надо идти скорее, чтоб последние не ушли, вот и всё!

— Как же идти: там стали, спёрлися на мосту и не двигаются. Или цепь поставить, чтобы последние не разбежались?

— Да подите же туда! Гони ж их вон! — крикнул старший офицер.

Офицер в шарфе слез с лошади, крикнул барабанщика и вошёл с ним вместе под арку. Несколько солдат бросились бежать толпой. Купец с красными прыщами по щекам около носа, с спокойно-непоколебимым выражением расчёта на сытом лице, поспешно и щеголевато, размахивая руками, подошёл к офицеру.

— Ваше благородие, — сказал он, — сделайте милость, защитите. Нам не расчёт пустяк какой ни на есть; мы

зов — kutse

бритый — paljaks aetud (pea, lõug),
gaseeritud

шарф — siin: kaelas v. üle õla kantav lai lint, ohvitseri õlalint

подобрав (деенрив.) — üles tõstes

полá — hõlm

арка — võlvkaar

прыщ — vistrik

расчёт — arvestus, arve, arveldus

нам не расчёт — meil pole kahju

какой ни на есть — mingisugune

с нашим удовольствием; пожалуйста, сукна сейчас вынесу, для благородного человека хоть два куска; с нашим удовольствием, потому что мы чувствуем; а это что же? Один разбóй! Пожалуйста! Караул что ли бы приставили, хоть запереть дали бы . . .

Несколько купцов столпíлись около офицера.

— Э! попусту брехать-то, — сказал один из них, худощавый с строгим лицом. — Снявши голову, по волосам не плачут. — Бери что кому любо! — И он энергическим жестом махнул рукой и боком повернулся к офицеру.

— Тебе, Иван Сидорыч, хорошо говорить, — сердито заговорил первый купец. — Вы пожалуйста, ваше благородие.

— Что говорить! — крикнул худощавый, — у меня тут в трёх лавках на 100 тысяч товару. Разве убережешь, когда войско ушло. Эх, народ! божью власть не руками скласть.

— Пожалуйста, ваше благородие, — говорил первый купец кланяясь. Офицер стоял в недоумении, и на лице его видна была нерешительность.

— Да мне что за дело! — крикнул он вдруг и пошёл быстрыми шагами вперёд по ряду. В одной отпертой лавке слышались удары и ругательства, и в то время,

---

разбóй — rõõvimine
караул — vahtkond
попусту — tühja
брехать (-ешу, -ешешь) — lobisema
снявши голову по волосам не плачут — kui on läinud pea, siis ära nuta juuste pärast
любо — meeldib

уберечь* (буд. -режy, -режешь) — hoidma
божью власть не руками скласть — jumala võimu vastu ei saa keegi
в недоумении — nõutuses
отпертый (прим.) — avatud

как офицер подходил к ней, из двери выскочил вытолкнутый человек в сером армяке и с бритой головой.

Человек этот, согнувшись, проскочил мимо купцов и офицера. Офицер напустился на солдат, бывших в лавке. Но в это время страшные крики огромной толпы послышались на Москворецком мосту, и офицер выбежал на площадь.

— Что такое? Что такое? — спрашивал он, но товарищ его уже скакал по направлению к крикам, мимо Василия Блаженного. Офицер сел верхом и поехал за ним. Когда он подъехал к мосту, он увидел снятые с передков две пушки, пехоту, идущую по мосту, несколько поваленных телег, несколько испуганных лиц и смеющиеся лица солдат. Подле пушек стояла одна повозка, запряжённая парой. За повозкой сзади колёс жались четыре быстрые собаки в ошейниках. На повозке была гора вещей, и на самом верху, рядом с детским, кверху ножками перевёрнутым, стульчиком, сидела баба, пронзительно и отчаянно визжавшая. Товарищи рассказывали офицеру, что крик толпы и визги бабы произошли оттого, что наехавший на эту толпу генерал Ермолов, узнав, что солдаты разбредаются по лавкам, а толпы жителей запружают мост, приказал снять орудия с передков и сделать пример, что он будет стрелять по мосту.

вытолкнутый (*прич.*) — väljatõugatud

армяк — kuub

согнувшись (*дееприч.*) — küüritõmbudes

напустить* (*буд.* -пуцусь, -пустишься) — kallale kargama

быстрый — hurdakoer

ошейник — kaelarihm

перевёрнутый (*прич.*) — ümberpõratud, kummulikeeratud

стульчик — toolike

пронзительно — läblõikavalt

визжавший (*прич.*) — kes kiljus
разбредаться (-даёшься, -даются)

— laiali minema v. jooksmata

запружать (-жаёшь, -жаёт) —
ummistama

Толпа, валя повозки, давя друг друга, отчаянно крича и теснясь, расчистила мост, и войска двинулись вперёд.

XXIII.

В недостроенном доме на Варварке, внизу которого был питейный дом, слышались пьяные крики и песни. На лавках у столов в небольшой грязной комнате сидело человек десять фабричных. Все они, пьяные, потные, с мутными глазами, напруживаясь и широко разевая рты, пели какую-то песню. Они пели врозь, с трудом, с усилием, очевидно, не для того, что им хотелось петь, но для того только, чтобы доказать, что они пьяны и гуляют. Один из них, высокий, белокурый малый в чистой, синей чуйке стоял над ними. Лицо его с тонким прямым носом было бы красиво, ежели бы не тонкие, поджатые, беспрестанно двигающиеся губы и мутные и нахмуренные, неподвижные глаза. Он стоял над теми, которые пели, и, видимо воображая себе что-то, торжественно и угловато размахивал над их головами засученной по локоть белой рукой, грязные пальцы которой он неестественно старался растопыривать. Рукав его чуйки бес-

валя (*дееприч.*) — ümber paisates
недостроенный (*прич.*) — poolval-
mis
питейный дом — kõrts, joogikoht
фабричный — vabrikutööline
мутный — ähmane
напруживаясь (*дееприч.*) — pin-
gutades
разевая (*дееприч.*) — suud pärani
ajades
врозь — *siin*: igaüks omal viisil

гулять (-ляю, -ляешь) — jalutama,
siin: lõbutsema
малый — noormees
чуйка — üllkuub
угловато — nurgeliselt
размахивать (-ваю, -ваешь) — veh-
kima
засученный (*прич.*) — paljaks
kääritud
локоть (*р. н.* локтя) — küünarnukk
растопыривать (-ваю, -ваешь) —
laiali ajama

престанно спускался, и малый старательно левой рукой опять засучивал его, как будто что-то особенно было важное в том, чтобы эта белая, жилистая, махавшая рука была непременно голая. В середине песни, в сенях на крыльце, послышались крики драки и удары. Высокий малый махнул рукой.

— Шабáш! — крикнул он повелительно. — Драка, ребята! — и он, не переставая засучивать рукав, вышел на крыльцо.

Фабричные пошли за ним. Фабричные, пившие в кабаке в это утро под предводительством высокого малого, принесли целовальнику кожи с фабрики, и за это им было дано вино. Кузнецы из соседних кузен, услышав гульбу в кабаке и полагая, что кабак разбит, силой хотели ворваться в него. На крыльце завязалась драка.

Целовальник в дверях дрался с кузнецом, и в то время, как выходили фабричные, кузнец оторвался от целовальника и упал лицом на мостовую.

Другой кузнец рвался в дверь, грудью наваливаясь на целовальника.

Малый с засученным рукавом на ходу ещё ударил в лицо рвавшегося в дверь кузнеца и дико закричал:

— Ребята! наших бьют!

В это время первый кузнец поднялся с земли и, расцарапывая кровь на разбитом лице, закричал плачущим голосом:

— Караул! Убили!.. Человека убили! Братцы!..

жилистый — sooniline
шабáш — lõpp, küllalt
повелительно — käsivalt
предводительство — eestvõte
целовальник — kõrtsmik
кузнец — sepp
кузня — seplikoda

гульба — pidutsemine
ворваться* (буд. -вусь, -вёшься)
— sisse tungima
мостовая — tänavasillutis
расцарапывая (дееприч.) — laiali
kraapides
плачущий — nutune-

— Ой, батюшки, убили, до смерти убили человека! — завизжала баба, вышедшая из соседних ворот. Толпа народа собралась около окровавленного кузнеца.

— Мало ты народ-то грабил, рубахи снимал, — сказал чей-то голос, обращаясь к целовальнику, — что ж ты человека убил? Разбойник!

Высокий малый, стоя на крыльце, мутными глазами водил то на целовальника, то на кузнецов, как бы соображая, с кем теперь следует драться.

— Душегуб! — вдруг крикнул он на целовальника. — Вяжи его, ребята!

— Как же, связал одного такого-то! — крикнул целовальник, отмахнувшись от набросившихся на него людей, и, сорвав с себя шапку, он бросил её на землю.

Как будто действие это имело какое-то таинственное угрожающее значение, фабричные, обступившие целовальника, остановились в нерешительности.

— Порядок-то я, брат, знаю очень прекрасно. Я до частного дойду. Ты думаешь, не дойду? Разбойничать-то нонче никому не велят! — прокричал целовальник, поднимая шапку.

— И пойдём, ишь ты! И пойдём... ишь ты, — повторяли друг за другом целовальник и высокий малый, и оба вместе двинулись вперёд по улице. Окровавленный кузнец шёл рядом с ними. Фабричные и посторонний народ с говором и криком шли за ними.

душегуб — *mõrvar*
вяжи (*повел.*) — *seo*
отмахнувшись (*деприч.*) — *eemale*
paisanud
набросившийся (*прим.*) — *kes kal-*
lale tungis

сорвав (*деприм.*) — *kiskunud, tõm-*
manud
частный — *siin: politseimeister*
разбойничать (*-чаю, -чаешь*) —
rõõvima
нонче = нынче — *nüüd*
посторонний — *kõrvaline*

У угла Маросейки, против большого с запертыми ставнями дома, на котором была вывеска сапожного мастера, стояли с унылыми лицами человек двадцать сапожников, худых, истомлённых людей в халатах и оборванных чуйках.

— Он народ разочтй, как следует! — говорил худой мастеровой с жидкой бородой и нахмуренными бровями. — А что ж он нашу кровь сосал, да и квит. Он нас водил, водил — всю неделю. А теперь довёл до последнего конца, а сам уехал.

Увидав народ и окровавленного человека, говоривший мастеровой замолчал, и все сапожники с поспешным любопытством присоединились к двигавшейся толпе.

— Куда идёт народ-то?

— Известно куда, к начальству идёт.

— Что ж, али взаправду наша не взяла сила?

— А ты думал как? Гляди-ко, что народ говорит.

Слышались вопросы и ответы. Целовальник, воспользовавшись увеличением толпы, отстал от народа и вернулся к своему кабаку.

Высокий малый, не замечая исчезновения своего врага целовальника, размахивая оголённой рукой, не переставал говорить, обращая тем на себя общее внимание. На него-то преимущественно жался народ, предполагая от него получить разрешение занимавших всех вопросов.

ставень (мн. ч. стáвни) — luuk
вывеска — silt
сапожный мастер — kingseppmeister
сапожник — kingsepp
истомлённый (прич.) — roidunud
оборванный (прич.) — räbaldunud
разочтй (новел.) — õienda arved
мастеровой — sell

жидкий — hõge
сосать (-сý, -сёшь) — imema
квит — kogras
воспользовавшись (дееприч.) —
kasutanud
увеличение — suuremine
исчезновение — kadumine
преимущественно — peamiselt

— Он покажи порядок, закон покажи, па то начальство поставлено! Так ли я говорю, православные? — говорил высокий малый, чуть заметно улыбаясь. — Он думает и начальства нет? Разве без начальства можно? А то грабить-то мало ли их.

— Что пустое говорить! — отзывались в толпе. — Как же, так и бросят Москву-то? Тебе на смех сказали, а ты и поверил. Мало ли войсков наших идёт. Так его и пустили! На то начальство. Вон послушай, что народ-то баёт, — говорили, указывая на высокого малого.

У стены Китай-города другая небольшая кучка людей окружала человека в фризовой шинели, держащего в руках бумагу.

— Указ, указ читают! Указ читают! — слышалось в толпе, и народ хлынул к чтецу.

Человек в фризовой шинели читал афишку от 31 августа. Когда толпа окружила его, он как бы смутился, но на требования высокого малого, протеснившегося до него, он с лёгким дрожанием в голосе начал читать афишку с начала.

„Я завтра рано еду к светлейшему князю“, — читал он (светлеющему! — торжественно, улыбаясь ртом и хмуря брови, повторил высокий малый) — „чтобы с ним переговорить, действовать и помогать войскам истреблять злодеев; станем и мы из них дух...“ — продолжал чтец и остановился (видал — победоносно прокричал малый. Он тебе всю дистанцию развяжет...) — „искоренять и этих гостей к чорту отправлять; я приеду

баять (народное) (баю, баешь) =	победоносно — võidukalt
говорить — rääkima	развязать* (буд. -вяжy, -вяжешь)
фризовый — friisi riie	— lahti harutama
указ — seadlus, ukaas, käsk(kiri)	искоренять (-няю, -няешь) — välja
афишка — müürileht	juurima, juurteni hävitama
чтец — lugeja	

назад к обеду и примемся за дело; сделаем, и злодеев отделаем“.

Последние слова были прочтены чтецом в совершенном молчании. Высокий малый грустно опустил голову. Очевидно было, что никто не понял этих последних слов. В особенности слова: „я приеду завтра к обеду“ видимо даже огорчили и чтеца и слушателей. Понимание народа было настроено на высокий лад, а это было слишком просто и ненужно понятно; это было то самое, что каждый из них мог бы сказать и что поэтому не мог говорить указ, исходящий от высшей власти. Все стояли в унылом молчании. Высокий малый водил губами и пошатывался.

— У него спросить бы?.. Это сам и есть!.. Как же, успросил!.. А то что ж... Он укажет... — вдруг послышалось в задних рядах толпы, и общее внимание обратилось на выезжавшие на площадь дрожки полицмейстера, сопровождаемого двумя конными драгунами.

Полицейстер, ездивший в это утро по приказанию графа сжигать барки и по случаю этого поручения вырвавшийся большую сумму денег, находившуюся у него в эту минуту в кармане, увидав двинувшуюся к нему толпу людей, приказал кучеру остановиться.

— Что за народ? — крикнул он на людей, разбóзненно и робко приближавшихся к дрожкам.

— Что за народ? Я вас спрашиваю, — повторил полицмейстер, не получивший ответа.

настроено на высокий лад — kõrgesti häälestatud

пошатываться (-ваюсь, -ваешься) — tuikumata

успросить (народное) = спросить — küsima

барка -- lodi

вырвавшийся (прив.) — saanud, teeninud

разбóзненно — üksteisest eraldunult, üksikaks

приближавшийся (прив.) — kes lähenes

— Они, ваше благородие... — сказал приказный во фризовой шинели. — Они, ваше благородие, по объявлению сиятельнейшего графа, не щадя животá, желали послужить, а не то чтобы бунт какой, как сказано от сиятельнейшего графа...

— Граф не уехал, он здесь, и об вас распоряжение будет, — сказал полицмейстер. — Пошёл! — сказал он кучеру.

Толпа остановилась, скучиваясь около тех, которые слышали то, что сказало начальство, и глядя на отъезжающие дрожки.

Полицмейстер в это время испуганно оглянулся, что-то сказал кучеру, и лошади его поехали быстрее.

— Обман, ребята! Веди к самому! — крикнул голос высокого малого. — Не пуцай, ребята! Пуцай отчёт подаст! Держи! — закричали голоса, и народ бегом бросился за дрожками.

Толпа за полицмейстером с шумным говором направилась на Лубянку.

— Что ж, господа да купцы повбѣхали, а мы за то и пропадаем. Что ж мы собаки, что ль! — слышалось чаще в толпе.

XXIV.

Вечером 1 сентября, после своего свидания с Кутузовым, граф Растопчин¹, огорчённый и оскорблённый тем,

---

¹ Растопчин Ф. В., граф (1763—1828), в 1812 года был генерал-губернатором Москвы.

приказный — kantseleikirjutaja
не щадя животá — oma elust
hoolimata

скучиваясь (десприч.) — kokku
tõmbudes
пуцай = пускай — las...
отчёт — aruanne

что его не пригласили на военный совет, что Кутузов не обращал никакого внимания на его предложение принять участие в защите столицы и удивлённый новым открывшимся ему в лагере взглядом, при котором вопрос о спокойствии столицы и о патриотическом её настроении оказывался не только второстепенным, но совершенно ненужным и ничтожным, — огорчённый, оскорблённый и удивлённый всем этим, граф Растопчин вернулся в Москву. Поужинав, граф, не раздеваясь, прилёг на канапé и в 1-м часу был разбужен курьером, который привёз ему письмо от Кутузова. В письме говорилось, что так как войска отступают на Рязанскую дорогу за Москву, то не угодно ли графу выслать полицейских чиновников для проведения войск через город. Известие это не было новостью для Растопчина. Не только со вчерашнего свидания с Кутузовым на Поклонной горе, но и с самого Бородинского сражения, когда все приехавшие в Москву генералы в один голос говорили, что нельзя дать сражения, и когда с разрешения графа каждую ночь уже вывозили казённое имущество, и жители до половины выехали, граф Растопчин знал, что Москва будет оставлена; но тем не менее известие это, сообщённое в форме простой записки с приказанием от Кутузова и полученное ночью, во время первого сна, удивило и раздражило графа.

Впоследствии, объясняя свою деятельность за это время, граф Растопчин в своих записках несколько раз писал, что у него тогда были две важные цели: *De maintenir la tranquillité à Moscou et d'en faire partir les*

казённый — kroonu
имущество — varandus

сообщённый (*прим.*) — teatatud

habitants¹. Если допустить эту двойкую цель, всякое действие Растопчина оказывается безукоризненным. Для чего не вывезены московская святыня, оружие, патроны, порох, запасы хлеба, для чего тысячи жителей обмануты тем, что Москву не сдадут, и разорены? — Для того, чтобы соблюсти спокойствие в столице, отвечает объяснение графа Растопчина. Для чего вывозились кипы ненужных бумаг из присутственных мест и шар Леппиха и другие предметы? — Для того, чтобы оставить город пустым, отвечает объяснение графа Растопчина. Стбит только допустить, что что-нибудь угрожало народному спокойствию, и всякое действие становится оправданным...

Все ужасы террора основывались только на заботе о народном спокойствии.

На чём же основывался страх графа Растопчина о народном спокойствии в Москве в 1812 году? Какая причина была предполагать в городе склонность к возмущению? Жители уезжали; войска, отступая, наполняли Москву. Почему должен был вследствие этого бунтовать народ?

Не только в Москве, но во всей России при вступлении неприятеля не произошло ничего похожего на возмущение. 1 и 2 сентября более 10 тысяч людей оставалось в Москве, и кроме толпы, собравшейся на дворе

¹ Соблюсти спокойствие в Москве и выпроводить из неё жителей.

двойкий — kahekoradne
 безукоризненный — laitmatu
 обмануты (прич.) — (nad) on petetud
 разорены (прич.) — paljaks röövitud, laostatud
 кипа — virn

присутственное место — ametiasutis
 склонность (ж. р.) — kalduvus
 возмущение — mäss
 бунтовать (-түйю, -түйешь) — mäs-sama

главнокомандующего и привлечённой им самим, — ничего не было. Очевидно, что ещё менее надо было ожидать волнения в народе, ежели бы, после Бородинского сражения, когда оставление Москвы стало очевидно или, по крайней мере, вероятно, ежели бы тогда вместо того, чтобы волновать народ раздачей оружия и афишами, Растопчин принял меры к вывозу всей святыни, пороху, зарядов и денег, и прямо объявил бы народу, что город оставляется.

Растопчин, пылкий, сангвинический человек, всегда вращавшийся в высших кругах администрации, хотя и с патриотическим чувством, не имел ни малейшего понятия о том народе, которым он думал управлять. С самого начала вступления неприятеля в Смоленск, Растопчин в воображении своём составил для себя роль руководителя народного чувства „сердца России“. Ему не только казалось (как это кажется каждому администратору), что он управлял внешними действиями жителей Москвы, но ему казалось, что он руководил их настроением, посредством своих воззваний и афиш, писанных тем ёрническим языком, который в своей среде презирает народ и который он не понимает, когда слышит его сверху. Красивая роль руководителя народного чувства так понравилась Растопчину, он так сжился с нею, что необходимость выйти из этой роли, необходимость оставления Москвы без всякого героического эффекта застала его врасплѣх, и он вдруг потерял из-под ног почву, на которой стоял, и решительно не знал, что ему делать. Он хотя и знал, но

раздача — jagamine
 вращавшийся (прич.) — kes liikus,
 pöörles
 посредством (предл.) — abil
 воззвание — üleskutse
 ёрнический — lõõrip

презирать — (-раю, -раешь) — hal-
 vustama, vihkama
 сжиться* (буд. сживусь, сжи-
 вёшься) — kodunema, koha-
 nema, harjuma
 почва — pind

не верил всею душою до последней минуты в оставление Москвы и ничего не делал с этой целью. Жители выезжали против его желания. Ежели вывозили присутственные места, то только по требованию чиновников, с которыми неохотно соглашался граф. Сам же он был занят только тою ролью, которую он для себя сделал. Как это часто бывает с людьми, одарёнными пылким воображением, он знал уже давно, что Москву оставят, но знал только по рассуждению, но всею душою не верил в это, не перенёсся воображением в это новое положение.

Вся деятельность его, старательная и энергическая (насколько она была полезна и отражалась на народ, это другой вопрос), вся деятельность его была направлена только на то, чтобы возбудить в жителях то чувство, которое он сам испытывал — патриотическую ненависть к французам и уверенность в себе.

Но когда событие принимало свои настоящие, исторические размеры, когда оказалось недостаточным только словами выражать свою ненависть французам; когда нельзя было даже сражением выразить эту ненависть; когда уверенность в себе оказалась бесполезною по отношению к одному вопросу Москвы, когда всё население, как один человек, бросая свои имущества, потекло вон из Москвы, показывая этим отрицательным действием всю силу своего народного чувства, — тогда роль, выбранная Растопчиным, оказалась вдруг бессмысленной. Он почувствовал себя вдруг одиноким, слабым и смешным, без почвы под ногами.

неохотно — vastu tahtmist
одарённый (*прич.*) — õnnistatud,
kellele on antud
рассуждение — arutus, kaalutus

по рассуждению — kaalutluse järgi
перенестись* (*буд. -сѣсь, -сѣшься*)
— üle kanduma
отрицательный — eitav

Получив, пробуждённый от сна, холодную и повелительную записку от Кутузова, Растопчин почувствовал себя тем более раздражённым, чем более он чувствовал себя виновным. В Москве оставалось всё то, что именно было поручено ему, всё то казённое, что ему должно было вывезти. Вывезти всё не было возможности.

„Кто же виноват в этом, кто допустил до этого? — думал он. — Разумеется, не я. У меня всё было готово, я держал Москву вот как! И вот до чего они довели дело! Мерзавцы, изменники!“ думал он, не определяя хорошенько того, кто были эти мерзавцы и изменники, но чувствуя необходимость ненавидеть этих кого-то, изменников, которые были виноваты в том фальшивом и смешном положении, в котором он находился.

Всю эту ночь граф Растопчин отдавал приказания, за которыми со всех сторон Москвы приезжали к нему. Приближённые никогда не видали графа столь мрачным и раздражённым.

— „Ваше сиятельство, из вóтчинного департамента пришли, от директора за приказаниями... Из консистории, из сената, из университета, из воспитательного дома; викарный прислал... спрашивает... О пожарной команде как прикажете? Из острога смотритель... из жёлтого дома смотритель...“ всю ночь не переставая докладывали графу. На все эти вопросы граф давал короткие и сердитые ответы, показывавшие, что приказания его теперь не нужны, что всё старательно подготовленное им дело теперь испóрчено кем-то и что этот кто-то будет

мерзавец (*p. n.* -вца) — lurjus
не определяя (*деепр.*) — kindlaks
määrāmata, piiritlemata
вóтчинный — pärusmõisa-
викарный — asepeapiiskop

острог — vangla
смотритель — ülevaataja, vaht
жёлтый дом — hullumaja
испóрчено (*прич. кр. ф.*) — rikutud

нести всю ответственность за всё то, что произойдёт теперь.

— Ну, скажи ты этому болвану, — отвечал он на запрос от вотчинного департамента, — чтоб он оставался караулить свои бумаги. Ну, что ты спрашиваешь вздор о пожарной команде? Есть лошади, пускай едут во Владимир. Не французам оставлять.

— Ваше сиятельство, приехал надзиратель из сумасшедшего дома, как прикажете?

— Как прикажу? Пускай едут все, вот и всё... А сумасшедших выпустить в город. Когда у нас сумасшедшие армиями командуют, так этим и бог велел.

На вопрос о колёдниках, которые сидели в яме, граф сердито крикнул на смотрителя.

— Что ж, тебе два батальона конвоя дать, которого нет? Пустить их, и всё!

— Ваше сиятельство, есть политические: Мешков¹, Верещагин².

— Верещагин! Он ещё не повешен? — крикнул Растопчин. — Привести его ко мне.

---

¹ Мешков — биография неизвестна. Был арестован одновременно с Верещагиным и сидел в Москве, в тюремном замке.

² Верещагин М. Н. — купеческий сын. Год рождения неизвестен. Был переводчиком с французского некоторых произведений западноевропейской литературы. В 1812 году был обвинён сенатом в переводе и распространении прокламаций Наполеона, за что был приго-

---

болван — tola
надзиратель — järelevaataja, val-
vur
колёдник — sunnitööline
яма — kaevand, koobas, aresti-
maja, vangla
политический — poliitiline vang

повешен (прич. кр. ф.) — (on) üles
poodud
обвинён (прич. кр. ф.) — (on) süüdis-
tatud
приговорён (прич. кр. ф.) — (on)
mõistetud

К 9 часам утра, когда войска уже двинулись через Москву, никто больше не приходил спрашивать распоряжений графа. Все, кто мог ехать, ехали сами собой; те, кто оставались, решали сами с собой, что им надо делать.

Граф велел подавать лошадей, чтобы ехать в Сокольникови, и, нахмуренный, жёлтый и молчаливый, сложив руки, сидел в своём кабинете.

Каждому администратору в спокойное, небурное время кажется, что только его усилиями движется всё ему подведомственное народонаселение, и в этом сознании своей необходимости каждый администратор чувствует главную награду за свои труды и усилия. Понятно, что до тех пор, пока историческое море спокойно, правителю-администратору, с своей уютной лодочкой упирающемуся шестом в корабль народа и самому двигающемуся, должно казаться, что его усилиями двигается корабль, в который он упирается. Но стоит подняться буре, взволноваться морю и двинуться самому кораблю, и тогда уж заблуждение невозможно. Корабль идёт своим громадным, независимым ходом, шест не достаёт до двинувшегося корабля,

---

ворён к каторжным работам. 14 сентября 1812 года был растёрзан московской толпой по приказу и подстрекательству генерал-губернатора Растончина.

небурный — mittetormine, rahulik,
vaikne

усилие — jõupingutus

подведомственный — alluv

народонаселение — elanikkond

уютный — ebakindel, nõrk

упирающийся (прим.) — vastu toe-
tav

шест — ritv

корабль (м. р.) — laev

каторжный — sunni-

растёрзан (прим. кр. ф.) — tükkideks v. puruks kistud

подстрекательство — ässitamine,
kihutamine

и правитель вдруг из положения властителя, источника силы, переходит в ничтожного, бесполезного и слабого человека.

Растопчин чувствовал это, и это-то раздражало его.

Полицмейстер, которого остановила толпа, и адъютант, который пришёл доложить, что лошади готовы, вместе вошли к графу. Оба они были бледны, и полицмейстер, передав об исполнѣнии своего поручѣния, сообщил, что на дворе графа стояла огромная толпа народа, желавшего его видеть.

Растопчин, ни слѣва не отвѣчая, встал и быстрыми шагами направился в свою роскошную, светлую гостиную, подошёл к двери балкона, взялся за ручку, оставил её и перешёл к окну, из которого виднее была вся толпа. Высокий малый стоял в передних рядах и с строгим лицом, размахивая рукой, говорил что-то. Окровавленный кузнец с мрачным видом стоял подле него. Сквозь закрытые окна слышен был гул голосов.

— Готов экипаж? — сказал Растопчин, отходя от окна.

— Готов, ваше сиятельство, — сказал адъютант.

Растопчин опять подошёл к двери балкона.

— Да чего они хотят? — спросил он у полицмейстера.

— Ваше сиятельство, они говорят, что собрались итти на французов по вашему приказанию, про измену что-то кричали. Но буйная толпа, ваше сиятельство. Я насилу уехал. Ваше сиятельство, осмелюсь предложить . . .

— Извольте итти, я без вас знаю, что делать, — сердито крикнул Растопчин. Он стоял у двери балкона, глядя на толпу: „Вот что они сделали с Россией! Вот

властитель (м. р.) — valitseja

источник — allikas

ничтожный — tühine

поручение — ülesanne

буйный — müratsev

что они сделали со мной!“ думал Растопчин, чувствуя поднимающийся в своей душе неудержимый гнев против кого-то того, кому можно было приписать причину всего случившегося. Как это часто бывает с горячими людьми, гнев уже владел им, но он искал ещё для него предмета. „La voilà la populace, la lie du peuple“, думал он, глядя на толпу: „la plèbe qu'ils ont soulevé par leur sottise. Il leur faut une victime“¹, пришло ему в голову, глядя на размахивающего рукой высокого малого. И потому самому это пришло ему в голову, что ему нужна была эта жертва, этот предмет для своего гнева.

— Готов экипаж? — в другой раз спросил он.

— Готов, ваше сиятельство. Что прикажете насчёт Верещáгина? Он ждёт у крыльца — отвечал адъютант.

— А! — вскрикнул Растопчин, как поражённый каким-то неожиданным воспоминанием.

И, быстро отворив дверь, он вышел решительными шагами на балкон. Говор вдруг умолк, шапки и картузы снялись, и все глаза поднялись к вышедшему графу.

— Здравствуйте, ребята! — сказал граф быстро и громко. — Спасибо, что пришли. Я сейчас выйду к вам, но прежде всего нам надо управиться с злодеем. Нам надо наказать злодея, от которого погибла Москва. Подождите меня! — И граф так же быстро вернулся в покои, крепко хлопнув дверью.

По толпе пробежал одобрителный ропот удовольствия.

---

¹ Вот она, эта народная толпа, эти подóнки населения, чернь, которую они подняли своею глупостью! Им нужна жертва.

приписать* (буд. -пишú, -пí-
шешь) — *sin*: süüdistama
поражённый (прим.) — *rabatud*
управиться* (буд. -влюсь, -вишься)
— *toime tulema*

покой — *tuba*
одобрителный — *heakskiitev*
ропот — *ümin*

„Он, значит, злодеев управит усѣх! А ты говоришь — француз . . . он тебе всю дистанцию развяжет!“ — говорили люди, как будто упрекая друг друга в своём маловерии.

Через несколько минут из парадных дверей поспешно вышел офицер, приказал что-то, и драгуны вытянулись. Толпа от балкона жадно подвинулась к крыльцу. Выйдя гневно-быстрыми шагами на крыльцо, Растопчин поспешно оглянулся вокруг себя, как бы отыскивая кого-то.

— Где он? — сказал граф. И в ту же минуту, как он сказал это, он увидел из-за дома выходявшего между двух драгун молодого человека, с длинной, тонкой шеей, с головой до половины выбритой и заросшей. Молодой человек этот был одет в щегольской, когда-то крытый синим сукном, потёртый лисий тулупчик и в грязные посконные арестантские шаровары, засунутые в нечищенные, стóптаные тонкие сапоги. На тонких, слабых ногах тяжело висели кандалы, затруднявшие нерешительную походку молодого человека.

— А! — сказал Растопчин, поспешно отворачивая свой взгляд от молодого человека в лисьем тулупчике и указывая на нижнюю ступеньку крыльца, — поставьте его сюда! — Молодой человек, бренча кандалами, тяжело переступил на указываемую ступеньку, придержав пальцем нажимавший воротник тулупчика, повернул два раза длинной шеей и, вздохнув, покорным жестом сложил перед животом тонкие, нерабочие руки.

усѣх (*народное*) = всех
упрекая (*дееприч.*) — ette heites
заросший (*прич.*) — juustesse kas-
vanud
потёртый — kulunud
посконный — kanepiriidest

шаровары (*ми. ч.*) — püksid
засунутый (*прич.*) — topitud
стóптаный — ärakantud, tallatud
затруднявший (*прич.*) — mis ras-
kendas

Несколько секунд, пока молодой человек устанавливался на ступеньке, продолжалось молчание. Только в задних рядах сдавливающихся к одному месту людей слышались кряхтенье, стоны, толчки и топот переставляемых ног.

Растопчин, ожидая того, чтобы он остановился на указанном месте, хмурясь потирал рукою лицо.

— Ребята! — сказал Растопчин металлически-звонким голосом, — этот человек — Верецагин, тот самый мерзавец, от которого погибла Москва.

Молодой человек в лисьем тулупчике стоял в поборной позе, сложив кисти рук вместе перед животом и немало согнувшись. Исхудалое, с безнадёжным выражением, изуродованное бритою головою молодое лицо его было опущено вниз. При первых словах графа он медленно поднял голову и поглядел снизу на графа, как бы желая что-то сказать ему или хоть встретить его взгляд. Но Растопчин не смотрел на него. На длинной тонкой шее молодого человека, как верёвка, напружилась и посинела жила за ухом, и вдруг покраснело лицо.

Все глаза были устремлены на него. Он посмотрел на толпу и, как бы обнадёженный тем выражением, которое он прочёл на лицах людей, он печально и робко улыбнулся и, опять опустив голову, поправился ногами на ступеньке.

— Он изменил своему царю и отечеству, он передался Бонапарту, он один из всех русских осрамил имя русского, и от него погибает Москва, — говорил Растопчин ровным, резким голосом; но вдруг быстро взглянул вниз

устанавливаться (-ваюсь, -ва-
ешься) — raigale saama, aset
leidma
сдавливающийся (прич.) — trügiv

кряхтенье — ähkimine
толчок (мн. ч. -чки) — tõuge
исхудалый — kõhnunud
жила — soon

на Верещагина, продолжавшего стоять в той же покорной позе. Как будто взгляд этот взорвал его, он, подняв руку, закричал, почти обращаясь к народу:

— Своим судом расправляйтесь с ним! отдаю его вам!

Народ молчал и только всё теснее и теснее нажимал друг на друга. Держать друг друга, дышать в этой заражённой духоте, не иметь силы пошевелиться и ждать чего-то неизвестного, непонятного и страшного, становилось невыносимо. Люди, стоявшие в передних рядах, видевшие и слышавшие всё то, что происходило перед ними, все с испуганно-широко раскрытыми глазами и разинутыми ртами, напрягая все свои силы, удерживали на своих спинах напор задних.

— Бей его! . . . Пускай погибнет изменник и не срамит имя русского! — закричал Растопчин. — Руби! Я приказываю! — Услыхав не слова, но гневные звуки Растопчина, толпа застонала и надвинулась, но опять остановилась.

— Граф! . . . — проговорил среди опять наступившей минутной тишины робкий и вместе театральный голос Верещагина. — Граф, один бог над нами . . . — сказал Верещагин, подняв голову, и опять налилась толстая жила на его тонкой шее, и краска быстро выступила и сбежала с его лица. Он не договорил того, что хотел сказать.

— Руби его! — Я приказываю! . . . — прокричал Растопчин, вдруг побледнев так же, как и Верещагин.

— Сабли вон! — крикул офицер драгунам, сам вынимая саблю.

Другая ещё сильнейшая волна взмыла по народу и,

расправляться (-ляюсь, -ляешься) волна — laine
— arveid õiendama, omakohutavvitama взмыть* (буд. взмёшь, -ет) —
rubi (повел.) — gain üles tõusma, ärevile ajama

добежав до передних рядов, волна эта сдвинула передних и, шата́я, поднесла́ к самым ступеням крыльца. Высокий малый, с окаменёлым выражением лица́ и с остановившейся по́днятой рукой, стоял рядом с Верещагиным.

— Руби! — прошептал почти офицер драгунам. И один из солдат вдруг с искажёвшимся злобой лицом ударил Верещагина тупым палашом по голове.

„А!“ коротко и удивлённо вскрикнул Верещагин, испуганно оглядываясь и как будто не понимал, зачем это было с ним сделано. Такой же стон удивления и ужаса пробежал по толпе. „О, господа!“ — слышалось чьё-то печальное восклицание.

Но вслед за восклицанием удивления, вёрвавшимся у Верещагина, он жалобно вскрикнул от боли, и этот крик погубил его. Та натянутая до высшей степени преграда человеческого чувства, которая держала ещё толпу, прорвалась мгновенно. Преступление было начато, необходимо было довершить его. Жалобный стон упрека был заглушён грозным и гнёвным рёвом толпы. Как последний седьмой вал, разбивающий корабли, взмыла от задних рядов эта последняя неудержимая волна, донеслась до передних, сбила их и поглотила всё. Ударивший драгун хотел повторить свой удар. Верещагин с криком ужаса, заслонясь руками, бросился к народу. Высокий

сдвинуть* (буд. -ну, -нешь) — pi-
hutama

шата́я (дееприч.) — tuikudes

поднести* (буд. -несу́, -несёшь) —
kandma, viima

искажёвшийся (прич.) — moondu-
nud

палаш — mõõk

вёрвавшийся (прич.) — väljarää-
senud

жалобно — kaeblikult

преграда — piir

прорваться* (буд. -рвусь, -рвёшься)
— katkema

поглотить* (буд. -лощу́, -тишь) —
neelama

заслонясь (дееприч.) — varjates

малый, на которого он наткнулся, вцепился руками в тонкую шею Верещагина и с диким криком, с ним вместе, упал под ноги навалившегося ревущего народа.

Одни били и рвали Верещагина, другие высокого малого. И крики задавленных людей и тех, которые старались спасти высокого малого, только возбуждали ярость толпы. Долго драгуны не могли освободить окровавленного до полусмерти избитого фабричного. И долго, несмотря на всю горячечную поспешность, с которою толпа старалась довершить раз начатое дело, те люди, которые били, душили и рвали Верещагина, не могли убить его; но толпа давила их со всех сторон, с ними в середине, как одна масса, колыхалась из стороны в сторону и не давала им возможности ни добить, ни бросить его.

„Топором-то бей, что ли!.. Задавили?.. Изменщик, Христа продал!.. Жив... живущ... По делам вору мұка. Топором-то!.. Али жив?“

Только когда уже перестала бороться жертва и вскрики её заменились равномерным протяжным хрипением, толпа стала торопливо перемещаться около лежащего окровавленного трупа. Каждый подходил, взглядывал на то, что было сделано, и с ужасом, упрёком и удивлением теснился назад.

„О, господи, народ-то что зверь; где же живому быть!“ слышалось в толпе. „И малый-то молодой... должно из купцов. То-то народ!.. Сказывают — не тот... Как же

наткнуться* (буд. -нұсь, -нёшься)

— millegi otsa v. vastu pörkama

навалившийся (прич.) — kes peale laskus, kallale tormas

горячечный — palavikuline

довершить* (буд. -вершү, -шйшь)

— lõpule viima

по делам вору мұка — paras piin vargale

замениться* (буд. -нишься, -нится)

— asendama

хрипение — korin

перемещаться (-щайсь, -щайсья)

— kohta vahetama

не тот . . . О, господи! . . . Другого избили, говорят, чуть жив . . . Эх, народ . . . кто греха не боится . . .”, — говорили теперь те же люди, с болезненно-жалостным выражением глядя на мёртвое тело с посиневшим измазанным кровью и пылью лицом и с разрубленной длинной, тонкой шеей.

Полицейский, старательный чиновник, найдя неприличным присутствие трупа на дворе его сиятельства, приказал драгунам вытащить тело на улицу. Два драгуна взялись за изуродованные ноги и поволокли тело. Окровавленная, измазанная в пыли, мёртвая бритая голова на длинной шее, подворачиваясь, волочилась по земле. Народ жался прочь от трупа.

В то время как Верещагин упал, и толпа с диким рёвом стеснилась и заколыхалась над ним, Растопчин вдруг побледнел, и вместо того, чтобы идти к заднему крыльцу, у которого ждали его лошади, он, сам не зная куда и зачем, опустив голову, быстрыми шагами пошёл по коридору, ведущему в комнаты нижнего этажа. Лицо графа было бледно, и он не мог остановить трясущуюся, как в лихорадке, нижнюю челюсть.

— Ваше сиятельство, сюда . . . куда изволите? . . . сюда пожалуйста, — проговорил сзади его дрожащий, испуганный голос. Граф Растопчин не в силах был ничего отвечать и, послушно повернувшись, пошёл туда, куда ему указывали. У заднего крыльца стояла коляска. Далёкий гул ревущей толпы слышался и здесь. Граф Растопчин торопливо сел в коляску и велел ехать в свой загородный дом в Сокольниках. Выехав на Мясницкую и не слыша больше криков толпы, граф стал раскаиваться.

старательный — rüüdlik
поволочь * (буд. -локý, -лочёшь) —
lohistama

подворачиваясь (депр.) — käänel-
des
ревущий (прим.) — mõrgav

Он с неудовольствием вспомнил теперь волнение и испуг, которые он выказал перед своими подчинёнными. „La populace est terrible, elle est hideuse“, думал он по-французски. „Ils sont comme les loups qu'on ne peut apaiser qu'avec de la chaire“¹. „Граф! один бог над нами!“ вдруг вспомнились ему слова Верещагина, и неприятное чувство холода пробежало по спине графа Растопчина. Но чувство это было мгновенно, и граф Растопчин презрительно улыбнулся сам над собою. „J'avais d'autres devoirs“, подумал он. „Il fallait apaiser le peuple. Bien d'autres victimes ont péri et périssent pour le bien publique“², и он стал думать о тех общих обязанностях, которые он имел в отношении своего семейства, своей (порученной ему) столицы и о самом себе — не как о Фёдоре Васильевиче Растопчине (он полагал, что Фёдор Васильевич Растопчин жертвует собою для bien publique), но о себе как о главнокомандующем, о представителе власти и уполномоченном царя. „Ежели бы я был только Фёдор Васильевич, ma ligne de conduite aurait été tout autrement tracée“³, но я должен был сохранить и жизнь, и достоинство главнокомандующего“.

Слегка покачиваясь на мягких рессорах экипажа и не слыша более страшных звуков толпы, Растопчин физически успокоился, и, как это всегда бывает, одновременно с физическим успокоением ум подделал для него и при-

¹ Народная толпа страшна, она отвратительна. Они — как волки: их ничем не удовлетворишь, кроме мяса.

² У меня были другие обязанности — следовало удовлетворить народ. Много других жертв погибло и погибнет для общественного блага.

³ Путь моей жизни был бы совсем иначе начертан.

уполномоченный — volinik
покачиваясь (деенрич.) — õõtsudes
рессора — vedru (sõiduki)

подделывать* (буд. -лаю, -лаешь) —
järele tegema, võltsima, siin:
leidma

чины нравственного успокоения. Мысль, успокоившая Растопчина, была не новая. С тех пор, как [существует мир и люди убивают друг друга, никогда ни один человек не совершил преступления над себе подобным, не успокаивая себя этой самой мыслью. Мысль эта есть le bien publique¹, предполагаемое благо других людей.

Для человека, не одержимого страстью, благо это никогда неизвестно; но человек, совершающий преступление, всегда верно знает, в чём состоит это благо. И Растопчин теперь знал это.

Он не только в рассуждениях своих не упрекал себя в сделанном им поступке, но находил причины самодовольства в том, что он так удачно умел воспользоваться этим à propos² — наказать преступника и вместе с тем успокоить толпу.

„Верещагин был судим и приговорён к смертной казни“, думал Растопчин (хотя Верещагин сенатом был только приговорён к каторжной работе). „Он был предатель и изменник; я не мог оставить его безнаказанным, и потом je faisais d'une pierre deux coups³: я для успокоения отдавал жертву народу и казнил злодея“.

Приехав в свой загородный дом и занявшись домашними распоряжениями, граф совершенно успокоился.

Через полчаса граф ехал на быстрых лошадях через Сокольничье поле, уже не вспоминая о том, что было, и думая и соображая только о том, что будет. Он ехал теперь к Яузскому мосту, где, ему сказали, был Кутузов. —

---

¹ Общественное благо.

² Удобным случаем.

³ Одним камнем делал два удара.

Граф Растопчин готовил в своём воображении те гневные и ко́лкие упрёки, которые он выскажет Кутузову за его обман. Он даст почувствовать этой старой придворной лисице, что ответственность за все несчастья, имеющие произойти от оставления столицы, от гибели России (как думал Растопчин), ляжет на одну его выжившую из ума, старую голову. Обдумывая вперёд то, что он скажет ему, Растопчин гневно поворачивался в коляске и сердито оглядывался по сторонам.

Сокольничье поле было пустынно. Только в конце его, у богадёлни и жёлтого дома, виднелись кучки людей в белых одеждах и несколько одиноких, таких же людей, которые шли по полю, что-то крича и разма́хивая руками.

Один из них бежал наперерез коляске графа Растопчина. И сам граф Растопчин, и его кучер, и драгуны, все смотрели, с смутным чувством ужаса и любопытства на этих выпущенных сумасшедших и в особенности на того, который подбежал к ним.

Шатаясь на своих длинных, худых ногах, в развевающемся халате, сумасшедший этот стремительно бежал, не спуская глаз с Растопчина, крича ему что-то хриплым голосом и делая знаки, чтобы он остановился. Обросшее неровными клочками бороды, сумрачное и торжественное лицо сумасшедшего было худо и жёлто. Чёрные, агатовые зрачки его бегали низко и тревожно по шафранно-жёлтым белкам.

— Стой! Остановись! Я говорю! — вскрикивал он

ко́лкий — *torkav*
 упрёк — *etteheide*
 богадёлня — *vanadekodu*
 развевающийся (*прич.*) — *lehviv*
 стремительно — *suure hooga*

обросший (*прич.*) — *habemesse kasvanud*
 клочок (*р. н.* -чка) — *tükk, tutt*
 агатовый — *ahhaadi- (värvus)*
 зрачок (*р. н.* -чка) — *silmatera*

пронзительно и опять что-то задыхаясь кричал с внушительными интонациями и жестами.

Он поровнялся с коляской и бежал с ней рядом.

— Трижды убили меня, трижды воскресал из мёртвых. Они побили камёнками, распяли меня... Я воскресну... воскресну... воскресну. Растерзали моё тело. Царствие божие разрушится... Трижды разрушу и трижды воздвигну его! — кричал он, всё возвышая и возвышая голос. Граф Растопчин вдруг побледнел так, как он побледнел тогда, когда толпа бросилась на Верещагина. Он отвернулся. „Пош... пошёл скорее!“ крикнул он на кучера дрожащим голосом. Коляска помчалась во все ноги лошадей; но долго ещё позади себя граф Растопчин слышал отдаляющийся безумный отчаянный крик, а перед глазами видел одно удивлённо-испуганное, окровавленное лицо изменника в меховом тулупчике.

Как ни свежо было это воспоминание, Растопчин чувствовал теперь, что оно глубоко, до крови, врзалось в его сердце. Он ясно чувствовал теперь, что кровавый след этого воспоминания никогда не заживёт, но что, напротив, чем дальше, тем злее, мучительнее будет жить до конца жизни это страшное воспоминание в его сердце. Он слышал, ему казалось теперь, звуки своих слов: „Руби его, вы головой ответите мне!“ — „Зачем я сказал эти слова? Как-то нечаянно сказал. Я мог не сказать их“, думал он: „тогда ничего бы не было“. Он видел испуганное и потом вдруг ожесточившееся лицо ударившего.

внушительный — mõjuv
поровняться* (буд. -няюсь, -ня-
ешься) — kõrvale v. ühele joonele
jõudma (liikudes)
воскресать (-саю, -саешь) — sur-
nuist üles tõusma
распять* (буд. -пнүү, -пнёшь) — risti
lõbma

воздвигнуть* (буд. -ну, -нешь) —
üles ehitama
возвышая (деприч.) — kõrgenda-
des
отдаляющийся (прич.) — maha-
jääv, kaugenev

драгуна и взгляд молчаливого, робкого упрёка, который бросил на него этот мальчик в лисьем тулупе... — „Но я не для себя сделал это. Я должен был поступить так *La plèbe, le traître... le bien publique*“¹, думал он.

У Яузского моста всё ещё теснилось войско. Было жарко. Кутузов, нахмуренный, унылый, сидел на лавке около моста и плётью играл по песку, когда с шумом подсакала к нему коляска. Человек в генеральском мундире, в шляпе с плюмажем, с бегающими, не то гневными, не то испуганными глазами, подошёл к Кутузову и стал по-французски говорить ему что-то. Это был граф Раstopчин. Он говорил Кутузову, что явился сюда, потому что Москвы и столицы нет больше, и есть одна армия.

— Было бы другое, ежели бы ваша светлость не сказали мне, что вы не сдадите Москвы, не давши ещё сражения: всего этого не было бы! — сказал он.

Кутузов глядел на Раstopчина и, как будто не понимая значения обращённых к нему слов, старательно усиливался прочесть что-то особенное, написанное в эту минуту на лице говорившего с ним человека. Раstopчин, смутившись, замолчал. Кутузов слегка покачал головой и, не спуская испытующего взгляда с лица Раstopчина, тихо проговорил: — Да, я не отдам Москвы, не дав сражения.

Думал ли Кутузов совершенно о другом, говоря эти слова, или нарочно, зная их бессмысленность, сказал их, но граф Раstopчин ничего не ответил и поспешно отошёл от Кутузова. И — странное дело! Главнокомандующий

---

¹ Чёрнь, изменник... общественное благо.

Москвы, гордый граф Растопчин, взяв в руки нага́йку, подошёл к мосту и стал с криком разгонять столпившиеся повозки.

ТОМ ЧЕТВЁРТЫЙ.

Часть первая.

IX.

На гауптва́хте, куда был отведён Пьер, офицер и солдаты, взявшие его, обращались с ним враждебно, но вместе с тем и уважительно. Ещё чувствовалось в их отношениях к нему и сомнение о том, кто он такой (не очень ли важный человек), и враждебность вследствие ещё свежей их личной борьбы с ним.

Но когда в утро другого дня пришла смена, то Пьер почувствовал, что для нового караула — для офицеров и солдат — он уже не имел того смысла, который имел для тех, которые его взяли. И действительно, в этом большом, толстом человеке в мужицком кафтане, караульные другого дня уже не видели того живого человека, который так отчаянно дрался с мародёром и с конвóйными солдатами и сказал торжественную фразу о спасении ребёнка, а видели только 17-го из содержащихся за чем-то, по приказанию высшего начальства, взятых русских. Ежели и было что-нибудь особенное в Пьере, то только его неробкий, сосредоточенно-задумчивый вид и французский язык, на котором он удивительно для фран-

---

нага́йка — nuut
столпившийся (прич.) — kokku-
kuhjunud
гауптва́хта — peavaht
враждебно — vaenulikult
уважительно — lugupidavalt

враждебность (ж. р.) — vaenu-
likkus
содержащийся (прич.) — kinni-
peetav
сосредоточенно-задумчивый — pi-
nevalt-mõttlik

цузов хорошо изъяснялся. Несмотря на то, в тот же день Пьера соединили с другими взятыми подозрительными людьми, так как отдельная комната, которую он занимал, понадобилась офицеру.

Все русские, содержащиеся с Пьером, были люди самого низкого звания. И все они, узнав в Пьере барина, чуждались его тем более, что он говорил по-французски. Пьер с грустью слышал над собою насмешки.

На другой день вечером Пьер узнал, что все эти содержащиеся (и, вероятно, он в том же числе) должны были быть судимы за поджигательство. На третий день Пьера водили с другими в какой-то дом, где сидели французский генерал с белыми усами, два полковника и другие французы с шарфами на руках. Пьеру, наравне с другими, делали с тою, мнимо-превышающею человеческие слабости, точностью и определительностью, с которой обыкновенно обращаются с подсудимыми, вопросы о том, кто он? где он был? с какой целью и т. п.

Вопросы эти, оставляя в стороне сущность жизненного дела и исключая возможность раскрытия этой сущности, как и все вопросы, делаемые на судах, имели целью только подставление того желобка, по которому судящие желали, чтобы потекли ответы подсудимого и привели его к желаемой цели, т. е. к обвинению. Как только он начинал говорить что-нибудь такое, что не

изъясниться = говорить
подозрительный — kahtlane
чуждаться (-даюсь, -даешься) —
võrastama
насмешка — pilge, naer (kellegi
üle)
поджигательство — süütamine
мнимо-превышающий (прим.) —
oletatavasti-ületav

подсудимый — kohtualune
исключая (депр.) — kõrvale jättes
подставление — allapanemine,
ette- v. allaseadmine
желобок (р. н. -бка) — rennike
судящий (прим.) — kohtumõistja
обвинение — süüdimõistmine

удовлетворяло цели обвинёния, так принимали желобок, и вода могла течь, куда ей угодно. Кроме того, Пьер испытал то же, что во всех судах испытывает подсудимый: недоумёние, для чего делали ему все эти вопросы. Ему чувствовалось, что только из снисходительности или как бы из учтённости употреблялась эта уловка подставляемого желобка. Он знал, что находился во власти этих людей, что только власть привела его сюда, что только власть давала им права требовать ответы на вопросы, что единственная цель этого собрания состояла в том, чтобы обвинить его. И поэтому, так как была власть и было желание обвинить, то не нужно было и уловки вопросов и суда. Очевидно было, что все ответы должны были привести к виновности. На вопрос, что он делал, когда его взяли, Пьер отвечал с некоторою трагичностью, что он „нёс к родителям ребёнка, qu'il avait sauvé des flammes“¹. — Для чего он дрался с мародёром? Пьер отвечал, что он „защищал женщину, что защита оскорбляемой женщины есть обязанность каждого человека, что...“ Его остановили: это не шло к делу. Для чего он был на дворе загоревшегося дома, на котором его видели свидетели? Он отвечал, что „шёл посмотреть, что делалось в Москве“. Его опять остановили: у него не спрашивали, куда он шёл, а для чего он находился подле пожара. Кто он? повторили ему первый вопрос, на который он сказал, что не хочет отвечать. Опять он отвечал, что не может сказать этого.

— Запишите, это нехорошо. Очень нехорошо, — строго

---

¹ Которого он спас из пламени.

употребляться (-ляешься, -ляется) уловка — kaval võte, „nõks“
— tarvitama

сказал ему генерал с белыми усами и красным румяным лицом.

На четвёртый день пожары начались на Зубовском валу.

Пьера с тринадцатью другими отвели на Крымский Брод в карётный сарай купеческого дома. Проходя по улицам, Пьер задыхался от дыма, который, казалось, стоял над всем городом. С разных сторон виднелись пожары. Пьер тогда ещё не понимал значения сожжённой Москвы и с ужасом смотрел на эти пожары.

В каретном сарае одного дома у Крымского Брода Пьер пробыл ещё четыре дня и во время этих дней из разговора французских солдат узнал, что все, содержащиеся здесь, ожидали с каждым днём решения маршала. Какого маршала, Пьер не мог узнать от солдата. Для солдата, очевидно, маршал представлялся высшим и несколько тайнственным звеном власти.

Эти первые дни до 8 сентября, дня, в который пленных повели на вторичный допрос, были самые тяжёлые для Пьера.

Х.

8 сентября в сарай к пленным вошёл очень важный офицер, судя по почтительности, с которой с ним обращались караульные. Офицер этот, вероятно штабный, с списком в руках, сделал переключку всем русским, назвав Пьера: *celui qui n'a voce pas son nom*¹. И, равнодушно и лениво оглядев всех пленных, он приказал караульному

---

¹ Тот, который не говорит своего имени.

офицеру прилично одеть и прибрать их, прежде чем вести к маршалу. Через час прибыла рота солдат, и Пьера с другими тринадцатью повели на Девичье поле. День был ясный, солнечный после дождя, и воздух был необыкновенно чист. Дым не стлался низом, как в тот день, когда Пьера вывели из гауптвахты Зубовского вала; дым поднимался столбами в чистом воздухе. Огня пожаров нигде не было видно, но со всех сторон поднимались столбы дыма, и вся Москва, всё, что только мог видеть Пьер, было одно пожарище. Со всех сторон виднелись пустыри с печами и трубами и изредка обгорелые стены каменных домов. Пьер приглядывался к пожарищам и не узнавал знакомые кварталы города. Кое-где виднелись уцелевшие церкви. Кремль, неразрушенный, белел изда- лека с своими башнями и Иваном Великим. Вблизи весело блестел купол Новодевичьего монастыря, и особенно звонко слышался оттуда благовест. Благовест этот напом- нил Пьеру, что было воскресенье и праздник рождества богородицы. Но, казалось, некому было праздновать этот праздник: везде было разорение пожарища, и из русского народа встречались только изредка обрванные, испуган- ные люди, которые прятались при виде французов.

Очевидно, русское гнездо было разорено и уничто- жено; но за уничтожением этого русского порядка жизни Пьер бессознательно чувствовал, что над этим разорен- ным гнездом установился свой, совсем другой, но твер- дый французский порядок. Он чувствовал это по виду тех бодро и весело, правильными рядами шедших солдат,

прибрать* (*буд.* -беру́, -берёшь) —
 harima, korrastama
 пожарище — tulease
 обгорелый — poolpölenud
 уцелевший (*прич.*) — terveks jää-
 nud

благовест — kellahelin
 богородица — jumalaema
 рождество богородицы — jumala-
 ema sünnipäevapäha

которые конвоировали его с другими преступниками; он чувствовал это по виду какого-то важного французского чиновника в парной коляске, управляемой солдатом, проехавшего ему навстречу. Он это чувствовал по весёлым звукам полковой музыки, доносившимся с левой стороны поля, и в особенности он чувствовал и понимал это по тому списку, который, перекликая пленных, прочёл нынче утром приезжавший французский офицер. Пьер был взят одними солдатами, отведён в одно, в другое место с десятками других людей; казалось, они могли бы забыть про него, смешать его с другими. Но нет: ответы его, данные на допросе, вернулись к нему в форме наименования его *celui qui n'avoie pas son nom*. И под этим названием, которое страшно было Пьеру, его теперь вели куда-то с несомненной уверенностью, написанной на их лицах, что все остальные пленные и он были те самые, которых нужно, и что их ведут туда, куда нужно. Пьер чувствовал себя ничтожной щепкой, попавшей в колёса неизвестной ему, но правильно действующей машины.

Пьера с другими преступниками привели на правую сторону Девичьего поля недалеко от монастыря, к большому белому дому с огромным садом. Это был дом князя Щербатова, в котором Пьер часто прежде бывал у хозяина и в котором теперь, как он узнал из разговора солдат, стоял маршал, герцог Экмюльский.

Их подвели к крыльцу и по одному стали вводить в дом. Пьера ввели шестым. Через стеклянную галерею, сени, переднюю, знакомые Пьеру, его ввели в длинный низкий кабинет, у дверей которого стоял адъютант.

Даву сидел на конце комнаты над столом, с очками на носу. Пьер близко подошёл к нему. Даву, не под-

нимая глаз, видимо справлялся с какой-то бумагой, лежавшей перед ним. Не поднимая же глаз, он тихо спросил: *Qui êtes vous?* ¹

Пьер молчал оттого, что не в силах был выговорить слова. Даву для Пьера не был просто французский генерал; для Пьера Даву был известный своею жестокостью человек. Глядя на холодное лицо Даву, который, как строгий учитель, соглашался до времени иметь терпение и ждать ответа, Пьер чувствовал, что всякая секунда промедления могла стоить ему жизни; но он не знал, что сказать. Сказать то же, что он говорил на первом допросе, он не решался; открыть своё звание и положение было и опасно, и стыдно. Пьер молчал. Но прежде, чем Пьер успел на что-нибудь решиться, Даву приподнял голову, приподнял очки на лоб, прищурил глаза и пристально посмотрел на Пьера.

— Я знаю этого человека, — мерным, холодным голосом, очевидно рассчитанным для того, чтобы испугать Пьера, сказал он. Холод, пробежавший прежде по спине Пьера, охватил его голову как тисками.

— *Mon général, vous ne pouvez pas me connaître, je ne vous ai jamais vu . . .* ²

— *C'est un espion russe* ³, — перебил его Даву, обращаясь к другому генералу, бывшему в комнате и которого не заметил Пьер. И Даву отвернулся. С неожиданным раскатом в голосе Пьер вдруг заговорил быстро:

---

¹ Кто вы?

² Генерал, вы не можете меня знать, я вас никогда не видал.

³ Это русский шпион.

жестокость (*ж. р.*) — *julmus*
промедление — *viivitus*
рассчитанный (*прич.*) — *arvestatud*

тиск (и. ч.) — *pihid*
раскат — *kõmin*

— Non, Monseigneur, — сказал он, неожиданно вспомнив, что Даву был герцог. — Non, Monseigneur, vous n'avez pas pu me connaître. Je suis un officier militionnaire et je n'ai pas quitté Moscou.

— Votre nom? — повторил Даву.

— Besouhof.

— Qu'est ce qui me prouvera que vous ne mentez pas?

— Monseigneur ¹ — вскрикнул Пьер не обиженным, но умоляющим голосом.

Даву поднял глаза и пристально посмотрел на Пьера. Несколько секунд они смотрели друг на друга, и этот взгляд спас Пьера. В этом взгляде, помимо всех условий войны и суда, между этими двумя людьми установились человеческие отношения. Оба они в эту одну минуту смутно перечувствовали бесчисленное количество вещей и поняли, что они оба дети человечества, что они братья.

В первом взгляде для Даву, приподнявшего только голову от своего списка, где людские дела и жизнь назывались номерами, Пьер был только обстоятельство; и, не взяв на совесть дурного поступка, Даву застрелил бы его; но теперь уже он видел в нём человека. Он задумался на мгновение.

— Comment me prouvez-vous la vérité de ce que vous me dites ², — сказал Даву холодно.

¹ Нет, ваше высочество, вы не могли меня знать. Я ополченский офицер и не покидал Москвы.

— Ваше имя?

— Безухов.

— Кто мне докажет, что вы не лжёте?

— Ваше высочество!

² Как докажете вы мне, что вы говорите правду?

помимо — peale selle
условие — tingimus
смутно — ähmaset

приподнявший (прич.) — kes tõst-
nud
обстоятельство — asjaolu, seik

Пьер вспомнил Рамбаля и назвал его полк и фамилию и улицу, на которой был дом.

— Vous n'êtes pas ce que vous dites ¹, — опять сказал Даву.

Пьер дрожащим, прерывающимся голосом стал приводить доказательства справедливости своего показания.

Но в это время вошёл адъютант и что-то доложил Даву.

Даву вдруг просиял при известии, сообщённом адъютантом, и стал застёгиваться. Он, видимо, совсем забыл Пьера.

Когда адъютант напомнил ему о пленном, он, нахмурившись, кивнул в сторону Пьера и сказал, чтобы его вели. Но куда должны были его вести, Пьер не знал: назад в балаган или на приготовленное место казни, которое, проходя по Девичьему полю, ему показывали товарищи.

Он обернул голову и видел, что адъютант переспрашивал что-то.

— Oui, sans doute! ² — сказал Даву, но что „да“, Пьер не знал.

Пьер не помнил, как, долго ли он шёл и куда. Он, в состоянии совершенного бессмыслия и отупения, ничего не видя вокруг себя, передвигал ногами вместе с другими до тех пор, пока все остановились, и он остановился. Одна мысль за всё это время была в голове Пьера. Это была мысль о том: кто же, наконец, приговорил его к казни? Это были не те люди, которые допрашивали его в комис-

¹ Вы не то, что вы мне говорите.

² Да, конечно.

доказательство — tõendus
справедливость (ж. р.) — õiglus
показание — tunnistus

просиять* (буд. -сияю, -сияешь) —
särama lõõma
бессмыслие — oimetus, mõttelage-
dus
отупение — meeltenüridus

сии: из них ни один не хотел и, очевидно, не мог этого сделать. Это был не Даву, который так человечески посмотрел на него. Ещё бы одна минута, и Даву понял бы, что они делают дурно, но этой минуте помешал адъютант, который вошёл. И адъютант этот, очевидно, не хотел ничего худого, но он мог бы не войти. Кто же это, наконец, казнил, убивал, лишал жизни его — Пьера, со всеми его воспомина́ниями, стремлени́ями, надеждами, мь́слями? Кто делал это? И Пьер чувствовал, что это был никто.

Это был порядок, склад обстоятельств.

Порядок какой-то убивал его — Пьера; лишал его жизни, всего, уничтожа́л его.

XI.

От дома князя Щербáтова плéнных повели прямо вниз по Девичьему полю, левее Девичьего монастыря, и подвели к огороду, на котором стоял столб. За столбом была вырыта большая яма с све́же-выкопанной землёй, и около ямы и столба полукрúгом стояла большая толпа народа. Толпа состояла из малого числа русских и большего числа Наполеоновских войск вне стрóя: немцев, итальянцев и французов в разнорóдных мундирах. Справа и слева столба стояли фронты французских войск в синих мундирах с красными эполéтами, в штиблéтах и киверах.

Престúпников расста́вили по извёстному порядку, который был в списке (Пьер стоял шестым), и подвели к столбу. Несколько бараба́нов вдруг ударили с двух сторон, и Пьер почувствовал, что с этим звуком как будто оторва́лась часть его души. Он потерял способность

склад — *siin*: kokkusattumus
вырыта (*прич. кр. ф.*) — *kaevatud*
вне стрóя — *mitte rivis (olev)*

штиблéты (*мн. ч.*) — *kamassid*
оторва́ться* (*буд. -вúсь, -вёшься*)
— *ära v. lahti kiskuma*

думать и соображать. Он только мог видеть и слышать. И только одно желание было у него — желание, чтобы поскорее сделалось что-то страшное, что должно было быть сделано. Пьер оглядывался на своих товарищей и расматривал их.

Два человека с края были бритые, острожные. Один высокий, худой; другой — чёрный, мохнатый, мускулистый с приплюснутым носом. Третий был дворовый, лет 45, с седящими волосами и полным, хорошо откормленным телом. Четвёртый был мужик, очень красивый, с окладистой русой бородой и чёрными глазами. Пятый был фабричный, жёлтый, худой малый, лет 18, в халате.

Пьер слышал, что французы совещались, как стрелять, по одному или по два? „По два“, холодно-спокойно отвечал старший офицер. Сделалось передвижение в рядах солдат, и заметно было, что все торопились, и торопились не так, как торопятся, чтобы сделать понятное для всех дело, но так, как торопятся, чтобы окончить необходимое, но неприятное и непостижимое дело.

Чиновник-француз в шарфе подошёл к правой стороне шеренги преступников и прочёл по-русски и по-французски приговор.

Потом две пары французов подошли к преступникам и взяли, по указанию офицера, двух острожных, стоящих с края. Острожные, подойдя к столбу, остановились и, пока принесли мешки, молча смотрели вокруг себя, как смотрит подбитый зверь на подходящего охотника. Один всё крестился, другой чесал спину и делал губами движение, подобное улыбке. Солдаты, торопясь руками, стали

острожный — sunnitööline
мускулистый — tugevate lihastega
приплюснутый — lame
откормленный (прич.) — nuumatud
окладистый — lai (habe)

русый — ruuge
непостижимый — mittemõistetav
подбитый — haavatud
зверь (м. р.) — metsloom

завязывать им глаза, надевать мешки и привязывать к столбу.

12 человек стрелков с ружьями мерным, твёрдым шагом вышли из-за рядов и остановились в 8 шагах от столба. Пьер отвернулся, чтобы не видеть того, что будет. Вдруг послышался треск и грохот, показавшиеся Пьеру громче самых страшных ударов грома, и он оглянулся. Был дым, и французы с бледными лицами и дрожащими руками что-то делали у ямы. Повели других двух. Так же, такими же глазами, и эти двое смотрели на всех, тщётно, одними глазами, молча, прося защиты, и, видимо, не понимая и не веря тому, что будет. Они не могли верить, потому что они одни знали, что такое была для них их жизнь, и потому не понимали и не верили, чтобы можно было отнять её.

Пьер хотел не смотреть и опять отвернулся; но опять как будто ужасный взрыв поразил его слух, и вместе с этими звуками он увидел дым, чью-то кровь и бледные испуганные лица французов, опять что-то делавших у столба, дрожащими руками толкая друг друга. Пьер, тяжело дыша, оглядывался вокруг себя, как будто спрашивая: что это такое? Тот же вопрос был и во всех взглядах, которые встречались со взглядом Пьера.

На всех лицах русских, на лицах французских солдат, офицеров, всех без исключения, он читал такой же испуг, ужас и борьбу, какие были в его сердце. „Да кто же это делает, наконец? Они все страдают, так же, как и я. Кто же?“ на секунду блеснуло в душе Пьера.

— *Tirailleurs du 86-me, en avant!*¹ — прокричал кто-то. Повели пятого, стоявшего рядом с Пьером, одного. Пьер

¹ Стрелки 86-го полка, вперёд!

не понял того, что он спасён, что он и все остальные были приведены сюда только для присутствия при казни. Он с всё возрастающим ужасом, не ощущая ни радости, ни успокоения, смотрел на то, что делалось. Пятый был фабричный в халате. Только что до него дотронулись, как он в ужасе отпрыгнул и схватился за Пьера (Пьер вздрогнул и оторвался от него). Фабричный не мог идти. Его потащили подмышки, и он что-то кричал. Когда его подвели к столбу, он вдруг замолк. Он как будто вдруг что-то понял. То ли он понял, что напрасно кричать, или то, что невозможно, чтобы его убили люди, но он стал у столба, ожидая повязки вместе с другими, и, как подстреленный зверь, оглядываясь вокруг себя блестящими глазами.

Пьер уже не мог взять на себя отвернуться и закрыть глаза. Любопытство и волнение его и всей толпы при этом пятом убийстве дошло до высшей степени. Так же, как и другие, этот пятый казался спокоен: он запахивал халат и почёсывал одной босой ногой о другую.

Когда ему стали завязывать глаза, он поправил сам узел на затылке, который резал ему; потом, когда прислонили его к окровавленному столбу, он завалился назад и, так как ему в этом положении было неловко, он поправился и, ровно поставив ноги, покойно прислонился.

возраставший (*прич.*) — suurenev
ощущать (-щаю, -щаешь) — tundma
подмышки — kaenla alt (kinni
hoides)
повязка — side
подстреленный (*прич.*) — haavatud
запахивать (-ваю, -ваешь) — hõl-
mu koomale tõmbama
почёсывать (-ваю, -ваешь) — sü-
gama

босой (босый) — paljas (jalg)
узел — sõlm
затылок — kukal
резать (-жу, -жешь) — lõikama
прислонить* (*буд.* -ню, -нишь) —
pajatama
завалиться* (*буд.* -любь, -лишься)
— tahapoole heitma
поправиться* (*буд.* -влюсь, -вишь-
ся) — *sin:* end kohendama

Пьер не сводил с него глаз, не упуская ни малейшего движения.

Должно быть, послышалась команда; должно быть, после команды раздались выстрелы 8-ми ружей. Но Пьер, сколько он ни старался вспомнить потом, не слышал ни малейшего звука от выстрелов. Он видел только, как почему-то вдруг опустился на верёвках фабричный, как показалась кровь в двух местах, и как самые верёвки, от тяжести повисшего тела, распустились, и фабричный, неестественно опустив голову и подвернув ногу, сел. Пьер подбежал к столбу. Никто не удерживал его. Вокруг фабричного что-то делали испуганные, бледные люди. У одного старого усатого француза тряслась нижняя челюсть, когда он отвязывал верёвки. Тело спустилось. Солдаты неловко и торопливо потащили его за столб и стали сталкивать в яму.

Все, очевидно, несомненно знали, что они были преступники, которым надо было скорее скрыть следы своего преступления.

Пьер заглянул в яму и увидел, что фабричный лежал там коленями кверху, близко к голове, одно плечо выше другого. И это плечо судорожно, равномерно опускалось и поднималось. Но уже лопатины земли сыпались на всё тело. Один из солдат сердито, злобно и болезненно крикнул на Пьера, чтобы он вернулся. Но Пьер не понял его и стоял у столба, и никто не отгонял его.

Когда уже яма была вся засыпана, послышалась ко-

не упуская (*дееприч.*) — *siin: ilma*
et jätaks tähelepanemata
повисший (*прич.*) — *mis rippus*
распуститься* (*буд. -пущусь, -пущ-*
тишься) — *lõtvuma*

подвернув (*дееприч.*) — *kõnksu*
kiskunud
судорожно — *kramplikult*
лопатына — *labidatäis*
засыпан (*прич. кр. ф.*) — *kinnī*
aetud

манда. Пьера отвели на его место, и французские войска, стоявшие фронтами по обеим сторонам столба, сделали полуоборот и стали проходить мерным шагом мимо столба. 24 человека стрелков с разряженными ружьями, стоявшие в середине круга, примыкали бегом к своим местам в то время, как роты проходили мимо них.

Пьер смотрел теперь бессмысленными глазами на этих стрелков, которые попарно выбегали из круга. Все, кроме одного, присоединились к рбтам. Молодой солдат, с мертво-бледным лицом, в кивере, свалившемся назад, спустив ружьё, всё ещё стоял против ямы на том месте, с которого он стрелял. Он, как пьяный, шатался, делая то вперёд, то назад несколько шагов, чтоб поддержать своё падающее тело. Старый солдат, унтер-офицер, выбежал из рядов и, схватив за плечо молодого солдата, втащил его в роту. Толпа русских и французов стала расходиться. Все шли молча, с опущенными головами.

— *Ça leur apprendra à incendier*¹, — сказал кто-то из французов. Пьер оглянулся на говорившего и увидел, что это был солдат, который хотел утешиться чем-нибудь в том, что было сделано, но не мог. Не договорив начатого, он махнул рукою и пошёл прочь.

ХП.

После казни, Пьера отделили от других подсудимых и оставили одного в небольшой разорённой и загажённой церкви.

¹ Это их научит поджигать.

разряженный (*прич.*) — laadimata
примыкать (-каю, -каешь) — liituma
попарно — kahekaupa

свалившийся (*прич.*) — vajunud
падающий (*прич.*) — kukkuv

Перед вечером караульный унтер-офицер с двумя солдатами вошёл в церковь и объявил Пьеру, что он прощён и поступает теперь в бараки военнопленных. Не понимая того, что ему говорили, Пьер встал и пошёл с солдатами. Его привели к постробенным вверху поля из обгорелых досок, брёвен и тёсу балагáнам и ввели в один из них. В темнотé человек двадцать различных людей окружили Пьера. Пьер смотрел на них, не понимая, кто такие эти люди, зачем они и чего хотят от него. Он слышал слова, которые ему говорили, но не делал из них никакого вѣвода и приложѣния: не понимал их значѣния. Он сам отвечал на то, что у него спрашивали, но не соображал того, кто слушает его, и как поймут его ответы. Он смотрел на лица и фигуры, и все они казались ему одинаково бессмысленны.

С той минуты, как Пьер увидел это страшное убийство, совершённое людьми, не хотѣвшими этого делать, в душе его как будто вдруг вѣдернута была та пружина, на которой всё держалось и представлялось живым, и всё завалилось в кучу бессмысленного сбора. В нём, хотя он и не отдавал себе отчёта, уничтожилась вера и в благоустройство мира, и в человеческую и в свою душу, и в бога. Это состояние было испытываемо Пьером прежде, но никогда с такою силой, как теперь. Прежде, когда на Пьера находили такого рода сомнения, сомнения эти имели

прощён (<i>прич. кр. ф.</i>) — (talle) on	пружина — vedru
andeks antud	завалиться* (<i>буд.</i> -люсь, -лишья)
тёс — pindlauad	— kokku varisema
балагáн = барáк	сор — risu, prügi
вѣвод — järeldus	уничтожиться* (<i>буд.</i> -жишья,
приложѣние — lisand	-жится) — hävinema
вѣдернуть* (<i>буд.</i> -ну, -нешь) —	благоустройство — korrastus
välja tõmbama	сомнѣние — kahtlus

источником собственную вину. И в самой глубине души Пьер тогда чувствовал, что от того отчаяния и тех сомнений было спасение в самом себе. Но теперь он чувствовал, что не его вина была причиной того, что мир завалился в его глазах и остались одни бессмысленные развалины. Он чувствовал, что возвратиться к вере в жизнь — не в его власти.

Вокруг него в темноте стояли люди: верно что-то их очень занимало в нём. Ему рассказывали что-то, спрашивали о чём-то, потом повели куда-то, и он, наконец, очутился в углу балагана рядом с какими-то людьми, переговаривавшимися с разных сторон, смеявшимися.

— И вот, братцы мои... тот самый принц, который... — с особенным ударением на слово *который* говорил чей-то голос в противоположном углу балагана.

Молча и неподвижно сидя у стены на соломе, Пьер то открывал, то закрывал глаза. Но только что он закрывал глаза, он видел перед собой то же страшное, в особенности страшное своей простотою, лицо фабричного и ещё более страшные своим беспокойством лица невольных убийц. И он опять открывал глаза и бессмысленно смотрел в темноте вокруг себя.

Рядом с ним сидел, согнувшись, какой-то маленький человек, присутствие которого Пьер заметил сначала по крепкому запаху пота, который отделялся от него при всяком его движении. Человек этот что-то делал в темноте с своими ногами и, несмотря на то, что Пьер не видел его лица, он чувствовал, что человек этот беспрестанно взглядывал на него. Присмотревшись в темноте, Пьер понял, что человек этот разувался. И то, каким образом он это делал, заинтересовало Пьера.

развалины — varemed
занимать (-маю, -маешь) — huvitama

противоположный — vastas-
разуваться (-ваюсь, -ваеься) —
jalgu lahti vötna

Размотав бечёвки, которыми была завязана одна нога, он аккуратно свернул бечёвки и тотчас принялся за другую ногу, взглядывая на Пьера. Пока одна рука вешала бечёвку, другая уже принималась разматывать другую ногу. Таким образом, аккуратно, круглыми, спорыми, без замедления следовавшими одно за другим движениями, разувшись, человек развёсил свою обувь на колышки, вбитые у него под головами, достал ножик, обрёзал что-то, сложил ножик, положил под изголовье и, получше усевшись, обнял свои поднятые колени обеими руками и прямо устоялся на Пьера. Пьеру чувствовалось что-то приятное, успокоительное и круглое в этих спорых движениях, в этом благоустроенном в углу его хозяйстве, в запахе даже этого человека, и он, не спуская глаз, смотрел на него.

— А много вы нужды увидали, барин? А? — сказал вдруг маленький человек. И такое выражение ласки и простоты было в певучем голосе человека, что Пьер хотел отвечать, но у него задрожала челюсть, и он почувствовал слёзы. Маленький человек в ту же секунду, не давая Пьеру времени выказать своё смущение, заговорил тем же приятным голосом.

— Э, сокóлик, не тужй, — сказал он с той нежно-певучей лаской, с которой говорят старые русские бабы. — Не тужи, дружок: час терпеть, а век жить! Вот так-то,

размотав (десприч.) — lahti haru-
tanud

бечёвка — põõg, pael

спорый — jõudne

без замедления — viivitusetä

следовавший (прич.) — mis järg-
nes

разувшись (десприч.) — jalad lahti
võtnud

колышек (мн. ч. -шки) — pulk
вбитый (прич.) — sisse löödud
обрёзать* (буд. -режу, -ежешь) —
ära lõikama

изголовье — peaalune

певучий — laulev

сокóлик — kotkake

тужить (тужу, тужишь) — kur-
vastama

милый мой. А живём тут, славу богу, обиды нет. Тоже люди и худые, и добрые есть, — сказал он и, ещё говоря, гибким движением перегнулся на колени, встал и, прокашливаясь, пошёл куда-то.

— Ишь, шельма, пришла! — услышал Пьер в конце балагана тот же ласковый голос. — Пришла, шельма, помнит! Ну, ну, буде. — И солдат, отгаликивая от себя собачонку, прыгавшую к нему, вернулся к своему месту и сел. В руках у него было что-то завернуто в тряпке.

— Вот, покушайте, барин, — сказал он, опять возвращаясь к прежнему почтительному тону и развёртывая и подавая Пьеру несколько печёных картошек. — В обеде похлёбка была. А картошки важнеющие!

Пьер не ел целый день, и запах картофеля показался ему необыкновенно приятным. Он поблагодарил солдата и стал есть.

— Что ж так-то? — улыбаясь сказал солдат и взял одну из картошек. — А ты вот как. — Он достал опять складной ножик, разрезал на своей ладони картошку на равные две половины, посыпал соли из тряпки и поднёс Пьеру.

— Картошки важнеющие, — повторил он. — Ты покушай вот так-то.

Пьеру казалось, что он никогда не ел кушанья вкуснее этого.

— Нет, мне всё ничего, — сказал Пьер, — но за что они расстреляли этих несчастных!.. Последний лет двадцати.

— Те, тц... — сказал маленький человек. — Грехато, греха-то... — быстро прибавил он и, как будто слова

перегнуться (-нүсь, -нөшься) —
ennast painutama
прокашливаясь (дееприч.) — көһа-
tades
шельма — keim

печёный — күpsetatud
похлёбка — leem
важнеющий — aus
складной нож — liigendnuga

его всегда были готовы во рту его и нечаянно вылетали из него, он продолжал:

— Что ж это, барин, вы так в Москве-то остались?

— Я не думал, что они так скоро придут. Я нечаянно остался, — сказал Пьер.

— Да как же они взяли тебя, сокоблик, из дома твоего?

— Нет, я пошёл на пожар, а тут они схватили меня, судили за поджигателя.

— Где суд, там и неправда, — вставил маленький человек.

— А ты давно здесь? — спросил Пьер, дожёвывая последнюю картошку.

— Я-то? В то воскресенье меня взяли из госпиталя в Москве.

— Ты кто же, солдат?

— Солдаты Апшеронского полка. От лихорадки умирал. Нам и не сказали ничего. Наших человек двадцать лежало. И не думали, не гадали.

— Что ж, тебе скучно здесь? — спросил Пьер.

— Как не скучно, соколик. Меня Платоном звать; Каратаёвы прозвище, — прибавил он, видимо с тем, чтобы облегчить Пьеру обращение к нему. — Соколиком на службе прозвали. Как не скучать, соколик! Москва, она городам мать. Как не скучать на это смотреть. Да червь капусту гложет, а сам прежде того пропадает; так-то старички говаривали, — прибавил он быстро.

— Как, как это ты сказал? — спросил Пьер.

дожёвывая (*деприч.*) — lõpetades söömist
прозвище — hüüd-, lisa-, liignimi
облегчить* (*буд.* -чѹ, -чѹшь) —
kergendada

червь (*ж. р.*) — uss
гложет (*народн.*) = гложет (*неопред.*
н. глодать) (-ожу, -ожешь) —
nägima
пропадает (*народн.*) = пропадать
(-даю, -даешь) — kaduma, hävima

— Я-то? — спросил Каратаев. — Я говорю не нашим умом, а божьим судом, — сказал он, думая, что повторяет сказанное. И тотчас же продолжал: — Как же у вас, барин, и вотчины есть? И дом есть? Стало быть полная чаша! И хозяйка есть? А старики-родители живы? — спрашивал он. И хотя Пьер не видел в темноте, но чувствовал, что у солдата мёрщились губы сдержанною улыбкою ласки в то время, как он спрашивал это. Он, видимо, был огорчён тем, что у Пьера не было родителей, в особенности матери.

— Жена для совета, тёща для привёта, а нет милей родной матушки! — сказал он. — Ну, а дётки есть? — продолжал он спрашивать. Отрицательный ответ Пьера опять, видимо, огорчил его, и он поспешил прибавить: — Что ж, люди молодые; ещё, даст бог, будут. Только бы в совете жить...

— Да теперь всё равно, — невольно сказал Пьер.

— Эх, милый человек ты, — возразил Платон. — От сумы да от тюрьмы никогда не откazyвайся. — Он уселся полúчше, прокашлялся, видимо приготавливаясь к длинному рассказу. — Так-то, друг мой любёзный, жил я ещё дома, — начал он. — Вотчина у нас богатая, земли много, хорошо живут мужики, и наш дом — слава тебе богу. Сам-сем батюшка косить выходил... Жили хорошо. Христьяне настоящие были. Случись... — И Платон Каратаев рассказал длинную историю о том, как он поехал в чужую рощу за лесом и попался сторожу, как его секли, судили и отдали в солдаты. — Что ж, соколик, — говорил он изменяющимся от улыбки голосом, — думали горе,

---

вотчина — mõis

полная чаша — küllus

тёща — ämm

в совете жить — heas läbisaamises
elama

сумá — sandikott

сам-сем — ise seitsmes, seitsmekesi

сечь (секý, сечёшь) — peksma

ап радость! Братцу бы итти, кабы не мой грех. А у брата мѣньшого сѣм-пят ребят, а у меня, гляди, одна солдѣтка осталась. Была девочка, да ещѣ до солдѣтства бог прибрѣл. Пришѣл я на побѣвку, скажу я тебе. Гляжу — лучше прѣжнего живут. Животѣв полон двор, бабы дома, два брата на зѣработках. Один Михайла, мѣньшѣй, дома. Батюшка и говорит: „Все дѣтки равны, какой палец не укуси, всё больно. А кабы не Платона тогда забрѣли, Михайле бы итти“. Позвал нас всех — веришь — постѣвил перед образа. „Михайла, говорит, поди сюда, клѣняйся ему в ноги, и ты, баба, клѣняйся и внучѣта клѣняйтесь. Поняли?“ говорит. — Так-то, друг мой любезный. Рок головѣ ищет. А мы всё сѣдим: то нехорошо, то неладно. Наше счастье, дружок, как вода в брѣдне: тѣнешь — надѣлось, а вѣтацишь — ничего нету. Так-то. — И Платон пересел на своей соломе.

Помолчав несколько времени, Платон встал. — Что ж, я чай, спать хочешь? — сказал он и быстро начал креститься, приговаривая:

— Господи, Иисус Христос, Никѣла угѣдник, Фрѣла и Лѣвра, господи Иисус Христос, Никола угодник! Фрола и Лавра! господи Иисус Христос, помилуй и спаси нас! — заключил он, поклонился в землю, встал, вздохнул и сел на свою солому. — Вот так-то. Положи, боже, камушком, подними калѣчиком, — проговорил он и лѣг, натѣгивая на себя шинель.

— Какую это ты молитву читал? — спросил Пьер.

солдѣтка — soldatinaine
 зѣработки (мн. ч.) — hooajatöö
 на зѣработках — hooajatööl v. väljas
 teenistuses olema
 забрѣть* (буд. -брѣю, -брѣешь) — pea
 paljaks ajama, soldatiks võtma

брѣдень (м. р.) — väheldane noot
 (kalapüügiriist)
 надѣться* (буд. -дѣюсь, -дѣешься)
 — paisuma, täis puhuma
 камушек — kivike
 калѣчик — saiake

— Ась? — проговорил Платон (он было уже заснул). — Читал что? Богу молился. А ты разве не молишься?

— Нет, и я молюсь, — сказал Пьер. — Но что ты говорил: Фрола и Лавра?

— А как же? — быстро отвечал Платон, — лошадиный праздник. И скота жалеть надо, — сказал Каратаев. — Вишь, шельма, свернулася. Угрелась, сүкина дочь, — сказал он, ощупав собаку у своих ног, и, повернувшись опять, тотчас же заснул.

Наружи слышались где-то вдальке плач и крики, и сквозь щели балагана виднелся огонь; но в балагане было тихо и темно. Пьер долго не спал, и с открытыми глазами лежал в темноте на своём месте, прислушиваясь к мерному храпению Платона, лежавшего подле него, и чувствовал, что прежде разрушенный мир теперь с новой красотой, на каких-то новых и незыблемых основах, двигался в его душе.

ХIII.

В балагане, в который поступил Пьер и в котором он пробыл четыре недели, было 23 человека пленных солдат, три офицера и два чиновника.

Все они потом, как в тумане, представлялись Пьеру, но Платон Каратаев остался навсегда в душе Пьера самым сильным и дорогим воспоминанием и олицетворением всего русского, доброго и круглого. Когда на другой день, на рассвете, Пьер увидел своего соседа, первое вне-

---

ась = что

свернуться* (буд. -нүсь, -нёшься)

— kegra tōmbuta

угреться* (буд. -ёюсь, -ёёшься) —

sooja saata

сүкина дочь — koera tütar

наружи — väljas

незыблемый — vankumatu

олицетворение — kehastus

чатлѣние чего-то круглого подтвердилось вполне: вся фигура Платона в его подпоясанной верёвкой французской шинели, в фуражке и лаптях была круглая. Голова была совершенно круглая, спина, грудь, плечи, даже руки, которые он носил, как бы всегда собираясь обнять что-то, были круглые; приятная улыбка и большие карие, нежные глаза были круглые.

Платону Каратаеву должно было быть за 50 лет, судя по его рассказам о походах, в которых он участвовал давнишним солдатом. Он сам не знал и никак не мог определить, сколько ему было лет. Но зубы его, яркobelые и крепкие, которые всё выкатывались своими двумя полукругами, когда он смеялся (что он часто делал), были все хорошие и целы; ни одного седого волоса не было в его бороде и волосах, и всё тело его имело вид гибкости и в особенности твёрдости и снбсливости.

Лицо его, несмотря на мелкие круглые морщинки, имело выражение невинности и юности; голос у него был приятный и певучий. Но главная особенность его речи состояла в непосредственности и спбрости. Он, видимо, никогда не думал о том, что он сказал и что он скажет; и от этого в быстроте и вёрности его интонаций была особенная, неотразимая убедительность.

Физические силы его и поворотливость были таковы первое время плена, что, казалось, он не понимал, что такое усталость и болезнь. Каждый день утром и вечером он, ложась, говорил: „Положи, господи, камушком, подними калачиком“; поутру вставая, всегда одинаково пожимая плечами, говорил: „Лёг — свернулся, встал —

лапоть (мн. ч. лапти) — viisk
снбсливость (ж. р.) — vastupidavus
непосредственность (ж. р.) —
siin : otsekohehus, siirus

спбрость (ж. р.) — jbudsus
неотразимый — tagasitörjumatu
убедительность (ж. р.) — veenvus
поворотливость (ж. р.) liikuvus

встряхнётся“. И действительно, стоило ему лечь, чтобы тотчас же заснуть камнем, и стоило встряхнуться, чтобы тотчас же, без секунды промедления, взяться за какое-нибудь дело, как дети, вставши, берутся за игрушки. Он всё умел делать не очень хорошо, но и не дурно. Он пёк, варил, шил, строгал, тачал сапоги. Он всегда был занят и только по ночам позволял себе разговоры, которые он любил, и песни. Он пел песни не так, как поют пёсенники, знающие, что их слушают; но пел, как поют птицы, очевидно, потому, что звуки эти ему было так же необходимо издавать, как необходимо бывает потянуться или расходиться; и звуки эти всегда бывали тонкие, нежные, почти женские, заунывные, и лицо его при этом бывало очень серьёзно.

Попад в плен и обрбши бороною, он, видимо, отбросил от себя всё напущенное на него чуждое, солдатское, и невольно возвратился к прежнему крестьянскому, народному складу.

— Солдат в отпуску — рубаха из порток, — говаривал он. Он неохотно говорил про своё солдатское время, хотя не жаловался, и часто повторял, что он всю службу ни разу бит не был. Когда он рассказывал, то преимущественно рассказывал из своих старых и, видимо, дорогих ему воспоминаний „христьянского“, как он выговаривал, крестьянского быта. Поговорки, которые наполняли его речи, не были те, большей частью неприличные и бойкие поговорки, которые говорят солдаты, но это были

встряхнуться* (буд. -нётся, -нёшься)

— end sirgu ajama

печь (пекý, печёшь; прош. вр.

пёк) — kúpsutama

строгать (-гáю, -гáешь) — hõvel-

dama

тачать (-чáю, -чáешь) — saaraid

parandama, kingsepatõd tegema

заунывный — kurvameelne

напущенный — pealesunnitud

портки (мн. ч.) — püksid

преимущественно — peamiselt

поговорка — kõnekäänd

те народные изречения, которые кажутся столь незначительными, взятые отдельно, и которые получают вдруг значение глубокой мудрости, когда они сказаны кста́ти.

Часто он говорил совершенно противоположное тому, что он говорил прежде, но и то, и другое было справедливо. Он любил говорить и говорил хорошо, украшая свою речь ласкательными и пословицами, которые, Пьеру казалось, он сам выдумывал; но главная прелесть его рассказов состояла в том, что в его речи события самые простые, иногда те самые, которые, не замечая их, видел Пьер, получали характер торжественного благообразия. Он любил слушать сказки, которые рассказывал по вечерам (всё одни и те же) один солдат, но больше всего он любил слушать рассказы о настоящей жизни. Он радостно улыбался, слушая такие рассказы, вставляя слова и делая вопросы, клонившиеся к тому, чтобы уяснить себе благообразие того, что ему рассказывали. Привязанностей, дружбы, любви, как понимал их Пьер, Каратаев не имел никаких; но он любил и любовно жил со всем, с чем его сводила жизнь, и в особенности с человеком, — не с известным каким-нибудь человеком, а с теми людьми, которые были перед его глазами. Он любил свою шавку, любил товарищей, французов, любил Пьера, который был его соседом; но Пьер чувствовал, что Каратаев, несмотря на всю свою ласковую нежность к нему (которою он невольно отдавал должное духовной жизни Пьера), ни на минуту не огорчился бы разлукой с ним. И Пьер то же чувство начинал испытывать к Каратаеву.

кста́ти — *parajal kohal, sobivalt*
благообразие — *väärikus, korralikkus*
вставляя (*депр.*) — *vahete pannes*
v. *segades*

клонивший (*прим.*) — *mis kallutas*
привязанность (*ж. р.*) — *kiindumus*
шавка — *krants*

Платон Каратаев был для всех остальных пленных самым обыкновенным солдатом; его звали сокóлик или Платóша, добродúшно трунóли над ним, посылали его за посылками. Но для Пьера, каким он представился в первую ночь, непостижимым, круглым и вечным олицетворением духа простоты и правды, таким он и остался навсегда.

Платон Каратаев ничего не знал наизусть, кроме своей молитвы. Когда он говорил свои речи, он, начиная их, казалось, не знал, чем он их кончит.

Когда Пьер, иногда пораженный смыслом его речи, просил повторить сказанное, Платон не мог вспомнить того, что он сказал минуту тому назад, так же, как он никак не мог словами сказать Пьеру свою любимую песню. Там было: „родимая, берёзонька“ и „тóшненко мне“, но на словах не выходило никакого смысла. Он не понимал и не мог понять значения слов, отдельно взятых из речи. Каждое слово его и каждое действие было проявлением неизвестной ему деятельности, которая была его жизнь. Но жизнь его, как он сам смотрел на неё, не имела смысла как отдельная жизнь. Она имела смысл только как частица целого, которое он постоянно чувствовал. Его слова и действия выливались из него так же равномерно, необходимо и непосредственно, как запах отделяется от цветка. Он не мог понять ни цены, ни значения отдельно взятого действия или слова.

трунить (-ню, -нишь) — nõkima
непостижимый — äramõistmatu
тóшненко мне — igav on mul

выливаться (-ваешься, -ваётся) —
välja voolama

ТОМ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Часть третья.

VII.

Пётя при выезде из Москвы, оставив своих родных, присоединился к своему полку и скоро после этого был взят ординарцем к генералу, командовавшему большим отрядом. Со времени своего производства в офицеры и в особенности с поступления в действующую армию, где он участвовал в Вяземском сражении, Пётя находился в постоянно счастливо-возбуждённом состоянии радости на то, что он большой, и в постоянно восторженной поспешности не пропустить какого-нибудь случая настоящего геройства. Он был очень счастлив тем, что он видел и испытал в армии, но вместе с тем ему всё казалось, что там, где его нет, там-то теперь и совершается самое настоящее, геройское. И он торопился поспеть туда, где его теперь не было.

Когда 21 октября его генерал выразил желание послать кого-нибудь в отряд Денисова, Пётя так жалостно просил, чтобы послать его, что генерал не мог отказать. Но отправляя его, генерал, поминая безумный поступок Пёти в Вяземском сражении, где Пётя, вместо того, чтобы ехать дорогой туда, куда он был послан, поскакал в цепь под огонь французов и выстрелил там два раза из своего пистолета, отправляя его, генерал именно запретил Пете участвовать в каких бы то ни было действиях Денисова. От этого-то Пётя покраснел и смешался, когда Денисов спросил, можно ли ему остаться. До выезда на опушку леса Пётя считал, что ему надобно, строго исполняя свой

производство в офицеры — ohvit-
seriks ülendamine

поспешность (ж. р.) — õhin, kiirus-
tamine

поступок — tegu

долг, сейчас же вернуться. Но когда он увидал французов, увидал Тихона, узнал, что в ночь непременно атакуют, он с быстротою переходов молодых людей от одного взгляда к другому, решил сам с собою, что генерал его, которого он до сих пор очень уважал, — дрянь, немец, что Денисов герой и есаул герой, и что Тихон герой и что ему было бы стыдно уехать от них в трудную минуту.

Уже смеркалось, когда Денисов с Петей и есаулом подъехали к караулке. В полутьме виднелись лошади в сёдлах, казаки, гусары, прилаживавшие шалашики на поляне и (чтобы не видели дыма французы) разводившие красневший огонь в лесном овраге. В сенях маленькой избушки казак, засучив рукава, рубил баранину. В самой избе были три офицера из партии Денисова, устраивавшие стол из двери. Петя снял, отдав сушить, своё мокрое платье и тотчас же принялся содействовать офицерам в устройстве обеденного стола.

Через десять минут был готов стол, покрытый салфеткой. На столе была водка, ром в фляжке, белый хлеб и жареная баранина с солью.

Сидя вместе с офицерами за столом и разрывая руками, по которым текло сало, жирную, душистую баранину, Петя находился в восторженном детском состоянии нежной любви ко всем людям и вследствие того уверенности в такой же любви к себе других людей.

— Так что же вы думаете, Василий Фёдорович, — обратился он к Денисову, — ничего, что я с вами останусь на денёк? — И не дожидаясь ответа, он сам отвечал

есаул — jessaul (ohvitseri aukraad
revolutsioonieelse Venemaa kasa-
kateväes)

караулка — vahimaja

прилаживавший (прим.) — kes
kohastas, ehitas

шалашик — hagedest onnike, telk,
lehtmaja

разводивший (прим.) — kes tuld
tegi

содействовать (-вую, -внешь) —
appi asuma, kaasa tegema

себе: — Ведь мне велено узнать, ну вот я и узнаю... Только вы меня пустите в самую... в главную... Мне не нужно наград... А мне хочется... Петя стиснул зубы и оглянулся, подёргивая кверху поднятой головой и размахивая рукой.

— В самую главную... — повторил Денисов улыбаясь.

— Только уж, пожалуйста, мне дайте команду совсем; чтобы я командовал, — продолжал Петя, — ну что вам стоит? Ах, вам ножик? — обратился он к офицеру, хотевшему отрезать баранины. И он подал свой складной ножик. Офицер похвалил ножик.

— Возьмите, пожалуйста, себе. У меня много таких... — покраснев сказал Петя. — Батюшки! Я и забыл совсем, — вдруг вскрикнул он. — У меня изюм чудесный; знаете, такой, без косточек. У вас маркитант новый, и такие прекрасные вещи. Я купил десять фунтов. Я привык что-нибудь сладкое. Хотите?... — И Петя побежал в сени к своему казаку, принёс торбы, в которых было фунтов пять изюму. — Кушайте, господа, кушайте.

— А то не нужно ли вам кофейник? — обратился он к есаулу. — Я у нашего маркитанта купил чудесный! У него прекрасные вещи. И он честный очень. Это главное. Я вам пришлю непременно. А может быть ещё у вас вышли, обились кремни, — ведь это бывает. Я взял с собою, у меня вот тут... (он показал на торбы) сто кремней. Я очень дёшево купил. Возьмите, пожалуйста, сколько нужно, а то и все... И вдруг испугавшись, не заврался ли он, Петя остановился и покраснел.

Он стал вспоминать, не сделал ли он каких-нибудь

фляжка — (lame, pudel, plasku)

торба — reisitasku

обиться* (буд. обобьётся, обобьётся) — ära kuluma

кремён (м. р.) — tulekivi

завраться* (буд. -рётся, -рётся)

— luiskamisega sisse kukkuma

глупостей. И, перебирая воспоминания нынешнего дня, воспоминание о французе-барабаничке представилось ему. „Нам-то отлично, а ему какво? Куда его дели? Покормили ли его? Не обидели ли?“ подумал он. Но, заметив, что он заврался о кремнях, он теперь боялся.

„Спросить бы можно? — думал он, — да скажут: сам мальчик и мальчика пожалел. Я им покажу завтра, какой я мальчик! Стыдно будет, если я спрошу?“ — думал Петя. „Ну, да всё равно!“ и тотчас же, покраснев и испуганно глядя на офицеров, не будет ли в их лицах насмешки, он сказал:

— А можно позвать этого мальчика, что взяли в плен? дать ему чего-нибудь поесть... может...

— Да, жалкий мальчишка, — сказал Денисов, видимо не найдя ничего стыдного в этом напоминании. — Позвать его сюда. Vincent Bosse¹ его зовут. Позвать его.

— Я позову, — сказал Петя.

— Позови, позови. Жалкий мальчишка, — повторил Денисов.

Петя стоял у двери, когда Денисов сказал это. Петя пролез между офицерами и близко подошёл к Денисову.

— Позвольте вас поцеловать, голубчик, — сказал он. — Ах, как отлично! как отлично! — И, поцеловав Денисова, он побежал на двор.

— Bosse! Vincent! — прокричал Петя, остановясь у двери.

— Вам кого, сударь, надо? — сказал голос из темноты. Петя отвечал, что того мальчика француза, которого взяли нынче.

— А! Весённого? — сказал казак.

---

¹ Винцент Босс.

Имя его Vincent уже переделали казаки в Весеннего, а мужики и солдаты — в Висёню. В обеих переделках это напоминание о весне сходилось с представлением о молбдньком мальчике.

— Он там у костра грелся. Эй, Висеня! Висеня! Весенний! — слышались в темноте передающиеся голоса и смех. — А мальчбнок шустрый, — сказал гусар, стоявший подле Пети. — Мы его покормили давеча. Страсть, голбдньый был!

В темноте слышались шаги и, шлёпая босыми ногами по грязи, барабанщик подошёл к двери.

— Ah, c'est vous! — сказал Петя. — Voulez vous manger? N'avez pas peur, on ne vous fera pas de mal, — прибавил он робко и ласково дотрагиваясь до его руки. — Entrez, entrez¹.

— Merci, monsieur², — отвечал барабанщик дрожащим почти детским голосом и стал обтирать о порог свои грязные ноги. Пете многое хотелось сказать барабанщику, но он не смел. Он, переминаясь, стоял подле него в сенях. Потом в темноте взял его за руку и пожал её.

— Entrez, entrez³, — повторил он только нежным шопотом.

— Ах, чтобы мне ему сделать! — проговорил сам с собою Петя и, отворив дверь, пропустил мимо себя мальчика.

¹ Ах, это вы! Хотите есть? Не бойтесь, вам ничего худого не сделают. Входите, входите.

² Благодарю, сударь.

³ Входите, входите.

передающийся (*прич.*) — läbisegi
hüütud, edasi antud

шустрый — terane

давеча (*народ.*) = недавно

страсть голодный — kole näljane

шлёпать (-паю, -паешь) — platsu-
tama

переминаясь (-наюсь, -наешься)

— ühelt jalalt teisele toetuma

Когда барабанщик вошёл в избушку, Петя сел подальше от него, считая для себя унизытельным обра- щать на него внимание. Он только оцупывал в кармане деньги и был в сомнении, не стыдно ли будет дать их барабанщику.

VIII.

От барабанщика, которому, по приказанию Денисова, дали водки, баранины и которого Денисов велел одеть в русский кафтан с тем, чтобы, не отсылая с плёнными, оставить его при партии, внимание Пети было отвлечено приездом Дблхова. Петя в армии слышал много рас- сказов про необычайные храбрость и жестокость Доло- хова с французами и потому с тех пор, как Долохов вошёл в избу, Петя, не спуская глаз, смотрел на него и всё больше подбддривался, подёргивая поднятой головой, с тем, чтобы не быть недостойным даже и такого общества, как Долохов.

Наружность Долохова странно поразила Петю своей простотой.

Денисов одевался в чекмень, носил бороду и на груди образ Николая Чудотворца и в манере говорить, во всех приёмах высказывал особенность своего поло- жения. Долохов же, напротив, прежде, в Москве, носив- ший персидский костюм, теперь имел вид самого чпор- ного гвардейского офицера. Лицо его было чисто выбрито, одет он был в гвардейский ваточный сюртук с Гебрием

унизительный — alandav
отвлечено (прич. кр. ф.) — kõrvale
juhitud
наружность (ж. р.) — välimus
чекмень (м. р.) — kasakakuub

чудотворец — imetegija
чпорный — pedantne, pirtsakas,
peenutsev
ваточный сюртук — vatikuub
Георгий — Georgi rist

в петлице, и в прямо надетой простой фуражке. Он спял в углу мокрую бёрку и, подойдя к Денисову, не здороваясь ни с кем, тотчас же стал расспрашивать о деле. Денисов рассказывал ему про замыслы, которые имели на их транспорт большие отряды, и про присылку Пети, и про то, как он отвечал обоим генералам. Потом Денисов рассказал про всё, что он знал о положении французского отряда.

— Это так. Но надо знать, какие и сколько войск, — сказал Дблехов, — надо будет съездить. Не зная верно, сколько их, пускаться в дело нельзя. Я люблю аккуратно дело делать. Вот, не хочет ли кто из господ съездить со мной в их лагерь. У меня и мундир с собой.

— Я, я... я поеду с вами! — вскрикнул Петя.

— Совсем тебе не нужно ездить, — сказал Денисов, обращаясь к Долохову, — а уж его я ни за что не пущу.

— Вот прекрасно! — вскрикнул Петя, — отчего же мне не ехать?..

— Да оттого, что незачем.

— Ну уж вы меня извините, потому что... потому что... я поеду, вот и всё. Вы возьмёте меня? — обратился он к Долохову.

— Отчего ж?.. — рассеянно отвечал Долохов, взглядываясь в лицо французского барабанщика.

— Давно у тебя молбдчик этот? — спросил он у Денисова.

— Нынче взяли, да ничего не знает. Я оставил его пг'и себе.

— Ну, а остальных ты куда девáешь? — сказал Долохов.

— Как куда? Отсылаю под г'асписку! — вдруг покраснѣв, вскрикнул Денисов.

— И смело скажу, что на моей совести нет ни одного человека. Г'азве тебе тг'удно отослать 30 ли, 300 ли человек под конвоём в гог'од, чем маг'ать, я пг'ямо скажу, честь солдата.

— Вот молбдёнкому графчику в 16 лет говорить эти любезности прилично, — с холодной усмѣшкой сказал Долохов, — а тебе-то уж это оставить пора.

— Что ж, я ничего не говорю; я только говорю, что я непременно поеду с вами, — робко сказал Петя.

— А нам с тобой порá, брат, бросить эти любезности, — продолжал Долохов, как будто он находил особенное удовольствіе говорить об этом предмете, раздражавшем Денисова. — Ну, этого ты зачем взял к себе? — сказал он, покачивая головой. — Затем, что тебе его жалко? Ведь мы знаем эти твои расписки. Ты пошлѣшь их сто человек, а придут тридцать. Помрут с голоду или побьют. Так не всё ли равно их и не брать?

Есаул, щуря светлые глаза, одобрительно кивал головой.

— Это всё г'авно, тут г'ассуждать нечего. Я на свою душу взять не хочу. Ты говог'йшь помг'ут. Ну, хог'ошó. Только бы не от меня.

Долохов засмеялся.

— Кто же им не велел меня двадцать раз поймать? А ведь поймают, — меня и тебя с твоим рыцарством, всё равно, на осйнку. (Он помолчал.) Однако надо дело

отсылать (-лаю, -лаешь) — äga
saatma

под расписку — allkirja vastu
графчик — noog krahviroeg

рыцарство — rüütellikkus
осйнка — haab

на осйнку — oksa (riputama)

делать. Послать моего казака с вы́юком. У меня два французских мунди́ра. Что ж, едем со мной? — спросил он у Пети.

— Я? Да, да непременно, — покраснѣв почти до слѣз, вскрикнул Петя, взглядывая на Денисова.

Опять в то время, как Долохов заспóрил с Денисовым о том, что́ надо делать с пленными, Петя почувствовал нелóвкость и торопливость; но опять не успѣл понять хорошенько того, о чём они говорили. „Ежели так думают большіе, извѣстные, стало быть так надо, стало быть это хорошо“, думал он. „А главное — надо, чтобы Денисов не смел думать, что я послушаюсь его, что он может мной командовать. Непременно поеду с Долоховым во французский лагерь. Он может, и я могу!“

На все убеждения Денисова не ездить, Петя отвечал, что он тоже привык всё делать аккуратно, а не наобұм Лазаря, и что он об опасности себе никогда не думает.

— Потому что — согласитесь сами — если не знать верно, сколько там... от этого завѣсит жизнь, может быть, со́тен, а тут мы одни; и потом мне очень этого хочется и непременно, непременно поеду; вы уже меня не удѣржите, — говорил он, — только хуже будет...

IX.

Одевшись во французские шинели и кивера́, Петя с Долоховым поехали на ту прóсеку, с которой Денисов смотрел на лагерь и, выехав из леса в совершенной темноте, спустились в ло́щину. Съехав вниз, Долохов велел сопровожда́вшим его казакáм дожидаться тут и

выюк — pakk, (seljas tassitav)
koorem, kandan
наобұм — huupi, ükskõik kuidas

прóсека — siht
лощина — nõgu v. väike org

поехал крупной рысью по дороге к мосту. Петя, замирая от волнения, ехал с ним рядом.

— Если попадётся, я живым не отдамся, — у меня пистолёт, — прошептал Петя.

— Не говори по-русски, — быстрым шёпотом проговорил Долохов, и в ту же минуту в темноте послышался оклик „qui vive“¹ и звон ружья.

Кровь броеилась в лицо Пети, и он схватился за пистолет.

— Lanciers du 6-me², — проговорил Долохов, не укорачивая и не прибавляя хода лошади. Чёрная фигура часового стояла на мосту.

— Mot d'ordre?³ — Долохов придержал лошадь и поехал шагом.

— Dites donc, le colonel Gérard est ici?⁴ — сказал он.

— Mot d'ordre, — не отвечая, сказал часовой, загоразивая дорогу.

— Quand un officier fait sa ronde, les sentinelles ne demandent pas le mot d'ordre... — крикнул Долохов, вдруг вспыхнув, наезжая лошадью на часового. — Je vous demande, si le colonel est ici?⁵

И, не дожидаясь ответа от посторонившегося часового, Долохов шагом поехал в гору.

Заметив чёрную тень человека, переходящего через

---

¹ Кто идёт?

² Уланы 6-го полка.

³ Пароль?

⁴ Скажите, здесь ли полковник Жерар?

⁵ Когда офицер объезжает цепь, часовые не спрашивают пароль. Я спрашиваю, тут ли полковник?

попасться* (буд.-падётся, -дётся)

— sisse kukkuma, kätte sattuma

вспыхнув (дееприч.) — ägestudes

посторонившийся (прич.) — kõr-

vale astunud

дорогу, Долохов остановил этого человека и спросил, где командир и офицеры. Человек этот, с мешком на плече, солдат, остановился, близко подошёл к лошади Долохова, дотрагиваясь до неё рукою, и просто и дружелюбно рассказал, что командир и офицеры были выше на горе с правой стороны, на дворе фёрмы (так он называл господскую усадьбу).

Проехав по дороге, с обеих сторон которой звучал от костров французский говор, Долохов повернул во двор господского дома. Проехав в ворота, он слез с лошади и подошёл к большому пылавшему костру, вокруг которого, громко разговаривая, сидело несколько человек. В котелке с краю варилось что-то, и солдат в колпакé и синей шинели, стоя на колéнях, ярко освещённый огнём, мешал в нём шóмполом.

— Oh, c'est un dur à cuire ¹, — говорил один из офицеров, сидевших в тени с противоположной стороны костра.

— Il les fera marcher, les lapins! ², — со смехом сказал другой. Оба замóкли, взглядываясь в темноту на звук шагов Долохова и Пети, подходивших к костру с своими лошадьми.

— Bonjour, messieurs! ³ — громко, отчётливо выговорил Долохов.

Офицеры зашевелились в тени костра, и один высокий офицер с длинной шеей, обойдя огонь, подошёл к Долохову.

¹ Ох, этот жёсток, не проваришь.

² Он заставит ходить кроликов. (Французская поговорка.)

³ Здравствуйте, господа.

пылавший (<i>прич.</i>) — mis lõõmas	освещённый (<i>прич.</i>) — valgustatud
котелок — katlake	шóмпол — püssivarras
колпак — ümmargune müts,	жёсток — kõva
õõmüts	кролик — kodujänes, küülik

— C'est vous, Clément? — сказал он. — D'où, diable...¹ но он не докончил, узнав свою ошибку, и, слегка нахму́рившись, как с незнако́мым, поздоровался с Долоховым, спрашивая его, чем он может служить. Долохов расказал, что он с товарищем договял свой полк, и спросил, обращаясь ко всем вообще, не знали ли офицеры чего-нибудь о 6-м полку. Никто ничего не знал; и Пете показалось, что офицеры враждебно и подозрительно стали осматривать его и Долохова. Несколько секунд все молчали.

— Si vous comptez sur la soupe du soir, vous venez trop tard², — сказал с сдержанным смехом голос из-за костра.

Долохов отвечал, что они сыты и что им надо в ночь же ехать дальше.

Он отдал лошадей солдату, мешавшему в котелке, и на корточках присел у костра рядом с офицером с длинной шеей. Офицер этот, не спуская глаз, смотрел на Долохова и переспросил его ещё раз: какого он был полка. Долохов не отвечал, как будто не слышал вопроса, и, заку́ривая коротенькую французскую трубку, которую он достал из кармана, спрашивал офицеров о том, в какой степени безопасна дорога от казаков впереди их.

— Les brigands sont partout³, — отвечал офицер из-за костра.

Долохов сказал, что каза́ки страшны только для таких отста́лых, как он с товарищем, но что на большие отряды каза́ки, вероятно, не смеют напада́ть, прибавил он вопросительно. Никто ничего не ответил.

---

¹ Это вы, Клеман? Откуда, чорт...

² Если вы рассчитываете на ужин, то вы опоздали.

³ Эти разбойники везде.

„Ну, теперь он уедет“, всякую минуту думал Петя, стоя перед костром и слушая его разговор.

Но Долохов начал опять прекратившийся разговор и прямо стал расспрашивать, сколько у них людей в батальоне, сколько батальонов, сколько пленных. Спрашивая про пленных русских, которые были при их отряде, Долохов сказал:

— *La vilaine affaire de trainer ces cadavres après soi. Vaudrait mieux fusiller cette canaille*¹, — и громко засмеялся таким странным смехом, что Пете показалось, французы сейчас узнают обман, и он невольно отступил на шаг от костра. Никто не ответил на слова и смех Долохова, и французский офицер, которого не видно было (он лежал, укутавшись шинелью), приподнялся и прошептал что-то товарищу. Долохов встал и кликнул солдата с лошадьми.

„Подадут или нет лошадей?“ думал Петя, невольно приближаясь к Долохову.

Лошадей подали.

— *Bonjour, messieurs*², — сказал Долохов.

Петя хотел сказать *bonsoir*³ и не мог договорить слова. Офицеры что-то шепотом говорили между собою. Долохов долго садился на лошадь, которая не стояла; потом шагом поехал из ворот. Петя ехал подле него, желая и не смея оглянуться, чтобы увидеть, бегут или не бегут за ними французы.

Выехав на дорогу, Долохов поехал не назад в поле,

---

¹ Скверное дело таскать за собой эти трупы. Лучше бы расстрелять эту сволочь.

² Добрый вечер, господа.

³ Добрый вечер.

а вдоль по деревне. В одном месте он остановился прислушиваясь. „Слышишь?“ сказал он. Петя узнал звуки русских голосов, увидел у костров тёмные фигуры русских пленных. Спустившись вниз к мосту, Петя с Долоховым проехали часового, который, ни слова не сказав, мрачно ходил по мосту, и выехали в лощину, где дожидались казаки.

— Ну, теперь прощай. Скажи Денисову, что на заре, по первому выстрелу, — сказал Долохов и хотел ехать, но Петя схватился за него рукою.

— Нет! — вскрикнул он, — вы такой герой. Ах, как хорошо! как отлично! Как я вас люблю.

— Хорошо, хорошо, — сказал Долохов.

Петя не отпускал его, и в темноте Долохов рассмотрел, что Петя нагибался к нему. Он хотел поцеловаться. Долохов поцеловал его, засмеялся и, повернув лошадь, скрылся в темноте.

Х.

Вернувшись к караулке, Петя застал Денисова в сенях. Денисов в волнении, беспокойстве и досаде на себя, что отпустил Петю, ожидал его.

— Слава богу! — крикнул он. — Ну, слава богу! — повторял он, слушая восторженный рассказ Пети. — И черт тебя возьми, из-за тебя не спали! — проговорил Денисов. — Ну, слава богу, теперь ложись спать. Ещё вздремнём до утга.

— Да... нет, сказал Петя. — Мне ещё не хочется спать. Да и я себя знаю, ежели засну, так уж кончено. И потом я привык не спать перед сражением.

Петя посидел несколько времени в избѣ, радостно вспоминая подробности своей поездки и живо представляя себе то, что будет завтра. Потом, заметив, что Денисов заснул, он встал и пошел на двор.

На дворе еще было совсем темно. Дождик прошел, но капли еще падали с деревьев. Вблизи от караулки виднелись черные фигуры казачьих палашей и связанных вместе лошадей. За избушкой чернелись две фуры, у которых стояли лошади, и в овраге краснелся догорававший огонь. Казаки и гусары не все спали: кое-где слышались, вместе с звуком падающих капель и близкого звука жевания лошадей, негромкие, как бы шепчущиеся голоса.

Петя вышел из сеней, огляделся в темноте и подошел к фурам. Под фурами храпел кто-то, и вокруг них стояли, жуя овёс, оседланные лошади. В темноте Петя узнал свою лошадь, которую он называл Карабахом, хотя она была малороссийская лошадь, и подошел к ней.

— Ну, Карабах, завтра послужим, — сказал он, нюхая её ноздри и целуя её.

— Что, барин, не спите? — сказал казак, сидевший под фурой.

— Нет; а... Лихачов, кажется тебя звать? Ведь я сейчас только приехал. Мы ездили к французам. — И Петя подробно рассказал казаку не только свою поездку, но и то, почему он ездил, и почему он считает, что лучше рисковать своей жизнью, чем делать наобум Лазаря.

— Что же, соснули бы, — сказал казак.

— Нет, я привык, — отвечал Петя. — А что у вас

капля — tilk

фура — veovanker

жуя (десприч.) — närides, mäludes

оседланный (прич.) — saduldatud

малороссийский — väikevene

ноздри (мн. ч.) — sõbrmed

привык — harjunud

кремни в пистолётах не обились? Я привёз с собою. Не нужно ли? Ты возьми.

Казак повёсунулся из-под фуры, чтобы поближе рассмотреть Петю.

— Оттого, что я привёк всё делать аккуратнo, — сказал Петя. — Иные так, кое-как, не приготoвятся, потом жалéют. Я так не люблю.

— Это точно, — сказал казак.

— Да ещё вот что, пожалуйста, голубчик, наточи мне саблю; затупи... (Но Петя боялся солгать: она никогдá отточена не была.) — Можно это сделать?

— Отчего ж, можно.

Лихачов встал, порылся в вьюках, и Петя скоро услышал войнственный звук стали и бруска. Он взлез на фуру и сел на край её. Казак под фурой точил саблю.

— А что же, спят молодцы? — сказал Петя.

— Кто спит, а кто так вот.

— Ну, а мальчик что?

— Весенний-то? Он там в сенцах завалился. Со страху спится. Уж рад-то был.

Долго после этого Петя молчал, прислушиваясь к звукам. В темноте слышались шаги и показалась чёрная фигура.

— Что точишь? — спросил человек, подходя к фуру.

— А вот барину наточить саблю.

— Хорошее дело, — сказал человек, который показлся Пете гусаром. — У вас, что ли, чашка осталась?

— А вон у колесá. — Гусар взял чашку.

повёсунуться* (буд.-нусь, -нешься)

— read välja pistma

наточить* (буд. -очу́, -очишь) —

ihuma

отточенный (прич.) — ihutud

брусок — luisk

взлезть* (буд. -зу, -зешь) — gonima

— Небось, скоро свет, — проговорил он зевая и пошёл куда-то.

Петя должен бы был знать, что он в лесу, в партии Денисова, в версте от дороги; что он сидит на фуре, отбитой у французов, около которой привязаны лошади; что под ним сидит казак Лихачов и натáчивает ему саблю; что большое чёрное пятно направо — караулка, и красное, яркое пятно внизу налево — догорáвший костёр; что человек, приходивший за чашкой, — гусар, который хотел пить; но он ничего не знал и не хотел знать этого. Он был в волшебном царстве, в котором ничего не было похожего на действительность. Большое чёрное пятно может быть точно была караулка, а может быть была пещера, которая вела в самую глубь земли. Красное пятно может быть был огонь, а может быть глаз огромного чудовища. Может быть он точно сидит теперь на фуре, а очень может быть, что он сидит не на фуре, а на страшно высокой башне, с которой ежели упасть, то лететь бы до земли целый день, целый месяц — всё лететь и никогда не долетишь. Может быть, что под фурой сидит просто казак Лихачов, а очень может быть, что это — самый добрый, храбрый, самый чудесный, самый превосходный человек на свете, которого никто не знает. Может быть, это точно проходил гусар за водой и пошёл в лошину, а, может быть, он только что исчез из виду и совсем исчез, и его не было.

Что бы ни увидал теперь Петя, ничто бы не удивило его. Он был в волшебном царстве, в котором всё было возможно.

Он поглядёл на небо. И небо было такое же волшебное, как и земля. На небе расчищало, и над вершинами

чудовище — koletis

вершина — latv

расчищало (безличн.) — selgima

hakama

дерев быстро бежали облака, как будто открывая звёзды. Иногда казалось, что на небе расчищало, и показывалось чёрное, чистое небо. Иногда казалось, что эти чёрные пятна были точки. Иногда казалось, что небо высоко, высоко поднимается над головой; иногда небо спускалось совсем, так что рукой можно было достать его.

Петя стал закрывать глаза и покачиваться.

Капли капали. Шёл тихий говор. Лошади заржали и подрались. Храпел кто-то.

„Ожиг, жиг, ожиг, жиг...“ свистела натáчиваемая сабля и вдруг Петя услышал стройный хор музыки, игравшей какой-то неизвестный, торжественно сладкий гимн. Петя был музыкален, так же как и Наташа, и больше Николая; но он никогда не учился музыке, не думал о музыке; и потому мотивы, неожиданно приходившие ему в голову, были для него особенно новы и привлекательны. Музыка играла всё слышнее и слышнее. Напéв разрастался, переходил из одного инструмента в другой. Происходило то, что называется фúгой, хотя Петя не имел ни малейшего понятия о том, что такое фуга. Каждый инструмент, то похожий на скрипку, то на трубы — но лучше и чище, чем скрипки и трубы — каждый инструмент играл своё и, не доиграв ещё мотива, сливался с другим, начавшим почти то же, и с третьим, и с четвёртым, и все они сливались в одно и опять разбегались, и опять сливались то в торжественно церковное, то в ярко блестящее и победное.

„Ах да, ведь это я во сне“, качнувшись наперёд, ска-

пятно — laik
заржать* (буд. -ржý, -ржёшь) —
hirnuma hakkama
натáчиваемый (прич.) — ihutav
стройный хор — rütmiline koor
привлекательный — paeluv, võluv

напéв — viis
разрастаться (-áюсь, -áешься) —
paisuma
качнувшись (десприч.) — nõksata-
des

зал себе Петя. „Это у меня в ухах. А может быть это моя музыка. Ну, опять. Валяй моя музыка! Ну!..“

Он закрыл глаза. И с разных сторон, как будто изда-лекá, затрепéтали звуки, стали слáживаться, разбегáться, сливáться, и опять всё соединилось в тот же сладкий и торжéственный гимн. „Ах, это прелесть что такое! Сколько хочу и как хочу“, сказал себе Петя. Он попробовал руко-водить этим огромным хором инструментов.

„Ну, тише, тише, замiráйте теперь.“ — И звуки слу-шались его. — „Ну, теперь полнее, веселее. Ещё, ещё rá-достнее“. И из неизвёстной глубины поднимáлись усили-вающиеся, торжéственные звуки. „Ну, голоса, приста-вáйте!“ приказáл Петя. И сначала издалекá послышались голоса мужские, потом женские. Голоса росли в равно-мёрном, торжественном усилии. Пете страшно и радостно было внимать их необычайной красотé.

С торжественным победным маршем сливáлась песня, и кáпли капали, и „вжиг, жиг, жиг...“ свистéла сабля, и опять подрáлись и заржáли лошади, не нарушáя хора, а входя в него.

Петя не знал, как долго это продолжáлось: он наслаж-дáлся, всё время удивлялся своему наслаждéнию и жалéл, что нéкому сообщитъ его. Его разбудил ласковый голос Лихачова.

— Готова, ваше благородие; надвое храница рас-пластáете.

Петя очнулся.

— Уж светáет; право светает! — вскрикнул он.

слáживаться (-ваюсь, -ваешься) —
kokku kólama
приставáйте (повел.) — tulge
juurde
внимáть = слúшать — kuulama

храница (народн.) = француз
распластáть* (буд.-тáю, -тáешь) —
kihtideks lõikama; siin: pooleks
raiuma
светáет (безличн.) — valgeneb

Невидные прежде лошади стали видны до хвостов и сквозь оголенные ветки виднелся водянистый свет. Петя встряхнулся, вскочил, достал из кармана целковый и дал Лихачову; махнув, попробовал пашку и положил её в ножны. Казаки отвязывали лошадей и подтягивали подруги.

— Вот и командир, — сказал Лихачов.

Из караулки вышел Денисов и, окликнув Петю, приказал собираться.

XI.

Быстро в полутьме разобрали лошадей, подтянули подруги и разобрались по командам. Денисов стоял у караулки, отдавая последние приказания. Пехота партии, шлепая сотней ног, прошла вперёд по дороге и быстро скрылась между деревьев в предрассветном тумане. Есаул что-то приказывал казакам. Петя держал свою лошадь в поводу, с нетерпением ожидая приказания садиться. Обмороженное холодной водой лицо его, в особенности глаза, горели огнём, озноб пробегал по спине, и во всем теле что-то быстро и равномерно дрожало.

— Ну, готово у вас всё? — сказал Денисов. — Давай лошадей.

Лошадей подали. Денисов рассердился на казака за то, что подруги были слабы, и, разбранив его, сел. Петя

водянистый — vesihall

целковый — rubla

ножны (мн. ч.) — tupp

отвязывать (-ваю, -ваешь) — lahti päästma

подтягивать (-ваю, -ваешь) — pingule tõmbama

подруга — sadulavöö

разобрать* (буд. разберу, разберёшь) — võtma (igaüks oma), (välja) valima

разобраться по командам — jagunema komandode järgi

предрассветный — koidueelne

в поводу — ratsmeidpidi

озноб — külmavärin, jüdin

разбранив (деприм.) — tõrelnud, riieelnud

взялся за стремя. Лошадь, по привычке, хотела куснуть его за ногу, но Петя, не чувствуя своей тяжести, быстро вскочил в седло и, оглядываясь на тронувшихся сзади в темноте гусар, подъехал к Денисову.

— Василий Фёдорович, вы мне поручите что-нибудь? Пожалуйста... ради бога... — сказал он. Денисов, казалось, забыл про существование Пети. Он оглянулся на него.

— Об одном тебя пошлёт, — сказал он строго: — слушаться меня и никуда не соваться.

Во всё время переезда Денисов ни слова не говорил больше с Петей и ехал молча. Когда подъехали к опушке леса, в поле заметно уже стало светлеть. Денисов поговорил что-то шопотом с есаулом, и казаки стали проезжать мимо Пети и Денисова. Когда они все проехали, Денисов тронул свою лошадь и поехал под гору. Садясь на задки и скользя, лошади спускались с своими седоками в лошину. Петя ехал рядом с Денисовым. Дрожь во всём его теле всё усиливалась. Становилось всё светлее и светлее, только туман скрывал отдалённые предметы. Съехав вниз и оглянувшись назад, Денисов кивнул головой казаку, стоявшему подле него.

— Сигнал! — проговорил он. Казак поднял руку, раздался выстрел. И в то же мгновение послышался топот вперёд поскакавших лошадей, крики с разных сторон и ещё выстрелы.

В то же мгновение, как раздалась первые звуки топота и крика, Петя, ударив свою лошадь и выпустив поводья, не слушая Денисова, кричавшего на него, поскакал вперёд. Пете показалось, что вдруг совершенно, как серед дня,

---

куснуть* (буд. -нў, -нєшь) — nāk-sama

соваться (сўсь, сўєшься) — tūk-kima

дрожь (ж. р.) — vārin

ярко рассвѣло в ту минуту, как послышался выстрел. Он подскакáл к мосту. Впередí по дороге скакáли казаки. На мосту он столкнóлся с отстáвшим казаком и поскакал дальше. Впереди какие-то люди — должно быть, это были французы, — бежали с правой стороны дороги на левую. Одни упал в грязь под ногáми Петиной лошади.

У одной избы столпíлись казаки, что-то делая. Из середины толпы послышался страшный крик. Петя подскакáл к этой толпé и первое, что он увидáл, было бледное, с трясóщейся нижней чéлюстью, лицо француза, держáвшегося за дrevкó направленной на него пíки.

— Ура!.. Ребята... наши... — прокричал Петя и, дав поводья разгорячившейся лошади, поскакал вперед по улице.

Впереди слышны были выстрелы. Казаки, гусары и русские обóрванные пленные, бежавшие с обеих сторон дороги, все громко и несклáдно кричали что-то. Молодцевáтый, без шапки, с красным нахмóренным лицом, француз в синей шинели отбивáлся штыкóм от гусар. Когда Петя подскакáл, француз уже упал. „Опять опоздал“, мелькнуло в голове Пети, и он поскакáл туда, откуда слышались частые выстрелы. Выстрелы раздавáлись на дворе того барского дома, на котором он был вчера ночью с Долоховым. Французы засели там за плетнём в густóm, заросшем кустáми, саду и стреляли по казакам, столпíвшимся у ворот. Подъезжáя к воротам, Петя в пороховом дыму увидал Долохова, с бледным, зеленовáтым лицóм, кричáвшего что-то людям. „В объезд! Пехоту подождáть!“ кричал он в то время, как Петя подъехал к нему.

— Подождáть?.. Урааа!.. — закричал Петя и, не медля ни одной минуты, поскакал к тому месту, откуда

слышались выстрелы и где гуще был пороховой дым. Послышался залп, провизжались пустые и во что то шлепнувшие пули. Казаки и Долохов всакали вслед за Петей в ворота дома. Французы, в колеблющемся густом дыме, одни бросали оружие и выбегали из кустов навстречу казакам, другие — бежали под гору к пруду. Петя скакал на своей лошади вдоль по барскому двору и, вместо того, чтобы держать поводья, странно и быстро махал обеими руками и всё дальше и дальше сбивался с седла на одну сторону. Лошадь, набежав на тлевший в утреннем свете костёр, упёрлась, и Петя тяжело упал на мокрую землю. Казаки видели, как быстро задёрнулись его руки и ноги, несмотря на то, что голова его не шевелилась. Пуля пробила ему голову.

Переговоривши с старшим французским офицером, который вышел к нему из-за дома с платком на шпáге и объявил, что они сдаются, Долохов слез с лошади и подошёл к неподвижно, с раскинутыми руками, лежащему Пете.

— Готов, — сказал он, нахмурившись, и пошёл в ворота навстречу ехавшему к нему Денисову.

— Убит?! — вскрикнул Денисов, увидав ещё издали то знакомое ему, несомненно безжизненное положение, в котором лежало тело Пети.

— Готов, — повторил Долохов, как будто выговаривание этого слова доставляло ему удовольствие, и быстро пошёл к пленным, которых окружили спешившиеся казаки. — Братъ не будем! — крикнул он Денисову.

Денисов не отвечал; он подъехал к Пете, слез с лошади и дрожащими руками повернул к себе запачканное кровью и грязью, уже побледневшее лицо Пети.

тлевший (*прич.*) — mis hõdguš
выговаривание — lausumine

спешившийся (*прич.*) — jalastunud,
hobuse seljast maha tulnud

„Я привык что-нибудь сладкое. Отличный изюм, берите весь“, вспомнилось ему. И казаки с удивлением оглянулись на звуки, похожие на собачий лай, с которыми Денисов быстро отвернулся, подошёл к плетню и схватился за него.

В числе отбитых Денисовым и Долоховым русских пленных был Пьер Безухов.

Kaanejoonise valmistanud V. Tomassov.

Vastutav toimetaja Ed. Ertis.

Keeleline toimetaja V. Bergmann.

Ladumisele antud 23. X 1948. Trükkimisele antud 11. III 1949. Trüki-
arv 5000. Paber 56×79, $\frac{1}{16}$. Trükipoognaid 13. Trükitähti trükipoognas
38724. Arvutuspoognaid 12,5. MB-02218. Trükikoda „Hans Heidemann“,
Tartu, Vallikraavi 4. Tellimise nr. 2087.

На русском и эстонском языках.

Rbl. 4.20

TÜ RAAMATUKOGU

1 0300 00696657 8

49 474